This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

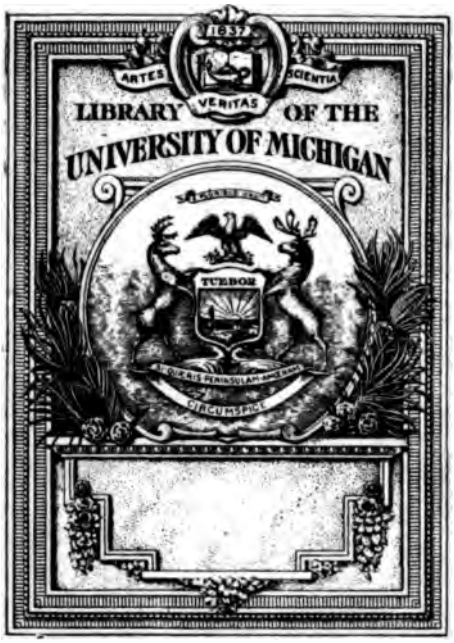
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,240,803


1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SIRCUMSPICE

891.78
G69
1903
v.6

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

М. Горькій.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Мѣщане.
На днѣ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1903.

Типо-Литографія „Энергія“, Загородный 17.

МѢЩАНЕ.

299163

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Мѣщане.
На днѣ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Тринадцатая тысяча.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.

Цѣна **2** р.

2. Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.

Цѣна **2** р.

3. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.

Цѣна **2** р.

4. Гюйо. Наслѣдственность и воспитаніе.

Цѣна **1** р. **50** к.

5. Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія.

Предисловіе А. Фулье. Портретъ автора. Цѣна **2** р.

6. Гюйо. Стихи философа.

Цѣна **1** р.

7. Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи.

Цѣна **3** р.

8. Георгъ Майръ. Статистика и Обществовѣдѣніе.

Два тома. Цѣна за оба тома **6** р.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Адресъ: Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.

Мѣщане.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БЕЗСѢМЕНОВЪ, Василій Васильевичъ, 58 лѣтъ, зажиточный мѣщанинъ, старшина малярнаго цеха.

АКУЛИНА ИВАНОВНА, жена его, 52 г.

ПЕТРЪ, бывшій студентъ, 26 л.

ТАТЬЯНА, школьная учительница, 28 л. } ихъ дѣти.

НИЛЪ, воспитанникъ Безсѣменова, машинистъ, 27 л.

ПЕРЧИХИНЪ, дальній родственникъ Безсѣменова, торговецъ пѣвчими птицами, 50 л.

ПОЛЯ, его дочь, швейка, работаетъ въ семьяхъ поденно, 21 г.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КРИВЦОВА, вдова смотрителя тюрьмы, живетъ въ квартирѣ у Безсѣменовыхъ, 24 л.

ТЕТЕРЕВЪ, пѣвчій
ШИШКИНЪ, студентъ } пахлѣбники Безсѣменовыхъ.

ЦВѢТАЕВА, учительница, подруга Татьяны, 25 л.

СТЕПАНИДА, кухарка.

БАБА съ улицы.

МАЛЬЧИШКА, маляръ.

ДОКТОРЪ.

Мѣсто дѣйствія—маленькій провинціальный городъ.

ОБСТАНОВКА.

Комната въ зажиточномъ мѣщанскомъ до
ѣзанъ двумя глухими переборками. Онъ вы
мымъ угломъ и, стѣсняя задній планъ е
немъ еще маленькую комнату, отдѣленную
ной аркой. Въ аркѣ протянута проволока,
ый занавѣсъ. Въ задней стѣнѣ большой
и и другую половину дома, гдѣ помѣщаютс
лѣбниковъ. Слѣва отъ двери—огромный, т
уды, въ углу сундукъ, справа старинные
ьшой, какъ луна, маятникъ медленно качае
да въ комнатѣ тихо, слышится его бездуш
ъ! Въ лѣвой стѣнѣ—двѣ двери: одна въ к
гая—къ Петру. Между дверями печь, обли
азцами. У печи старый диванъ, обитый клеен
ьшой столъ, на которомъ обѣдаютъ, пьютъ ча
лья съ тошнотворной правильностью стоятъ
амаго края сцены—стеклянная горка, въ н
обочки, пасхальныя яйца, пара бронзовых
ки чайныя и столовыя, нѣсколько штукъ се
овъ, стопокъ. Въ комнатѣ за аркой, у стѣны
ино, этажерка съ нотами, въ углу кадка с
правой стѣнѣ—два окна, на подоконникахъ—
этка, около нея у передней стѣны—маленьк

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ, около пяти часовъ. Въ окна сумракъ. Въ большой комнатѣ— тьяна, полулежа на кушеткѣ, читае стола—шьетъ.

ТАТЬЯНА (*читаетъ*).

„Взошла луна. И было странно видѣть, что отъ нея, такой маленькой и грустной, на землю такъ много льется серебристо-голубого, ласковаго свѣта"... (*Бросаетъ книгу на колѣни*). Темно.

ПОЛЯ.

Зажечь лампу?

ТАТЬЯНА.

Не надо! Я устала читать...

ПОЛЯ.

Какъ это хорошо написано! Просто такъ... и грустно... за душу беретъ... (*Пауза*). Ужасно хочется знать—какой конецъ? поженятся они—иль нѣтъ?

ТАТЬЯНА (*съ досадой*).

Не въ этомъ дѣло...

ПОЛЯ.

А я бы такого не полюбила... нѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Почему?

ПОЛЯ.

Скучный онъ... И все жалуется... Неувѣренный, потому что... Мужчина долженъ знать, что ему нужно дѣлать въ жизни...

ТАТЬЯНА (*негромко*).

А... Нилъ—знаетъ?

ПОЛЯ (*увѣренно*).

Онъ знаетъ!

ТАТЬЯНА.

Что же?

ПОЛЯ.

Я... не могу вамъ этого разсказать... такъ просто, какъ онъ говоритъ... Но только дурнымъ людямъ... злымъ и жаднымъ—плохо будетъ отъ него! Не любитъ онъ ихъ.

ТАТЬЯНА.

Кто—дуренъ? И кто—хорошъ?

ПОЛЯ.

Онъ знаетъ!.. (*Татьяна молчитъ, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, беретъ книгу съ ея колѣнъ*). Хорошо это написано! Она очень ужъ привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вотъ какъ видишь женщину-то, въ миломъ образѣ описанную, такъ и сама себѣ лучше кажешься...

ТАТЬЯНА.

Какая наивная... смѣшная ты, Поля... А меня раздражаетъ вся эта исторія! Не было такой дѣвушки! И усадьбы, и рѣки, и луны, ничего такого не было! Все это выдумано. И всегда въ книгахъ описываютъ жизнь не такой, какая она на самомъ дѣлѣ... у насъ, у тебя, напримѣръ...

ПОЛЯ.

Пишутъ про интересное. А въ нашей жизни—какой интересъ?

ТАТЬЯНА

(*не слушая, съ раздраженіемъ*).

Мнѣ часто кажется, что книги пишутъ люди... которые не любятъ меня и... всегда спорятъ со мной. Какъ будто они говорятъ мнѣ: это лучше, чѣмъ ты думаешь, а вотъ это—хуже...

ПОЛЯ.

А я думаю, что всѣ писатели непремѣнно добрые... Посмотрѣла-бы я на писателя!..

ТАТЬЯНА

(*какъ бы сама съ собою*).

Дурное и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я его вижу... а какъ-то особенно... болѣе крупно... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь совсѣмъ не трагична... она течетъ тихо, однообразно... какъ большая, мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ?

ПОЛЯ

(*задумчиво глядя предъ собой*).

Нѣтъ, я бы посмотрѣла на писателя. Вы читали, а я нѣтъ-нѣтъ да и подумаю—какой онъ? Молодой? старый? брюнетъ?..

ТАТЬЯНА.

Кто?

ПОЛЯ.

Вотъ этотъ писатель...

ТАТЬЯНА.

Онъ умеръ...

ПОЛЯ.

Ахъ... жалко какъ! Давно? Молодой?

ТАТЬЯНА.

Среднихъ лѣтъ. Онъ пилъ водку...

ПОЛЯ.

Бѣдненькій... (*Пауза*). И почему это — умные люди пьянствуютъ? Вотъ этотъ, нахлѣбникъ нашъ, пѣвчій... онъ вѣдь умный, а—пьетъ... почему это?

ТАТЬЯНА.

Жить скучно...

ПЕТРЪ

(*заспанный, выходитъ изъ своей комнаты*).

Экая тьма. Кто это сидитъ?

ПОЛЯ.

Я... и Татьяна Васильевна...

ПЕТРЪ.

Что-жъ вы огонь не зажжете?

ПОЛЯ.

Мы сумерничаемъ...

ПЕТРЪ.

Въ мою комнату отъ стариковъ запахъ деревяннаго масла проходитъ... Должно быть, отъ этого во снѣ я видѣлъ, будто плыву по какой-то рѣкѣ, а вода въ ней густая, какъ деготь... Плыть тяжело... и я не знаю— куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мнѣ какіе-то обломки, но когда я хватаюсь за нихъ, они разсыпаются въ прахъ... гнилые, трухлявые. Ерунда... (*Насвистывая, шагаетъ по комнатѣ*). Пора-бы чай пить...

ПОЛЯ (*зажигаетъ лампу*).

Пойду, похлопочу... (*Уходитъ*).

ПЕТРЪ.

По вечерамъ у насъ въ домѣ какъ-то особенно... тѣсно и угрюмо. Всѣ эти допотопныя вещи какъ-бы выростаютъ, становятся еще крупнѣе, тяжелѣе... и, вытѣсняя воздухъ, мѣшаютъ дышать. (*Стучитъ рукой въ шкафъ*). Вотъ этотъ чуланъ восемнадцать лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ... восемнадцать лѣтъ... Говорятъ, жизнь быстро двигается впередъ... а вотъ шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершокъ... Маленькій я не разъ разбивалъ себѣ лобъ объ его твердыню... и теперь онъ почему-то мѣшаетъ мнѣ. Дурацкая штука... Не шкафъ, а какой-то символъ... чортъ-бы его взялъ!

ТАТЬЯНА.

Какой ты скучный, Петръ... Тебѣ вредно жить такъ.

ПЕТРЪ.

Какъ это?

ТАТЬЯНА.

Ты нигдѣ не бываешь... Только на верху у Лены... каждый вечеръ. И это очень безпокоитъ стариковъ...

(*Петръ, не отвѣчая, ходитъ и свищетъ*).

Знаешь, я стала сильно уставать... Въ школѣ меня утомляетъ шумъ и безпорядокъ... здѣсь—тишина и порядокъ. Хотя у насъ стало веселѣе съ той поры, какъ переѣхала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздниковъ еще далеко... Ноябрь... Декабрь. (*Часы бьютъ шесть разъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*высовывая голову изъ двери своей комнаты*).

Засвистали козаченьки! Прошеніе-то, поди-ка, опять не написалъ?

ПЕТРЪ.

Написалъ, написалъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Насилу-то удосужился... эхе-хе! (*Скрывается*).

ТАТЬЯНА.

Какое это прошеніе?

ПЕТРЪ.

О взысканіи съ купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сараѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*выходитъ съ лампой*).

А на дворѣ-то опять дождикъ пошелъ. (*Подходитъ къ шкафу, достаетъ изъ него посуду и накрываетъ на столъ*). Холодно у насъ чего-то. Топили, а холодно. Старый домъ-то... продуваетъ... охо-хо! А отецъ-то, ребятишки, опять сердитый... поясницу, говоритъ, ломитъ у него. Тоже старый... а все неудачи, да непорядки... расходы большіе... забота.

ТАТЬЯНА (*брату*).

Ты вчера у Лены сидѣлъ?..

...ай, пѣли... сп

ТАТЬЯНА.

о съ кѣмъ?

ПЕТРЪ.

съ Ниломъ и Шишкинымъ.

ТАТЬЯНА.

обыкновенію...

ПЕТРЪ.

. Нилъ восторгался процессомъ ж
раздражаетъ меня... проповѣдью бо
изни... Смѣшно! Слушая его, нач
ять себѣ эту никому неизвѣстную
юдѣ американской тетушки, кото
я и осыплетъ тебя разными благами..
вѣдывалъ пользу молока и вредъ та
меня въ буржуазномъ образѣ мысл

ТАТЬЯНА.

е одно и то же...

ПЕТРЪ.

, по обыкновенію...

ТАТЬЯНА

ТАТЬЯНА.

А я вчера была въ клубѣ... на семейномъ вечерѣ. Членъ городской управы Сомовъ, попечитель моей школы, едва кивнулъ мнѣ головой... да. А когда въ залъ вошла содержанка судьи Романова, онъ бросился къ ней, поклонился, какъ губернаторшѣ, и поцѣловалъ руку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Экой безстыдникъ, а? Гдѣ-бы взять честную дѣвушку подъ ручку, да уважить ее, поводить ее по залѣ-то вальяжненько, на людяхъ-то...

ТАТЬЯНА (*брату*).

Нѣтъ, ты подумай. Учительница, въ глазахъ этихъ людей, заслуживаетъ меньше вниманія, чѣмъ распутная, раскрашенная женщина...

ПЕТРЪ.

Не стоитъ замѣчать такихъ... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты почему знаешь? Лизалъ ей щеки-то? Сестру обидѣли, а онъ за обидчицу заступается...

ПЕТРЪ.

Мамаша! Будетъ вамъ...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, при матери совершенно нельзя говорить... (*За дверью въ сѣняхъ слышны тяжелые шаги*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петръ, чѣмъ шаги-то вышагивать, самоваръ втащилъ... а то Степанида жалуется—тяжело дескать...

СТЕПАНИДА

(*выноситъ самоваръ, ставитъ его на полъ около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говоритъ хозяйкѣ*).

Ну, и какъ вамъ будетъ угодно, а только опять

говорю—силъ моихъ нѣтъ лѣшаго этакого таскать,—ноженьки подламываются...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Что-же—особаго человѣка нанять прикажешь?

СТЕПАНИДА.

Какъ хотите! Пускай пѣвчій носитъ—что ему? Петръ Васильичъ, поставь на столъ самоваръ, ей, ей, мочи нѣтъ!

ПЕТРЪ.

Ну, давай... эхъ!

СТЕПАНИДА.

Спасибо. (*Уходитъ*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ, Петя, скажи-ка ты пѣвчему-то, пусть-бы онъ самоваръ-отъ подавалъ? Право...

ТАТЬЯНА (*тоскливо вздыхаетъ*).

О Боже мой...

ПЕТРЪ.

А не сказать-ли ему, чтобъ онъ воду носилъ, полы мылъ, трубы чистилъ и, кстати ужъ, бѣлье стиралъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*съ досадой отмахивается отъ него рукой*).

Что зря говорить? Все это своимъ порядкомъ и безъ него дѣлаютъ... А самоваръ внести...

ПЕТРЪ.

Мамаша! Каждый вечеръ вы поднимаете сей роковой вопросъ,—вопросъ о томъ, кому носить самоваръ. И повѣрьте, что вопросъ этотъ пребудетъ не разрѣшеннымъ до той поры, пока вы не наймете дворника.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

На кой шутъ онъ нуженъ, дворникъ? Отецъ самъ дворъ убираетъ...

ПЕТРЪ.

И это называется—скряжничествомъ. А скряжничать не хорошо, имѣя въ банкѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ш-ш! Нишкни! Отецъ услышитъ — онъ те задастъ банкъ! Ты въ банкъ-то деньги вложилъ?

ПЕТРЪ.

Послушайте!

ТАТЬЯНА (*вскакивая*).

Петръ, да оставь хоть ты... вѣдь терпѣнья не хватаетъ...

ПЕТРЪ (*подходя къ ней*).

Ну, не кричи! Незамѣтно для себя втягиваешься въ эти споры...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

ПЕТРЪ.

Изо дня въ день — одно и то́ же... На душу отъ этихъ преній садится какая-то копоть, ржавчина...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*кричитъ въ дверь своей комнаты*).

Отецъ! Иди чай пить...

ПЕТРЪ.

Когда истечетъ срокъ моего отлученія отъ университета, я уѣду въ Москву и, какъ прежде, буду пріѣзжать сюда на недѣлю, не больше. За три года университетской жизни я отвыкъ отъ дома... отъ всего этого крохоборства и мѣщанской суеты... Хорошо жить одному, внѣ прелестей родного крова!..

ТАТЬЯНА.

А мнѣ вотъ некуда ѣхать...

ПЕТРЪ.

Я говорю тебѣ—поѣзжай на курсы...

ТАТЬЯНА.

Ахъ, зачѣмъ мнѣ курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*снимая чайникъ съ самовара, обожгла руку и вскрикиваетъ*)

Ахъ, пострѣли-те горой!

ТАТЬЯНА (*брату*).

И я не знаю, не представляю — что значитъ жить? Какъ я могла-бы жить?

ПЕТРЪ (*задумчиво*).

Н-да, жить надо умѣючи... осторожно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*выходитъ изъ своей комнаты и, оглядѣвъ дѣтей, садится за столъ*).

Нахлѣбниковъ звали?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Позови-ка...

(*Петръ уходитъ. Татьяна идетъ къ столу*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Опять пиленаго сахару купили? Сколько разъ я говорилъ...

ТАТЬЯНА.

Ну, не все-ли равно, папаша?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я говорю не тебѣ, а матери. Тебѣ, я знаю, все равно.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Всего фунтъ купила я, отецъ. Цѣлая голова есть, только не успѣли расколоть... не сердись!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я не сержусь... Я говорю—пиленый сахаръ тяжелъ и не сладокъ, стало быть, не выгоденъ. Сахаръ всегда нужно покупать головой... и колоть самимъ. Отъ этого будутъ крошки, а крошки въ кушанье идутъ. И сахаръ самый-онъ легкій, сладкій... (*Дочери*). Ты чего морщишься, да вздыхаешь?

ТАТЬЯНА.

Ничего, ничего... такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А коли ничего, такъ незачѣмъ и вздыхать. Неужто отцовы слова такъ тяжело слушать? Не для себя ради, а для васъ-же молодыхъ говорилъ. Мы свое прожили, вамъ—жить. А когда глядишь на васъ, то не понимаешь, какъ, собственно, вы жить думаете? Къ чему у васъ намѣренія? Нашъ порядокъ вамъ не нравится, это мы видимъ, чувствуемъ... а какой свой порядокъ вы придумали? Вотъ онъ, вопросъ? Н-да...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Подумайте, который разъ говорите вы мнѣ это?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И еще, и безъ конца, до гроба говорить буду! Ибо—обезпокоенъ я въ моей жизни. Вами обезпокоенъ... Зря, не подумавши хорошо, пустилъ я васъ въ образованіе... Вотъ—Петра выгнали, ты—въ дѣвкахъ сидишь.

ТАТЬЯНА.

Я работаю... Я...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Слыхалъ. А кому польза отъ этой работы? Двадцать пять рублей твои—никому не надобны и тебѣ самой. Выходи замужъ, живи законнымъ порядкомъ,—я самъ тебѣ пятьдесятъ въ мѣсяцъ платить буду...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*все время разговора отца съ дочерью безпокойно вертится на стулѣ, нѣсколько разъ пытается что-то сказать и, наконецъ, ласково спрашиваетъ*).

Отецъ, ватрушечки... не хочешь-ли? Отъ обѣда остались... а?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*оборачивается къ ней, смотритъ на нее сначала сердито и потомъ, улыбаясь въ бороду, говоритъ*).

Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе, хе! (*Акулина Ивановна бросается къ шкафу, а Безсѣменовъ говоритъ дочери*).

Видишь мать-то, какъ утка отъ собаки птенцовъ своихъ, васъ отъ меня защищаетъ... Все дрожитъ, все боится, какъ-бы я словомъ-то не ушибъ васъ... Ба, птичникъ! Явился, пропащій!

ПЕРЧИХИНЪ

(*является въ дверяхъ, за нимъ молча входитъ Поля*).

Миръ сему дому, хозяину сѣдому, хозяйкѣ-красоткѣ, чадамъ ихъ любезнымъ—во вѣки вѣковъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

У тебя опять разрѣшеніе вина?

ПЕРЧИХИНЪ.

Съ горя!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Съ какого это?

ПЕРЧИХИНЪ

(*разсказываетъ, здороваясь*).

Зяблика продалъ сегодня... Три года держалъ птицу, тирольской трелью пѣла,—продалъ! Почувствовалъ себя за этотъ поступокъ низкимъ человѣкомъ и—растрогался. Жаль птицу, привыкъ... любилъ...

(*Поля, улыбаясь, киваетъ отцу головой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А зачѣмъ продавалъ, коли такъ?

ПЕРЧИХИНЪ

(*придерживаясь за спинки стульевъ, ходитъ вокругъ стола*).

Цѣну хорошую дали....

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А что тебѣ деньги? Все равно промотаешь...

ПЕРЧИХИНЪ (*улыбаясь*).

Вѣрно, мать. Деньги мнѣ не къ рукамъ... вѣрно!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Значитъ, опять-таки не было резона продавать...

ПЕРЧИХИНЪ.

Былъ резонъ. Слѣпнуть стала птица... стало быть, скоро помретъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*усмѣхаясь*).

Ты однако не совсѣмъ дуракъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Рази я это отъ ума поступилъ? Это отъ низости натуры моей...

(*Петръ и Тетеревъ входятъ*).

ТАТЬЯНА.

А Нилъ гдѣ?

ПЕТРЪ.

Ушелъ съ Шишкинымъ на репетицію.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Гдѣ это они играть хотятъ?

ПЕТРЪ.

Въ манежѣ. Спектакль для солдатъ.

ПЕРЧИХИНЪ (*Тетереву*).

Божьей дудкѣ — почтеніе. Синицъ ловить идемъ, дядя?

ТЕТЕРЕВЪ.

Можно. А когда?

ПЕРЧИХИНЪ.

Хоть завтра.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не могу. Покойникъ есть...

ПЕРЧИХИНЪ.

До обѣдни.

ТЕТЕРЕВЪ.

Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось-ли чего-нибудь отъ обѣда? Каши или въ этомъ родѣ чего-либо.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Извольте, батюшка, есть. Поля, принеси-ка тамъ...

(*Поля уходитъ*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Премного благодаренъ, ибо сегодня, какъ вамъ это извѣстно, не обѣдалъ я по случаю похоронъ и свадьбы...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю, знаю...

(*Петръ, взявъ налитый стаканъ, уходитъ въ комнату за аркой, сопровождаемый испытующимъ взглядомъ отца и недружелюбнымъ Тетерева. Нѣсколько секундъ всѣ пьютъ и ѣдятъ молча*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А хорошо ты, Терентій Хрисанфычъ, заработаешь въ этомъ мѣсяцѣ. Почти каждый день покойникъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Везетъ... ничего.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И свадьбы часто...

ТЕТЕРЕВЪ.

И женятся усердно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ накопи деньжатъ, да и самъ женись.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не хочется...

(*Татьяна уходитъ къ брату и между ними начинается тихая бесѣда*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни къ чему. Лучше пойдемъ снигирей ловить...

ТЕТЕРЕВЪ.

Согласенъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Расчудесное это занятіе—снигирей ловить! Только что снѣгъ выпалъ, земля словно въ пасхальную ризу одѣта... чистота, сіяніе и кроткая тишина вокругъ... Особенно ежели день солнечный—душа поетъ отъ радости! На деревьяхъ еще осенній листъ золотомъ отливаетъ, а ужъ вѣтки серебрецомъ снѣжка пушистаго присыпаны. И вотъ на этакую умилительную красоту—гурлы! гурлы!—вдругъ съ небесъ чистыхъ стайка кра-

сныхъ птичекъ опустится, цви! цви! цви! и словно маки расцвѣтутъ. Малешенькія эдакія пичужки, степенныя, вродѣ генераловъ. Ходятъ и ворчатъ и скрипятъ—умиленіе души! Самъ-бы въ снигиря обратился, чтобы съ ними порыться въ снѣгу... эхъ!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Глупая птица—снигирь.

ПЕРЧИХИНЪ.

Я самъ глупый...

ТЕТЕРЕВЪ.

Разсказано хорошо...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*Перчихину*).

Младенецъ ты...

ПЕРЧИХИНЪ.

Люблю птичекъ ловить! Что есть на свѣтѣ лучше пѣвчей птицы?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А ловить ее, птицу-то, грѣхъ. Знаешь?

ПЕРЧИХИНЪ.

Знаю. Но ежели люблю и ничего кромѣ дѣлать не умѣю. Я такъ полагаю, что всякое дѣло любовью освящается...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Всякое?

ПЕРЧИХИНЪ.

Всякое!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А ежели кто любитъ чужую собственность прикарманивать?

ПЕРЧИХИНЪ.

Это ужъ будетъ не дѣло, а воровство.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мм... Оно пожалуй...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*зѣвая*).

Охо-хо! Скушно что-то... И какъ это по вечерамъ

скушно всегда... Хоть-бы ты, Терентій Хрисанфовичъ, гитару свою принесъ, да поигралъ-бы...

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

При наймѣ мною квартиры, достопочтенная Акулина Ивановна, я не бралъ на себя обязанности увеселять васъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*не разобравъ*).

Какъ ты сказалъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Громко и внятно.

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*съ удивленіемъ и досадой*).

Смотрю я на тебя, Терентій Хрисанфовичъ, и дивуюсь. Человѣкъ ты... извини за выраженіе, совсѣмъ... никудышный... никчёмный, но гордость въ тебѣ — чисто барская. Откуда-бы?

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

Врожденная...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чѣмъ-же ты гордишься-то, скажи на милость?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Такъ это онъ, чудачитъ все. Какая въ немъ гордость можетъ быть?

ТАТЬЯНА.

Мама!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*встрепенувшись*).

А? Ты что?

(*Татьяна укоризненно качаетъ головой*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Али я опять не такъ сказала? Ну, ниъ буду молчать... Богъ съ вами.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*обиженный*).

Ты, мать, осторожнѣе выражай свои мысли. Мы живемъ среди лицъ образованныхъ. Они на все могутъ

навести критику съ точки науки и высшихъ свойствъ ума. А мы съ тобой люди старые, глупые...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*миролюбиво*).

Что ужъ тамъ! Конечно ужъ... они вѣдь знаютъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

А это ты, братъ, вѣрно сказалъ. Хоть и въ шутку, а вѣрно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я не въ шутку...

ПЕРЧИХИНЪ.

Погоди! Старики—дѣйствительно глупый народъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Особенно какъ на тебя посмотришь.

ПЕРЧИХИНЪ.

Я—не въ счетъ. Я даже такъ полагаю: не было-бы стариковъ—не было-бы и глупости... Старый человѣкъ думаетъ, какъ сырое дерево горитъ: больше чаду, чѣмъ огня...

ТЕТЕРЕВЪ (*улыбаясь*).

Одобряю...

(*Поля молча смотритъ на отца и гладитъ его плечо рукой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*упрямо*).

Такъ, такъ! Ну, ври дальше...

(*Петръ и Татьяна, прерывая свою бесѣду, съ улыбкой смотрятъ на Перчихина*).

ПЕРЧИХИНЪ

(*воодушевленно болтаетъ*).

Старики, главное дѣло, упрямые! Онъ, старикъ, и видитъ, что ошибся и чувствуетъ, что ничего не понимаетъ, но сознаться въ томъ—не можетъ. Гордость! Жилъ, дескать, жилъ, однихъ штановъ, можетъ, сорокъ штукъ износилъ и вдругъ—понимать пересталъ! Какъ такъ? Обидно. Ну, онъ свое и долбитъ: я старъ, я правъ. А куда ужъ? Умъ сталъ тяжелый у него... А у молодыхъ—умъ быстрый, легкій...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*грубо*).

Ну, ты заврался однако... Ты вотъ что мнѣ скажи: коли мы глупые, стало быть — надо насъ учить уму-разуму?

ПЕРЧИХИНЪ.

Гдѣ тамъ? Въ камни стрѣлять—стрѣлы терять...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего-же быстрые-то умы по угламъ отъ насъ, стариковъ, разбѣгаются, да оттуда смѣшныя рожи показываютъ, а говорить съ нами не хотятъ? Вотъ ты и подумай... И я пойду подумаю... одинъ, коли глупъ я для вашей компаніи... (*Съ шумомъ отодвигаетъ свой стулъ и въ дверяхъ своей комнаты говоритъ*)... образованныя мои дѣти... (*Пауза*).

ПЕРЧИХИНЪ

(*Петру и Татьянѣ*).

Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

ПОЛЯ (*улыбаясь*).

Да это ты его обидѣлъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Я? въ жизнь ни разу никого не обижалъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Эхъ, братцы! Не хорошо у насъ... За что старика обидѣли? Всѣ надутые, всѣ недовольные... а онъ—старъ, ему покой нуженъ... его уважать надо-бы... Вѣдь отецъ... Пойду къ нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

ТАТЬЯНА (*подходя къ столу*).

И за что на насъ разсердился отецъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*въ дверяхъ*).

А ты больше бѣгай отъ него... умная!

(*Поля моетъ посуду, а Тетеревъ, облокотясь о столъ, тяжелымъ взглядомъ смотритъ ей въ лицо. Перчихинъ идетъ къ Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходитъ въ свою комнату*).

ПОЛЯ (*Тетереву*).

Вы что смотрите на меня... такъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Такъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

О чемъ думаешь, Петя?

ПЕТРЪ.

Куда-бы уйти...

ПЕРЧИХИНЪ.

Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мнѣ, пожалуйста, что такое канализація?

ПЕТРЪ.

Ну зачѣмъ тебѣ? Разсказывать это такъ, чтобы ты ясно понялъ—долго... и скучно...

ПЕРЧИХИНЪ.

А ты самъ-то знаешь все-таки?

ПЕТРЪ.

Знаю...

ПЕРЧИХИНЪ

(*недовѣрчиво глядя въ лицо Петра*).

Мм...

ПОЛЯ.

Какъ долго не идетъ Нилъ Васильевичъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Какіе у васъ хорошіе глаза.

ПОЛЯ.

Вы это и вчера говорили.

ТЕТЕРЕВЪ.

Скажу и завтра...

ПОЛЯ.

Зачѣмъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

А не знаю... Вы, можетъ быть, думаете, что я влюбленъ въ васъ?

ПОЛЯ.

Господи! Ничего я не думаю.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего? Жаль! Вы подумайте...

ПОЛЯ.

Да... о чемъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну, хоть-бы о томъ, чего ради я пристаю къ вамъ? Подумайте и скажите мнѣ...

ПОЛЯ.

Какой вы чудакъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Знаю... Вы говорили мнѣ это. Я тоже повторяю вамъ: уходите отсюда! Вамъ вредно бывать въ этомъ домѣ... уходите!

ПЕТРЪ.

Вы объясняетесь въ любви? Можетъ быть, мнѣ уйти?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, не безпокойтесь! Я не считаю васъ предметомъ одушевленнымъ...

ПЕТРЪ.

Не остроумно.

ПОЛЯ (*Тетереву*).

Какой вы задира!

(*Тетеревъ отходитъ въ сторону и внимательно прислушивается къ разговору Петра и Перчихина*).

ТАТЬЯНА

(*выходитъ изъ своей комнаты, кутаясь въ шаль, садится за піанино и спрашиваетъ, разбирая ноты*).

Нилъ еще не пришелъ?

ПОЛЯ.

Нѣтъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Скушновато... Да, вотъ что, Петя: прочиталъ я прошлый разъ въ листкѣ, будто въ Англіи летающіе ко-

рабли выстроены. Корабль, будто, какъ слѣдуетъ быть, но ежели сѣлъ ты на него, надавилъ эдакую кнопку— фію! сейчасъ это поднимается онъ птицей подъ самыя подъ облаки и уноситъ человѣка неизвѣстно куда... Будто очень многіе англичаны безъ вѣсти пропали. Вѣрно это, Петя?

ПЕТРЪ.

Ерунда!

ПЕРЧИХИНЪ.

А печатаютъ...

ПЕТРЪ.

Мало-ли ерунды печатаютъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Много развѣ?

(*Татьяна тихо напѣваетъ что-то грустное*).

ПЕТРЪ (*съ досадой*).

Конечно, много!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ты не сердись. И что это, въ самомъ дѣлѣ, всѣ вы, молодые, на насъ, подержанныхъ людей, свысока глядите? И даже никакъ говорить не желаете? Не хорошо!

ПЕТРЪ.

Дальше...

ПЕРЧИХИНЪ.

Дальше вижу я, что надо мнѣ уходить. Надоѣлъ. Поля, ты скоро домой пойдешь?

ПОЛЯ.

Вотъ уберу только... (*Выходитъ изъ комнаты, сопровождаемая взглядомъ Тетерева*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Н-да... Забылъ ты, Петя, какъ мы съ тобой, бывало, чижиковъ ловили. Въ ту пору любилъ ты меня...

ПЕТРЪ.

Я и теперь...

ПЕРЧИХИНЪ.

Вижу, чувствую... какъ ты теперь!

ПЕТРЪ.

Я въ ту пору леденцы и пряники любилъ, а теперь въ ротъ не беру...

ПЕРЧИХИНЪ.

Понимаю... Дядя Терентій! Идемъ пиво пить?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не расположенъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Ну, я одинъ. Въ кабачкѣ—весело. Въ кабачкѣ—просто. А у васъ съ тоски помрешь, не въ комплиментъ вамъ будь сказано. Ничего вы не дѣлаете... никакихъ склонностей не имѣете... А то давайте въ карты играть? Въ свои козыри? Какъ разъ четверо? (*Тетеревъ смотритъ на Петра и улыбается*).

Не желаете? Ну, воля ваша... Стало быть, прощайте! (*Подходя къ Тетереву, щелкаетъ себя по горлу*).

Идемъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ...

(*Перчихинъ уходитъ, безнадежно махая рукой. Нѣсколько секундъ тишины. Отчетливо слышны тихія ноты пьесы, которую медленно разбираетъ Татьяна. Петръ, лежа на кушеткѣ, вслушивается и насвистываетъ мелодію. Тетеревъ встаетъ со стула и ходитъ по комнатѣ. Въ сѣняхъ, за дверью, съ громомъ падаетъ что-то желѣзное—ведро или самоварная труба. Слышенъ голосъ Степаниды:* „куда-те чортъ понесъ“)...

ТАТЬЯНА (*не прерывая игры*).

Какъ долго Нилъ не приходитъ...

ПЕТРЪ.

Никто не идетъ...

ТАТЬЯНА.

Ты ждешь Елену?..

ПЕТРЪ.

Кого-нибудь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Никто къ вамъ не придетъ...

ТАТЬЯНА.

Какой вы всегда мрачный...

ТЕТЕРЕВЪ.

Никто не придетъ къ вамъ, ибо у васъ нечего взять...

ПЕТРЪ.

Такъ говоритъ Терентій Богословскій...

ТЕТЕРЕВЪ (*настойчиво*).

Замѣчаете-ли вы, что у пьяненькаго, подержаннаго птичника—живъ духъ и жива душа его, тогда какъ вы оба, стоя на порогѣ жизни, полумертвы?

ПЕТРЪ.

А вы? Вы о себѣ какого мнѣнія?

ТАТЬЯНА (*вставая со стула*).

Господа, оставьте! Вѣдь ужъ это было, было! Вы спорили объ этомъ...

ПЕТРЪ.

Мнѣ нравится вашъ стиль, Терентій Хрисанфовичъ... И нравится ваша роль—роль судьи всѣхъ насъ... Но я желалъ бы понять—почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда такъ, точно читаете намъ акафистъ за упокой...

ТЕТЕРЕВЪ.

Таковыхъ акафистовъ не бываетъ...

ПЕТРЪ.

Ну, все равно. Я хочу сказать—вотъ вы не любите насъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Очень...

ПЕТРЪ.

Спасибо за откровенность.

(*Входитъ Поля*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Кушайте на здоровье.

ПОЛЯ.

Чѣмъ вы угощаете?

ТАТЬЯНА.

Дерзостями...

ТЕТЕРЕВЪ

Правдой...

ПОЛЯ.

А я хочу идти въ театръ... Не пойдетъ-ли кто со мной?

ТЕТЕРЕВЪ.

Я...

ПЕТРЪ.

Что сегодня?

ПОЛЯ.

„Вторая молодость“... Идемте, Татьяна Васильевна?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ... Я въ этотъ сезонъ едва-ли буду ходить въ театръ. Надоѣло. Меня злятъ, раздражаютъ всѣ эти драмы съ выстрѣлами, воплями, рыданіями. (*Тетеревъ ударяетъ пальцемъ по клавишъ піанино и по комнатѣ разливается густой печальный звукъ*). Все это неправда. Жизнь ломаетъ людей безъ шума, безъ криковъ... безъ слезъ... незамѣтно...

ПЕТРЪ (*угрюмо*).

Разыгрываютъ драмы на тему о страданіяхъ любви и никто не видитъ тѣхъ драмъ, которыя терзаютъ душу человѣка, стоящаго между „хочу“ и „долженъ“...

(*Тетеревъ, улыбаясь, продолжаетъ бить по клавишамъ басовъ*).

ПОЛЯ (*смущенно улыбаясь*).

А мнѣ нравится въ театрѣ... ужасно. Вотъ, напри-

мѣръ, Донъ Сезарь-де-Базанъ, испанскій дворянинъ... удивительно хорошо! Настоящій герой...

ТЕТЕРЕВЪ.

Я похожъ на него?

ПОЛЯ.

Ой, что вы! Совсѣмъ ни капли!..

ТЕТЕРЕВЪ (*ухмыляясь*).

Эхъ... жаль!

ТАТЬЯНА.

Когда актеръ на сценѣ объясняется въ любви, я слушаю и злюсь... Вѣдь этого не бываетъ, не бываетъ!..

ПОЛЯ.

Ну, я иду... Терентій Хрисанфовичъ,—идете?

ТЕТЕРЕВЪ

(*перестаетъ трогать клавиши*).

Нѣтъ. Я не пойду съ вами, если вы не находите во мнѣ ничего общаго съ испанскимъ дворяниномъ...

(*Поля, смѣясь, уходитъ*).

ПЕТРЪ (*глядя вслѣдъ ей*).

Что ей испанскій дворянинъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Она чувствуетъ въ немъ здороваго человѣка...

ТАТЬЯНА.

Онъ красиво одѣтъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

И веселъ... Веселый человѣкъ—всегда славный человѣкъ... Подлецы рѣдко бываютъ веселыми людьми.

ПЕТРЪ.

Ну, съ этой точки зрѣнія вы должны быть величайшимъ злодѣемъ на землѣ...

ТЕТЕРЕВЪ

(*снова начиная извлекать изъ піанино густые, тихіе звуки*).

Я просто—пьяница, не больше. Вы знаете, почему въ Россіи много пьяницъ? Потому что быть пьяницей

удобно. Пьяницъ у насъ любятъ. Новатора, смѣлаго человѣка—ненавидятъ, а пьяницъ—любятъ. Ибо всегда удобнѣе любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чѣмъ что-либо крупное, хорошее.

ПЕТРЪ

(*расхаживая по комнатѣ*).

У насъ въ Россіи... у насъ въ Россіи... Какъ это странно звучитъ. Развѣ Россія—наша? Моя? Ваша? Что такое—мы? Кто мы?

ТЕТЕРЕВЪ (*напѣваетъ*).

Мы во-ольныя птицы...

ТАТЬЯНА.

Терентій Хрисанфовичъ! Перестаньте, пожалуйста, звонить... ужъ очень погребально...

ТЕТЕРЕВЪ (*продолжая*).

Я аккомпанирую настроенію...

(*Татьяна съ досадой выходитъ изъ комнаты въ сѣни*).

ПЕТРЪ (*задумчиво*).

Н-да... Вы... въ самомъ дѣлѣ перестаньте, это разстраиваетъ нервы... Я думаю, что когда французъ или англичанинъ говоритъ: „Франція“, „Англія“, онъ непремѣнно представляетъ себѣ за этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю—„Россія“ и—чувствую, что для меня это звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе. (*Пауза. Тетеревъ звонитъ*). Есть много словъ, которыя произносишь по привычкѣ, не думая о томъ, что скрыто за ними... Жизнь... Моя жизнь... Чѣмъ наполняются эти два слова? (*Молчитъ, расхаживая. Тетеревъ, тихо ударяя по клавишамъ, наполняетъ комнату стонущими звуками струнъ и съ улыбкой, застывшей на его лицѣ, слѣдитъ за Петромъ*)... Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился... перестаньте звонить, пожалуйста. Никакого режи-

ма, мѣшавшаго мнѣ изучать Римское право, я не чувствовалъ... нѣтъ! По совѣсти... нѣтъ, не чувствовалъ. Я, чувствовалъ режимъ товарищества... и уступилъ ему. Вотъ два года моей жизни вычеркнуто... да. Это насиліе! Насиліе надо мной—не правда-ли? Я думалъ: кончу учиться буду юристомъ, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!..

ТЕТЕРЕВЪ

(*иронически подсказываетъ*).

Родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, въ роли покорнаго слуги общества...

ПЕТРЪ.

Общество? Вотъ что я ненавижу. Оно все повышаетъ требованія къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій... Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!— кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей. Я былъ гражданиномъ... чортъ ихъ возьми!.. Я... не хочу... не обязанъ подчиняться требованіямъ общества. Я личность. Личность свободна... Слушайте! Бросьте это... этотъ чортовъ звонъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Я же аккомпанирую вамъ... мѣщанинъ, бывшій гражданиномъ полчаса? (*Шумъ за дверями въ сѣняхъ*).

ПЕТРЪ (*раздраженно*).

Вы... не издѣвайтесь!

(*Тетеревъ, вызывающе глядя на Петра, продолжаетъ звонить. Входятъ Нилъ, Елена, Шишкинъ, Цвѣтаева и вслѣдъ за ними Татьяна*).

ЕЛЕНА.

Что значитъ этотъ звонъ погребальный? Здравствуйте, страшный буканъ! Здравствуйте, почти прокуроръ! Что вы тутъ дѣлали?

ПЕТРЪ (*хмуро*).

Глупости...

ТЕТЕРЕВЪ.

Это я вызванивалъ отходную человѣку, безвременно угасшему...

НИЛЪ (*Тетереву*).

Слушай! У меня къ тебѣ просьба! (*Что-то шепчетъ на ухо ему. Тетеревъ киваетъ головой*).

ЦВѢТАЕВА.

Ахъ, господа, вотъ интересно было на репетиціи!

ЕЛЕНА.

О прокуроръ! Какъ свирѣпо ухаживалъ за мной поручикъ Быковъ!

ШИШКИНЪ.

Теленокъ нашъ Быковъ...

ПЕТРЪ.

Почему вы полагаете, что мнѣ интересно знать, кто и какъ ухаживалъ за вами?

ЕЛЕНА.

Ой, вы не въ духѣ?

ЦВѢТАЕВА.

Петръ Васильевичъ всегда не въ духѣ.

ШИШКИНЪ.

Это обычное состояніе его духа...

ЕЛЕНА.

Танечка! И ты, по обыкновенію, грустна, какъ ночь сентябрьская?

ТАТЬЯНА.

Да, по обыкновенію...

ЕЛЕНА.

А мнѣ—ужасно весело! Господа, скажите, почему мнѣ всегда весело?

НИЛЪ.

Отказываюсь отвѣчать на вопросъ: мнѣ самому тоже всегда весело.

ЦВѢТАЕВА.

И мнѣ!..

ШИШКИНЪ.

Мнѣ—не всегда, но...

ТАТЬЯНА.

Постоянно...

ЕЛЕНА.

Танечка! Ты остришь? Вотъ хорошо! Буканъ! Отвѣчайте: почему мнѣ весело?

ТЕТЕРЕВЪ.

О, воплощенное легкомысліе!

ЕЛЕНА.

Ка-акъ! Хорошо! Я вспомню вамъ эти слова, когда вы будете объясняться мнѣ въ любви!

НИЛЪ.

Однако я-бы поѣлъ чего-нибудь... Мнѣ скоро на дежурство идти...

ЦВѢТАЕВА.

На всю ночь? Бѣдный!

НИЛЪ.

На цѣлыя сутки... Пойду однако въ кухню, поклонюсь Степанидѣ...

ТАТЬЯНА.

Я скажу ей... (*Уходитъ съ Ниломъ*).

ТЕТЕРЕВЪ (*Еленѣ*).

Э... позвольте. Да развѣ я долженъ влюбиться въ васъ?

ЕЛЕНА.

Да, дерзкій человѣкъ! Да, мрачное чудовище! Да! Да!

ТЕТЕРЕВЪ (*отступая предъ ней*).

Повинуюсь... Мнѣ это не трудно... Я однажды былъ влюбленъ сразу въ двухъ дѣвицъ и въ одну замужнюю женщину...

ЕЛЕНА

(*продолжая наступать на него*).

Ну и что же?

ТЕТЕРЕВЪ.

Безполезно...

ЕЛЕНА

(*вполголоса, указывая глазами на Петра*).

Что у васъ съ нимъ вышло? (*Тетеревъ смѣется. Они тихо бесѣдуютъ*).

ШИШКИНЪ (*Петру*).

Слушай, братъ,—нѣтъ-ли цѣлковаго дня на три? Понимаешь—башмаки лопнули...

ПЕТРЪ.

На... Семь за тобой...

ШИШКИНЪ.

Помню...

ЦВѢТАЕВА.

Петръ Васильевичъ! Почему вы не принимаете участія въ нашихъ спектакляхъ?

ПЕТРЪ.

Я же не умѣю играть...

ШИШКИНЪ.

А мы-то развѣ умѣемъ?

ЦВѢТАЕВА.

Ходили-бы хоть на репетиціи. Солдатики ужасно интересные! Одинъ, Ширковъ, такой уморительный. Наивный, славный, улыбается такъ ласково, конфузливо... и ничего не понимаетъ...

ПЕТРЪ

(*искоса наблюдая за Еленой*).

Ну, знаете, я плохо разумѣю, какъ могутъ быть интересны люди, которые ничего не понимаютъ?

ШИШКИНЪ.

Да вѣдь тамъ не одинъ Ширковъ....

ПЕТРЪ.

Допускаю, что ихъ цѣлая рота...

ЦВѢТАЕВА.

Какъ можно говорить такія вещи? Вотъ ужъ не понимаю, что это у васъ? Аристократизмъ, что-ли?

ТЕТЕРЕВЪ (*вдругъ громко*).

Жалѣть я не умѣю...

ЕЛЕНА.

Ш-ш-ш!..

ПЕТРЪ.

Какъ вамъ извѣстно, я мѣщанинъ...

ШИШКИНЪ.

Тѣмъ менѣе понятно твое отношеніе къ простымъ людямъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Меня никто никогда не жалѣлъ...

ЕЛЕНА (*вполголоса*).

А вы развѣ не знаете, что нужно платить добромъ за зло?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не имѣю ни крупной, ни мелкой монеты...

ЕЛЕНА.

Ахъ, тише!..

ПЕТРЪ

(*вслушиваясь въ разговоръ Елены съ Тетеревымъ*).

А мнѣ не понятно... чего ради вы играете въ симпатіи къ этимъ простымъ людямъ...

ЦВѢТАЕВА.

Мы—не играемъ... мы дѣлимся, чѣмъ можемъ, съ ними...

ШИШКИНЪ.

И даже не это... Просто намъ пріятно бывать въ ихъ средѣ... Они безыскусственны... среди ихъ дышешь чѣмъ-то здоровымъ... какъ въ лѣсу. Нашему брату, буквоѣду, никогда не мѣшаетъ освѣжаться...

ПЕТРЪ

(*настойчиво, со скрытымъ раздраженіемъ*).

Просто вы любите жить иллюзіями... И подходите вы къ вашимъ солдатамъ съ нѣкоторымъ тайнымъ намѣреніемъ... смѣшнымъ, простите за правду! Освѣжаться среди солдатъ, это извините...

ЦВѢТАЕВА.

Да не только солдатъ! Вѣдь вы же знаете, что мы устраиваемъ спектакли и въ депо...

ПЕТРЪ.

Все равно. Я говорю о томъ, что, называя всю эту вашу... бѣготню и суету живымъ дѣломъ, вы обманываетесь. Вы вѣдь убѣждены, что способствуете развитію личности... и прочее... И это самообманъ. Придетъ завтра офицеръ или мастеръ, дастъ личности въ рожу и вышибетъ изъ ея головы все, что вы успѣли запонить въ нее, если еще успѣли...

ЦВѢТАЕВА.

Какъ досадно слушать такія рѣчи.

ШИШКИНЪ (*мрачно*).

Н-да... Рѣчи не ладныя... Не первый разъ я слышу ихъ, и все болѣе онѣ не нравятся мнѣ... Когда-нибудь мы съ тобой, Петръ, разговоримся... навсегда!

ПЕТРЪ (*холодно и лѣниво*).

Страшусь! Но жажду этой встрѣчи...

ЕЛЕНА (*горячо вскрикиваетъ*).

Зачѣмъ вы напускаете на себя все это? Господа! Зачѣмъ онъ хочетъ, чтобъ его считали злымъ?

ПЕТРЪ.

Ради оригинальности, я думаю.

ЦВѢТАЕВА.

Конечно. Интересничаетъ! Всѣ мужчины интересничаютъ... при женщинахъ. Одинъ изображаетъ пессимиста, другой Мефистофеля... А сами просто лѣнтяи...

ТЕТЕРЕВЪ.

Кратко, ясно... и здорово!

ЦВѢТАЕВА.

А что же, комплименты я вамъ буду говорить? Ждите! Знаю я васъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ этомъ случаѣ вы знаете больше, чѣмъ я. А не знаете-ли вы, кстати, вотъ чего: слѣдуетъ платить добромъ за зло, или не слѣдуетъ? Т.-е., проще говоря: считаете вы добро и зло равноцѣнными, или-же нѣтъ?

ЦВѢТАЕВА.

Поѣхали парадоксы на немазанныхъ колесахъ!

ШИШКИНЪ.

Погодите, не мѣшайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки онъ нѣтъ-нѣтъ, да и загонитъ въ мозгъ какую-нибудь занозу... А вѣдь у насъ, у всѣхъ, правду говоря, мыслишки-то все ходовыя, стертыя, какъ старые пятаки...

ПЕТРЪ.

Ты слишкомъ великодушенъ... распространяя свои личныя достоинства на всѣхъ...

ШИШКИНЪ.

Ну-ну! Надо говорить правду, братъ! Даже въ пустякахъ надо быть правдивымъ! Я прямо сознаюсь: никогда еще я ни одного оригинальнаго слова не сказалъ! А хочется, господа!

ТЕТЕРЕВЪ.

А вотъ и сказалъ!

ШИШКИНЪ (*живо*).

Н-ну? Врешь? Что такое?

ТЕТЕРЕВЪ.

Сказалъ, братъ! Вѣрно... А что—самъ догадайся.

ШИШКИНЪ.

Ну, это нечаянно вышло...

ѣдуетъ оплачивать добромъ,—вы оши
чество прирожденное вамъ и потому—
—вы сами придумали, вы страшно дор
го и потому—оно есть драгоцѣнно
прекраснѣе которой нѣтъ на землѣ
выводъ: уравнивать добро со зломъ
асъ и безполезно. Я говорю вамъ: до
олько за добро. И никогда не плати
сколько получено вами, дабы не поощ
ѣ чувство ростовщика. Ибо человѣкъ
ивъ однажды больше того, сколько
ъ другой разъ захочетъ получить еще
не платите ему меньше, чѣмъ должны
о разъ обсчитаете, человѣкъ злопамя
ъ про васъ „банкроты“, перестанетъ ува
t разъ не добро уже сдѣлаетъ вамъ,
ъ милостыню. Братіе! будьте строго
з за добро, содѣянное вамъ! Ибо нѣтъ
) печальнѣе и противнѣе человѣка, к
ыню ближнему своему! Но за зло—в
горицею зла. Будьте жестоко щедры

ЕЛЕНА (*тихо*).

Однако, вы... должно быть, много потерпѣли отъ людей...

ТЕТЕРЕВЪ (*оскаливъ зубы*).

Но это дало мнѣ веселую надежду, что и они со временемъ потерпятъ отъ меня... или, вѣрнѣе,—за меня...

НИЛЪ

(*входитъ съ миской въ рукахъ и кускомъ хлѣба. Говоря, онъ внимательно слѣдитъ, какъ-бы не разлитъ содержимое миски. За нимъ идетъ Татьяна*).

Все это философія. Плохая у тебя, Таня, привычка дѣлать изъ пустяковъ философію! Дождь идетъ—философія, палецъ болитъ—другая философія, угаромъ пахнетъ—третья. И когда я слышу такія философіи изъ пустяковъ, мнѣ невольно думается, что не всякому человѣку грамота полезна...

ТАТЬЯНА.

Какой ты... грубый, Нилъ.

НИЛЪ

(*садится за столъ и ѣстъ*).

Чего-тамъ грубый?.. Скучно тебѣ жить,—займись чѣмъ-нибудь. Кто работаетъ, тотъ не скучаетъ. Дома тяжело—поѣзжай въ деревню, тамъ живи и учи... а то—въ Москву, сама поучись...

ЕЛЕНА.

Такъ ее! И еще проберите вотъ этого (*указываетъ на Тетерева*),—этого вотъ!

НИЛЪ (*искоса посмотрѣвъ*).

Тоже, чадушко. Въ Гераклиты мѣтитъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Назови меня Свифтомъ, если тебѣ нетрудно...

НИЛЪ.

Много чести!

ПЕТРЪ.

Да, многонько!..

ТЕТЕРЕВЪ.

А мнѣ это было-бы пріятно...

ЦВѢТАЕВА.

Какой лакомый!..

НИЛЪ (*глядя въ миску*).

Не погнѣвайся... А что... того... Поля была? т.-е., куда она ушла?

ТАТЬЯНА.

Въ театръ. А что?

НИЛЪ.

Ничего... такъ... вообще—спрашиваю...

ТАТЬЯНА.

Тебѣ ее нужно?

НИЛЪ.

Нѣтъ, не нужно... т.-е., сейчасъ не нужно... а вообще, всегда... нужно. О, чортъ... запутался! (*Всѣ улыбаются, кромѣ Татьяны*).

ТАТЬЯНА (*настойчиво*).

Зачѣмъ? Зачѣмъ она тебѣ?..

(*Нилъ, не отвѣчая, ѣстъ*).

ЕЛЕНА (*Татьянѣ быстро*).

За что онъ тебя пробиралъ? Скажи.

ЦВѢТАЕВА.

Да, это интересно!

ШИШКИНЪ.

Мнѣ тоже нравится, какъ Нилъ Васильевичъ нотаціи читаетъ...

ПЕТРЪ.

А мнѣ—какъ онъ ѣстъ...

НИЛЪ.

Я все недурно дѣлаю...

ЕЛЕНА.

Ну-же, Таня, говори!

ТАТЬЯНА.

Не хочется...

ЦВѢТАЕВА.

Ей никогда ничего не хочется!

ТАТЬЯНА.

Почему ты знаешь? А, можетъ быть, я очень хочу умереть?

ЦВѢТАЕВА.

Фи, гадость!

ЕЛЕНА.

Брр! Не люблю говорить о смерти.

НИЛЪ.

Что можно сказать о смерти до поры, пока не умрешь?

ТЕТЕРЕВЪ.

Вотъ истинный философъ!

ЕЛЕНА.

Идемте, господа, ко мнѣ. Пора, самоваръ, навѣрное, давно готовъ...

ШИШКИНЪ.

А хорошо теперь чайку хлебнуть! Да и подзакусить-бы... можно надѣяться?

ЕЛЕНА.

Конечно!

ШИШКИНЪ (*указывая на Нила*).

А то я смотрю на него и—завидую, грѣшный человѣкъ!

НИЛЪ.

Не завидуй—я уже все съѣлъ! Я тоже пойду съ вами, у меня еще болѣе часа свободнаго времени...

ТАТЬЯНА.

Ты лучше отдохнулъ-бы до дежурства...

НИЛЪ.

Сойдетъ и такъ...

ЕЛЕНА.

Петръ Васильевичъ! Идете?

ПЕТРЪ.

Если позволите...

ЕЛЕНА.

Благосклонно разрѣшаю. Вашу руку!..

ЦВѢТАЕВА.

Становитесь всѣ въ пары. Нилъ Васильевичъ, ко мнѣ...

ШИШКИНЪ (*Татьянѣ*).

Значитъ, вы—со мной...

ТЕТЕРЕВЪ.

Вотъ—говорятъ, что женщинъ на землѣ больше, чѣмъ мужчинъ. Однако я живалъ во многихъ городахъ и всегда, вездѣ мнѣ не хватало дамы...

ЕЛЕНА

(*смѣясь идетъ въ двери и напѣваетъ*).

Allons, enfants de la patri... i... i... e!

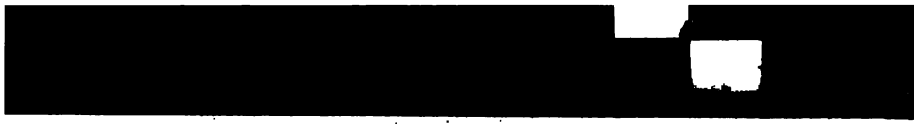
ШИШКИНЪ

(*толкая Петра въ спину*).

Двигайся живѣе, сынъ отечества!..

(*Уходятъ съ шумомъ, пѣніемъ и смѣхомъ. Комната нѣсколько секундъ остается пустой. Потомъ дверь изъ комнаты стариковъ отворяется, выходитъ Акулина Ивановна и, позѣвывая, гаситъ лампы. Слышенъ голосъ старика, монотонно читающаго псалтирь у себя въ комнатѣ. Во тьмѣ, натыкаясь на стулья, старуха проходитъ къ себѣ обратно*).

АКТЪ ВТОРОЙ.



Та же комната. Осенній полдень. За столомъ сидитъ старикъ Безсъменовъ. Татьяна неслышно и медленно ходитъ взадъ и впередъ. Петръ, стоя у переборки, смотритъ въ окно.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Битый часъ говорю я вамъ... дѣтки мои милыя, а, видно, нѣтъ у меня такихъ словъ, чтобы сердца вашего коснулись... Одинъ спиной меня слушаетъ, другая ходитъ, какъ ворона по забору.

ТАТЬЯНА.

Я сяду... (*садится*).

ПЕТРЪ

(*оборачиваясь лицомъ къ отцу*).

Ты скажи прямо, чего ты хочешь отъ насъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Хочу понять, что вы за люди... Желаю знать, какой ты человѣкъ?

ПЕТРЪ.

Подожди! Я отвѣчу тебѣ... ты поймешь, увидишь. Дай прежде кончу учиться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... фордыбачишь. Ты вотъ научился презрѣнію ко всему живущему, а размѣра въ дѣйствіяхъ не пріобрѣлъ... Изъ университета тебя выгнали. Ты думаешь неправильно? Ошибаешься. Студентъ есть ученикъ, а не распорядитель въ жизни. Ежели всякій парень въ двадцать лѣтъ уставщикомъ порядковъ захочетъ быть... тогда все должно придти въ замѣшательство... и дѣловому человѣку на землѣ мѣста не будетъ. Ты научись, будь мастеромъ въ твоемъ дѣлѣ и тогда—раз-

суждай... А до той поры всякій на твои разсужденія имѣетъ полное право сказать—цыцъ. Я говорю тебѣ это не со зла, а по душѣ... какъ ты есть мой сынъ, кровь моя, и все такое. Нилу я ничего не говорю... хоть много положилъ труда на него, хоть онъ пріемышъ мой... но все-жъ онъ—чужая кровь. И чѣмъ дальше—тѣмъ больше онъ мнѣ чужой. Я вижу—будетъ онъ прохвостомъ... актеромъ будетъ или еще чѣмъ-нибудь въ этакомъ духѣ... Можетъ, даже соціалистомъ будетъ. Ну,—туда ему и дорога.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*выглядывая изъ двери, жалобнымъ и робкимъ голосомъ*).

Отецъ! не пора-ли обѣдать?

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*строго*).

Пошла ты! Не суйся, когда не надо... (*Акулина Ивановна скрывается за дверью. Татьяна укоризненно смотритъ на отца, встаетъ со стула и снова бродитъ по комнатѣ*). Видѣли? Мать ваша ни минуты покоя не знаетъ оберегая васъ... все боится, какъ-бы я не обидѣлъ... Я не хочу никого обижать... Я самъ обиженъ вами, горько обиженъ... Въ домѣ моемъ я хожу осторожно, ровно на полу вездѣ битое стекло насыпано... Ко мнѣ, и гости—старые пріятели—перестали ходить: у тебя, говорятъ, дѣти образованныя, а мы—народъ простой, еще насмѣются они надъ нами. И вы не однажды смѣялись надъ ними, а я со стыда горѣлъ за васъ. Всѣ пріятели меня бросили, точно образованныя дѣти—чума. А вы никакого вниманія на отца своего не обращаете... никогда не поговорите съ нимъ ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что дѣлать будете? Я вамъ, какъ чужой. А вѣдь я—люблю васъ... Люблю. Понимаете вы, что значитъ—любовь? Тебя вотъ выгнали, мнѣ это больно. Татьяна зря въ дѣвкахъ сохнетъ, мнѣ это обидно... и даже конфузно предъ людьми. Чѣмъ Татьяна хуже многихъ прочихъ, кото-

рыя выходятъ замужъ и... все такое? Мнѣ хочется видѣть тебя, Петръ, человѣкомъ, а не студентомъ... Вонъ Филиппа Назарова сынъ—кончилъ учиться, женился, взялъ съ приданымъ, двѣ тыщи въ годъ получаетъ... въ члены управы попадетъ...

ПЕТРЪ.

Подождите... и я женюсь...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да, я вижу. Ты—хоть завтра готовъ... Ну, только на комъ? На вертушкѣ, на безпутной бабенкѣ... да еще вдовѣ. Э-эхъ!

ПЕТРЪ (*вскакивая*).

Вы не имѣете права называть ее такъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Какъ такъ? Вдовой или безпутной?

ТАТЬЯНА.

Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это. Петръ... Уйди... или—молчи! Я вѣдь вотъ—молчу. Слушайте... Я—не понимаю ничего... Отецъ... Когда вы говорите, я чувствую—вы правы. Да, вы правы, знаю. Повѣрьте, я... очень это чувствую. Но ваша правда—чужая намъ... мнѣ и ему... понимаете? У насъ уже своя... вы не сердитесь, постойте. Двѣ правды, папаша..

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вскакивая*).

Врешь, одна правда! Моя правда. Какая ваша правда? Гдѣ она? Покажи.

ПЕТРЪ.

Отецъ, не кричи. Я тоже скажу... ну, да. Ты правъ. Но твоя правда узка намъ... мы выросли изъ нея, какъ выросли изъ платья; намъ тѣсно, насъ давитъ это... То, чѣмъ ты жилъ, твой порядокъ жизни, онъ уже не годится для насъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, да! Вы... вы! Какъ-же... вы образовались... а я дуракъ! А вы...

ТАТЬЯНА.

Не то, папаша! Не такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ—то. Къ вамъ ходятъ гости... цѣлые дни шумъ... ночью спать нельзя... Ты на моихъ глазахъ шашни съ постоялкой заводишь... ты всегда надута... а я... а мы съ матерью жмемся въ углу...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*врываясь въ комнату, жалобно кричитъ*).

Голубчики! Да я, вѣдь... родной ты мой! Развѣ я говорю что? Да я и въ углу!.. и въ углу, въ хлѣву! только не ругайтесь вы! Не грызите другъ друга!.. милые!

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*одной рукой привлекая, а другой отталкивая ее*).

Пошла прочь, старуха! Не нужна ты имъ! Оба мы не нужны! Они—умные!.. Мы—чужіе для нихъ!

ТАТЬЯНА (*стонетъ*).

Какая мука! Какая... мука!..

ПЕТРЪ

(*блѣдный, съ отчаяніемъ*).

Пойми, отецъ... вѣдь глупо это. Глупо! Вдругъ, ни съ того ни съ сего...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вдругъ? Врешь! Не вдругъ!.. годами нарывало у меня въ сердцѣ!..

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя, уступи! Не спорь... Таня... пожалѣйте отца.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Глупо? Дуракъ ты! Страшно... а не глупо! Вдругъ... жили отецъ и дѣти... вдругъ—двѣ правды... звѣри вы!

ТАТЬЯНА.

Петръ, уйди! Успокойся, отецъ... ну, прошу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Безжалостные! Стѣснили насъ... Чѣмъ гордитесь?

Что сдѣлали? А мы —жили! Работали... строили дома. для васъ... грѣшили... можетъ быть, много грѣшили— для васъ.

ПЕТРЪ (*кричитъ*).

Просилъ я тебя, чтобъ ты... все это дѣлалъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петръ! Ради...

ТАТЬЯНА.

Ступай вонъ, Петръ! Я не могу, я ухожу... (*Въ изнеможеніи опускается на стулъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А, бѣжите... отъ правды, какъ черти отъ ладона... зазрила совѣсть.

НИЛЪ

(*широко распахнувъ дверь изъ сѣней, останавливается на порогѣ. Онъ съ работы. Лицо у него черное, закопченное дымомъ, измазанное сажей, руки тоже грязныя. Онъ въ короткой куртки, промасленной до блеска, подпоясанъ ремнемъ, въ высокихъ грязныхъ сапогахъ по колѣно. Протягивая руку, онъ говоритъ*).

Дайте поскорѣе двугривенный, извозчику заплатить!

(*Его неожиданный приходъ и вдругъ раздавшійся спокойный голосъ сразу прекращаютъ шумъ въ комнатѣ и нѣсколько секундъ всѣ молчатъ, неподвижно глядя на него. Онъ замѣчаетъ впечатлѣніе и сразу сообразивъ въ чемъ дѣло, съ улыбкою сожалѣнія говоритъ*). Н-нн-у! Опять баталія!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*грубо кричитъ*).

Ты, нехристь! Куда пришелъ!

НИЛЪ.

А? куда?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Въ шапкѣ! Шапку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Что, въ самомъ дѣлѣ? Грязный лѣзешь прямо въ горницы... ишь ты!

НИЛЪ.

Да вы двугривенный-то дайте!

ПЕТРЪ

(*даетъ ему деньги и вполголоса говоритъ*).

Иди сюда скорѣе...

НИЛЪ (*съ улыбкой*).

На помощь? Трудно приходится! Сейчасъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ишь! Вотъ онъ!.. Тоже—все съ рывка, съ наскока... Тоже нахватался гдѣ-то... чего-то... Уваженія нѣтъ ни къ чему на свѣтѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*поддѣлываясь подъ тонъ мужа*).

И впрямь... Сорванецъ какой! Таня, ты поди... поди въ кухню... въ кухню! скажи Степанидѣ—обѣдать... (*Татьяна уходитъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*угрюмо улыбаясь*).

Ну, а Петра куда пошлешь? Э-эхъ ты! Глупая старуха! Глупая ты... Пойми, я не звѣрь какой. Я отъ души... отъ страха за нихъ... отъ боли душевной кричу... а не отъ злости. Чего же ты ихъ разгоняешь отъ меня?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да я вѣдь знаю... голубчикъ мой! Я знаю все... да жалко ихъ. Мы старые съ тобой... мы—таковскіе! Куда намъ? Господи! На что насъ? А имъ жить! Они—милые - горя-то отъ чужихъ много увидятъ...

ПЕТРЪ.

Отецъ, ты право напрасно... волнуешься... Ты вообразилъ что-то...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Боюсь я! Время такое... страшное время! Все ломается, трещитъ... волнуется жизнь... За тебя боюсь... Вдругъ что-нибудь... кто насъ поддержитъ въ старости? Ты—опора намъ. Вонъ Нилъ-то вишь какой! И этотъ...

птица эта, Тетеревъ... тоже! Ты сторонись ихъ! Они... не любятъ насъ. Гляди!

ПЕТРЪ.

Э, полно! Ничего со мной не будетъ... Вотъ, подожду еще немного... потомъ подамъ прошеніе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Подай-ка ты, Петя, поскорѣе, успокой отца...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я въ тебя, Петръ, вѣрю, когда ты вотъ такъ-то говоришь... разсудительно... Вѣрю, что ты жизнь проживешь не хуже меня... Ну, а иной разъ...

ПЕТРЪ.

Ну, давай, оставимъ это. Будетъ!.. Подумай, какъ часто у насъ бываютъ такія сцены!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Голубчики вы мои!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ еще Татьяна... эхъ! Бросить-бы ей училище... Что оно для нея? Одно утомленіе...

ПЕТРЪ.

Да, ей надо отдохнуть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Охъ, надо!

НИЛЪ

(*входитъ раздѣтый, въ синей блузѣ, но еще несумытый*).

Обѣдать скоро будемъ, а?

(*Петръ, при видѣ Нила, быстро выходитъ въ сѣни*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Рожу-то умылъ-бы сначала, а потомъ объ обѣдѣ спрашивалъ.

НИЛЪ.

Ну, рожа у меня не велика, вымою живо, а вотъ ѣсть я хочу, какъ волкъ. Дождь, вѣтеръ, холодище, паровозъ старый, скверный... измаялся я въ эту ночь,

прямо—силъ нѣтъ! Заставить-бы начальника тяги прокатиться въ такую погодку, да на этакомъ паровозѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Болтай больше! Что-то, я смотрю, ты про начальниковъ-то легко говорить сталъ... смотри, худа не было-бы.

НИЛЪ.

Начальникамъ худо не будетъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ не про нихъ говоритъ, а про тебя.

НИЛЪ.

Ага, про меня...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да, про тебя.

НИЛЪ.

Ага!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты не гакай, а слушай...

НИЛЪ.

Я слушаю.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Зазнаваться ты сталъ...

НИЛЪ.

Давно?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты такимъ языкомъ со мной не смѣй говорить.

НИЛЪ.

А у меня одинъ языкъ (*высовываетъ языкъ, показываетъ*), и я со всѣми имъ говорю...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*всплескивая руками*).

Ахъ ты, безстыдникъ! Кому ты языкъ показываешь?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, мать, постой! (*Акулина Ивановна, укоризненно покачивая головой, уходитъ*). Ты... умникъ. Я хочу съ тобой говорить...

НИЛЪ.

Послѣ обѣда?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сейчасъ.

НИЛЪ.

Лучше-бы послѣ обѣда. Право, я голоденъ, усталъ продрогъ... сдѣлайте одолженіе, отложите разговоръ. И потомъ, что вы мнѣ можете сказать? Ругаться вѣдь будете... а мнѣ ругаться съ вами непріятно... лучше-бы вы... того... сказали-бы прямо, что терпѣть меня не можете... и чтобъ я...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, чортъ съ тобой! (*Уходитъ въ свою комнату и плотно, крѣпко прикрываетъ дверь за собою*).

НИЛЪ (*ворчитъ*).

И отлично. Лучше чортъ, чѣмъ ты. (*Напѣвая себѣ подъ носъ, ходитъ по комнатѣ. Татьяна входитъ*). Опять лаялись?

ТАТЬЯНА.

Ты не можешь себѣ представить...

НИЛЪ.

Ну, превосходно представляю... Разыгрывали драматическую сцену изъ безконечной комедіи, подъ названіемъ „Ни туда, ни сюда“.

ТАТЬЯНА.

Тебѣ хорошо говорить такъ. Ты умѣешь стоять въ сторонѣ...

НИЛЪ.

Я умѣю оттолкнуть отъ себя въ сторону всю эту канитель. И скоро — оттолкну рѣшительно, навсегда... Переведусь въ монтеры, въ депо... надоѣло мнѣ ѣздить по ночамъ съ товарными поѣздами. Еще если-бъ съ пассажирскими: съ курьерскимъ, напримѣръ, рѣжь воздухъ! Мчись на всѣхъ парахъ! А тутъ ползешь съ кочегаромъ... скука... Я люблю быть на людяхъ!..

ТАТЬЯНА.

Отъ насъ ты, однако, бѣгаешь...

НИЛЪ.

Да... прости за правду! — убѣжишь вѣдь! Я жить люблю, люблю шумъ, работу, веселыхъ, простыхъ людей. А вы развѣ живете? Такъ, какъ-то слоняетесь около жизни и по неизвѣстной причинѣ стонете, да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Не понятно.

ТАТЬЯНА.

Ты не понимаешь?

НИЛЪ.

То-то нѣтъ. Когда человѣку лежать на одномъ боку неудобно, онъ перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно, онъ только жалуется... А ты сдѣлай усиліе,—перевернись.

ТАТЬЯНА.

Ты знаешь, одинъ философъ сказалъ, что только глупому жизнь кажется простой!

НИЛЪ.

Философы въ глупостяхъ, должно быть, знаютъ толкъ. Но я вѣдь умникомъ себя не считаю... Я просто нахожу, что съ вами жить, почему-то, невыносимо скучно. Думаю потому, что очень ужъ вы любите на все и вся жаловаться. Зачѣмъ жаловаться? Кто вамъ поможетъ? Никто не поможетъ... И некому и... не стоитъ...

ТАТЬЯНА.

Откуда въ тебѣ эта черствость, Нилъ?

НИЛЪ.

А это—черствость?

ТАТЬЯНА.

Жестокость... Я думаю, что ты заразился ею отъ Тетерева, который ненавидитъ за что-то всѣхъ людей.

НИЛЪ.

Ну, не всѣхъ... (*усмѣхаясь*). Тебѣ этотъ Тетеревъ не кажется похожимъ на топоръ?

ТАТЬЯНА.

Топоръ? Какой топоръ?

НИЛЪ.

Обыкновенный, желѣзный топоръ на деревянномъ топорищѣ...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, не шути! Не надо... Знаешь... съ тобой пріятно говорить... ты такой свѣжій... Но только... не внимателенъ ты...

НИЛЪ.

Къ чему?

ТАТЬЯНА.

Къ людямъ... Ко мнѣ, напримѣръ...

НИЛЪ.

Мм... навѣрно, не ко всѣмъ.

ТАТЬЯНА.

Ко мнѣ...

НИЛЪ.

Къ тебѣ? Н-да... (*Оба молчатъ. Нилъ разсматриваетъ свои сапоги. Татьяна смотритъ на него съ ожиданіемъ чего-то*). Видишь-ли... Я къ тебѣ... т. е., я тебя... (*Татьяна дѣлаетъ движеніе къ нему, Нилъ ничего не замѣчаетъ*) очень уважаю... и люблю. Только мнѣ не нравится, зачѣмъ ты учительница? Дѣло это тебѣ не по душѣ, утомляетъ, раздражаетъ тебя. А дѣло—огромное. Ребятишки—вѣдь это люди въ будущемъ... Ихъ надо умѣть цѣнить, надо любить. Всякое дѣло надо любить, чтобы хорошо дѣлать. Знаешь, я ужасно люблю ковать. Предъ тобой красная, безформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотомъ — наслажденіе. Она плюетъ въ тебя шипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая... И ты сильными ударами съ плеча дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно...

ТАТЬЯНА.

Для этого нужно быть сильнымъ.

НИЛЪ.

И ловкимъ...

ТАТЬЯНА.

Послушай, Нилъ, тебѣ никогда не жалко...

НИЛЪ.

Кого?

ЕЛЕНА (*входитъ*).

У васъ обѣдали? Нѣтъ? Идемте ко мнѣ, пожалуйста! Какой пирогъ я спекла! Гдѣ прокуроръ? Прекрасный пирогъ!

НИЛЪ (*подходя къ Еленѣ*).

Я иду! О, я съѣмъ весь прекрасный пирогъ! Я умираю съ голода, меня нарочно не кормятъ! На меня разсердились здѣсь за что-то...

ЕЛЕНА.

За языкъ навѣрное... Таня, идемъ!

ТАТЬЯНА.

Я только скажу мамѣ... (*Уходитъ*).

НИЛЪ.

Откуда вы знаете, что я показалъ отцу языкъ?

ЕЛЕНА.

Что-о? Я ничего не знаю! Что такое?

НИЛЪ.

Ну, я не скажу... Лучше вы разскажите мнѣ о прекрасномъ пирогѣ.

ЕЛЕНА.

Я узнаю! А о пирогѣ... знаете, меня научилъ печь пирогъ одинъ арестантъ, осужденный за убійство. Мужъ позволялъ ему помогать на кухнѣ. Онъ былъ такой жалкенькій, худенькій...

НИЛЪ.

Мужъ?

ЕЛЕНА.

Милостивый государь! мой мужъ былъ двѣнадцати вершковъ роста...

НИЛЪ.

Онъ былъ такъ низокъ?

ЕЛЕНА.

Молчать! И имѣлъ вотъ такіе усы (*показываетъ пальцами, какіе усы*) длиною по три вершка...

НИЛЪ.

Первый разъ слышу о человѣкѣ, достоинства котораго измѣряютъ вершками!

ЕЛЕНА.

Увы! У него не было никакихъ достоинствъ, кромѣ усовъ!

НИЛЪ.

Это грустно! Продолжайте о пирогѣ...

ЕЛЕНА.

Онъ, этотъ арестантъ, былъ поваръ... и убилъ свою жену. Но мнѣ онъ очень нравился. Онъ, вѣдь, убилъ ее какъ-то такъ...

НИЛЪ.

Между прочимъ... понимаю!

ЕЛЕНА.

Убирайтесь! Не хочу съ вами говорить. (*Татьяна, появляясь въ двери, смотритъ на нихъ. Изъ другой двери выходитъ Петръ*). Прокуроръ! Ко мнѣ... ѣсть пирогъ!..

ПЕТРЪ.

Съ удовольствіемъ!

НИЛЪ.

Его сегодня папенька пробралъ за непочтеніе...

ПЕТРЪ.

Ну, перестань..

НИЛЪ.

И я удивляюсь, какъ рѣшается онъ идти къ вамъ безъ спроса?

ПЕТРЪ

(*глядя на дверь въ комнату стариковъ, безпокойно*).

Идти—такъ идемте!

ТАТЬЯНА

Останавливаясь, нетерпѣливо поводя плеч
о?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*въ дв*
ди-ка сюда. (*Почти шопотомъ*). Что, І
къ той пошелъ?

ТАТЬЯНА.

... и я иду...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

ъ ты горе наше горькое, а? Завертитъ
Ужъ я чувствую... Ты-бы хоть погов
орила-бы: братецъ, молъ, остановись.
она тебѣ... сказала-бы ты ему! Вѣд
ъ-то всего три тыщи, да мужнина
ю...

ТАТЬЯНА.

маша, оставьте это. Елена совсѣмъ не
нія на Петра.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да ты не сейчасъ поговори съ нимъ... Ты поди, лягъ, отдохни...

ТАТЬЯНА (*почти кричитъ*).

Мнѣ негдѣ отдохнуть! Я навсегда устала... Навсегда! Поймите? На всю жизнь... отъ васъ устала... отъ васъ!

(*Быстро уходитъ въ сѣни. Акулина Ивановна дѣлаетъ движеніе къ дочери, какъ-бы желая остановить ее, но, всплеснувъ руками, остается на мѣстѣ, недоумѣло раскрывъ ротъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*выглядывая изъ двери*).

Опять схватка?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*встрепенувшись*).

Нѣтъ, ничего... это такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что такъ? Надерзила она тебѣ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*торопливо*).

Нѣтъ, ничего—что ты это? Я ей говорю... обѣдать, молъ, пора. А она говоритъ—не хочу! Я говорю—какъ не хочешь? А она...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Завралась ты, мать!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Правое слово!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И сколько ты, ради ихъ, врешь предо мной. Взгляни-ка мнѣ въ глаза-то... Не можешь... Эхъ ты!

лно, отецъ! Теперь и простые-то люди

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

когда не надо давать дѣтямъ больше то
имѣешь... всего мнѣ тяжелѣе, что не
.. никакого характера... ничего эдакаго...
въ каждомъ человѣкѣ должно быть
а они какіе-то... ровно-бы безъ лицъ! Во
ерзокъ... онъ разбойникъ. Но—человѣ
Опасный... но его можно понять... Э-э
въ молодости, церковное пѣніе любил
ать любилъ... А что Петръ любитъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*робко, со вздохомъ*).

постоялкѣ ушелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

, вотъ... Погоди-же!—Я ее... ущемлю.

ить Тетеревъ, заспанный и мрачный бо.
всегда. Въ рукѣ—бутылка водки и помко

ТЕТЕРЕВЪ.

Безъ причины. Обѣдать скоро?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Сейчасъ накрою... (*Начинаетъ хлопотать*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Эхъ-ма, Терентій Хрисанфовичъ, умный ты человѣкъ... а вотъ губитъ тебя водочка!..

ТЕТЕРЕВЪ.

Почтенный мѣщанинъ,—ты врешь! Меня губитъ не водка, а сила моя... Избытокъ силы—вотъ моя гибель...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, сила лишней не бываетъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Опять врешь! Теперь сила—не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змѣиная гибкость. (*Засучивая рукавъ, показываетъ кулакъ*). Гляди, — если я этой штукой ударю по столу, разобью его вдребезги. Съ такими руками—нечего дѣлать въ жизни. Я могу колоть дрова, но мнѣ трудно и смѣшно писать, напримѣръ... Мнѣ некуда дѣвать силы. Я могу найти себѣ мѣсто по способности только въ балаганѣ, на ярмаркѣ, гдѣ могъ-бы рвать желѣзныя цѣпи, поднимать гири и прочее. Но я учился... И хорошо учился... За что и былъ изгнанъ изъ семинаріи... Я учился и не хочу жить напоказъ, не хочу, чтобы ты, придя въ балаганъ, любовался мною со спокойнымъ удовольствіемъ. Я желаю, чтобы вы смотрѣли на меня съ безпокойнымъ неудовольствіемъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Злой ты...

ѣ бѣжать некуда... я въ своемъ домѣ.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

-бы молчалъ, отецъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

рно! Ты въ своемъ домѣ. Вся жизнь—тво
троеніе. И оттого мнѣ негдѣ жить, мѣща

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

ывешь ты зря... ни къ чему. Но ежели-бы зах

ТЕТЕРЕВЪ.

хочу захотѣть, ибо противно мнѣ. Мнѣ
е пьянствовать и погибать, чѣмъ жить
а тебя и подобныхъ тебѣ. Можешь-ли ты,
представить себѣ меня трезвымъ, приличн
и говорящимъ съ тобою рабьимъ языкомъ
? Нѣтъ, не можешь... (*Поля входитъ и пр*
ва пятится назадъ. Онъ, замѣтивъ ее, широ
и, кивая головой, говоритъ, протягивая ей
ствуйте и не бойтесь... Я ничего не скаж

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Пора... (*Къ Тетереву*). Люблю я слушать, какъ ты разсуждаешь... Особенно про себя самого хорошо выходитъ у тебя. Такъ вотъ,—глядишь на тебя, страшенъ ты. А начнешь ты мысли-то свои высказывать, —я и чувствую твою слабость... (*Довольно и тихо смѣется*).

ТЕТЕРЕВЪ.

И ты нравишься мнѣ. Ибо ты въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру—добръ, и въ мѣру—золъ; въ мѣру честенъ и подлъ, трусливъ и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ... давай, выпьемъ передъ щами, почтенный кротъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Принесутъ, выпьемъ. Но, между прочимъ, зачѣмъ ты ругаешься?.. Безъ причины не надо обижать людей... Надо разсуждать кротко, складно, чтобы слушать тебя было занятно... а если ты будешь людей задѣвать словами—никто не услышитъ тебя, а кто услышитъ—дуракъ будетъ!

НИЛЪ (*входя*).

Поля пришла?

ТЕТЕРЕВЪ (*ухмыляясь*).

Пришла.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А тебѣ ее на что?

НИЛЪ

(*не отвѣчая ей,—Тетереву*).

Эге-э! Разрѣшилъ? Опять? Часто же началъ ты...

ТЕТЕРЕВЪ.

Лучше пить водку, чѣмъ кровь людей... тѣмъ паче, что кровь теперешнихъ людей жидка, скверна и безвку-

спа... Здоровой, вкусной крови осталось мало, — всю высосали...

(*Поля и Степанида. Степанида несетъ миску. Поля—тарелку съ мясомъ.*

НИЛЪ (*подходитъ къ Полѣ*).

Здравствуй. Готовъ отвѣтъ?

ПОЛЯ (*вполголоса*).

Не сейчасъ-же при всѣхъ...

НИЛЪ.

Вотъ важность! Чего бояться?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Кому?

НИЛЪ.

Мнѣ... и вотъ ей...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не понимаю...

ТЕТЕРЕВЪ (*усмѣхаясь*).

А я—понимаю... (*Наливаетъ водки и пьетъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Въ чемъ дѣло? Ты чего, Палагея?

ПОЛЯ (*смущенно, тихо*).

Ничего...

НИЛЪ (*усаживаясь за столъ*).

Секретъ... Тайна!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А коли тайна—говорите гдѣ-нибудь въ углу, а не при людяхъ. Т.-е., это, я скажу, насмѣшка какая-то... хоть бѣги изъ дома! Какіе-то знаки, недомолвки, заговоры... а ты сиди дуракомъ, да хлопай глазами... Я тебя, Нилъ, спрашиваю, кто я тебѣ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ужъ что это, Нилъ, право...

НИЛЪ (*спокойно*).

Вы мнѣ—пріемный отецъ... Но сердиться и поднимать исторіи не слѣдуетъ... Ничего особеннаго не случилось...

ПОЛЯ

(*вставая со стула, на который только что сьла*).

Нилъ Васильевичъ сдѣлалъ... сказалъ мнѣ... вчера вечеромъ... спросилъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что спросилъ?.. Ну?

НИЛЪ (*спокойно*).

Вы не пугайте ее... Я спросилъ ее, не хочетъ-ли она выйти за меня замужъ...

(*Безсѣменовъ удивленно смотритъ на него и Полю, держа въ воздухѣ ложку. Акулина Ивановна тоже замерла на мѣстѣ. Тетеревъ смотритъ предъ собою, тяжело моргая глазами. Кисть его руки, лежащей на колѣнѣ, вздрагиваетъ. Поля низко наклонила голову*).

НИЛЪ (*продолжая*).

А она сказала, что отвѣтитъ мнѣ сегодня... Ну, вотъ и все...

ТЕТЕРЕВЪ (*махая рукой*).

И очень... просто... и больше ничего...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Та-къ... Дѣйствительно... очень просто! (*Съ горечью*). И модно... по новому! Впрочемъ, что тутъ!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Нехристь ты, нехристь! Отчаянная ты голова!.. Чайбы съ нами первоначально поговорить надо...

НИЛЪ (*съ досадой*).

Вотъ дернуло меня за языкъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Оставь, мать! Не наше дѣло! Ѣшь и молчи. И я буду молчать...

ТЕТЕРЕВЪ (*хмыкнув*).

А я буду говорить... А, впрочемъ, и я пока молчу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да... Лучше всѣмъ молчать. Но все-таки, Нилъ... не таровато благодаришь ты меня за мою хлѣбъ-соль... Исподтишка живешь...

НИЛЪ.

За хлѣбъ-соль вашу я платилъ трудомъ, и впредь платить буду, а волѣ вашей подчиняться не могу. Вы вонъ хотѣли женить меня на дурѣ Сѣдовой, потому только, что за нею десять тысячъ приданаго. На что мнѣ ее нужно? А Полю я люблю... Давно люблю и ни отъ кого это не скрывалъ. Всегда я жилъ открыто и всегда буду такъ жить. Укорять меня не въ чемъ, обижаться на меня не за что.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сдержанно*).

Такъ, такъ! Очень хорошо... Ну что-жъ? Женитесь. Мы вамъ не помѣха. Только на какіе-же капиталы жить-то будете? Коли не секретъ—скажите.

НИЛЪ.

Работать будемъ. Я перевожусь въ депо... А она... у нея тоже дѣло будетъ. Вы по прежнему будете получать съ меня тридцать рублей въ мѣсяцъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Поглядимъ. Посулы легки...

НИЛЪ.

Вексель возьмите съ меня...

ТЕТЕРЕВЪ.

Мѣщанинъ! Возьми съ него вексель! Возьми!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Васъ въ это дѣло не просятъ мѣшаться...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Тоже... совѣтчикъ какой!

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, ты возьми. Не возьмешь вѣдь—совѣсть коротка, не посмѣешь... Нилъ, дай ему подписку! Обязуюсь, молъ, ежемѣсячно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я могу и подписку взять... есть за что, такъ я думаю. Съ десяти лѣтъ кормилъ, поилъ, обувалъ, одѣвалъ... до двадцати семи... Н-да...

НИЛЪ.

Не лучше ли вамъ послѣ считаться, не сейчасъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Можно и послѣ. (*Вдругъ вскипая*). Ну, только помни, Нилъ, отнынѣ ты мнѣ.. и я тебѣ—враги! Обиды этой я не прощу. Знай!

НИЛЪ.

Да какая обида? Въ чемъ обида? Вѣдь не ожидали же вы, что я на васъ женюсь?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*кричитъ, не слушая*).

Помни! Издѣваться надъ тѣмъ, кто тебя кормилъ, поилъ... безъ спроса... безъ совѣта... тайно... Ты! Смирная! Тихая! Что понурилась? А? Молчишь? А знаешь, что я могу тебя...

НИЛЪ (*вставая со стула*).

Ничего вы не можете. Будетъ шумѣть. Въ этомъ домѣ я тоже—хозяинъ. Я десять лѣтъ работалъ и заработокъ вамъ отдавалъ. Здѣсь, вотъ тутъ (*топаетъ ногою въ полъ и широкимъ жестомъ руки указываетъ кругомъ себя*) вложено мною не мало. Хозяинъ тотъ, кто трудится...

(*Во время рѣчи Нила Поля встаетъ и уходитъ. Въ дверяхъ ей встрѣчаются Петръ и Татьяна. Петръ, заглянувъ въ комнату, скрывается. Татьяна стоитъ въ дверяхъ, держась за косякъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*ошеломленно таращитъ глаза на Нила*).

Ка-акъ? Хозяинъ? Ты?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Уйдемъ, отецъ! Уйдемъ...пожалуйста, уйдемъ! (*Грозя кулакомъ Нилу*). Ну, Нилка! Ну, ужъ... погоди! (*Со слезами*). Ужъ погоди... дождешься!

НИЛЪ (*настойчиво*).

Да, хозяинъ тотъ, кто трудится... Запомните-ка это!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*тащитъ за собою мужа*).

Идемъ, старикъ! И-идемъ. Богъ съ ними!.. Не говори, не кричи! Кто насъ услышитъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*уступая усиліямъ жены*).

Ну, хорошо... оставайся... хозяинъ! Поглядимъ... кто хозяинъ! Увидимъ!

(*Уходитъ къ себѣ. Нилъ взволнованно разхаживаетъ по комнатѣ. Гдѣ-то на улицѣ далеко играетъ шарманка*).

НИЛЪ.

Вотъ заварилъ кашу! И чортъ меня дернулъ спросить ее!.. Дуракъ! Т.-е., положительно не могу я ничего скрыть... лѣзетъ все наружу помимо воли! Ахъ ты...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего. Сцена очень интересная. Я слушалъ и смотрѣлъ съ удовольствіемъ. Очень недурно, очень. Не волнуйся, братъ. У тебя есть способности... ты можешь играть героическія роли. Въ данный моментъ герой нуженъ... повѣрь мнѣ! Въ наше время всѣ люди должны быть дѣлимы на героевъ, т.-е., дураковъ, и на подлецовъ, т.-е., людей умныхъ...

НИЛЪ.

Чего ради заставилъ я Полю пережить такую... га-

дость?.. Испугалась... нѣтъ, она не пуглива! Обидѣлась, навѣрно... тьфу!

(*Татьяна, все еще стоя въ дверяхъ, при имени Поли дѣлаетъ движеніе. Звуки шарманки умолкаютъ*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Людей очень удобно дѣлить на дураковъ и мерзавцевъ. Мерзавцевъ—тьма. Они живутъ умомъ звѣринымъ, они вѣрятъ только въ правду силы... не моей силы, не этой вотъ, заключенной въ груди моей, а въ силу хитрости... хитрость—умъ звѣря.

НИЛЪ (*не слушая*).

Теперь придется ускорить свадьбу... Ну, и ускоримъ... Да, она еще не отвѣтила мнѣ. Но я знаю, что она скажетъ, милая моя дѣвушка... Какъ ненавижу я этого человѣка... этотъ домъ... всю жизнь эту... гнилую жизнь. Здѣсь всѣ... какіе-то уроды. Никто не чувствуетъ, что жизнь испорчена ими, низведена къ пустякамъ... что изъ нея они дѣлаютъ себѣ темницу, каторгу, несчастіе... какъ они ухитряются дѣлать это? Не понимаю. Но—ненавижу людей, которые портятъ жизнь...

(*Татьяна дѣлаетъ шагъ впередъ, останавливается. Потомъ неслышно идетъ къ сундуку и садится на него, въ углу. Она согнулась, стала маленькой и еще болѣе жалкой*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Жизнь украшаютъ дураки. Дураковъ—немного. Они все ищутъ чего-то, что не имъ нужно, не только имъ однимъ... Они любятъ выдумывать проспекты всеобщаго счастья и подобной ерунды. Хотятъ найти начала и концы всего сущаго. Вообще—дѣлаютъ глупости...

НИЛЪ (*задумчиво*).

Да, глупости. На это я мастеръ.. ну, она потрезвѣе меня... Она—тоже любитъ жить... такой внимательной, спокойной любовью... Знаешь, мы съ ней великолѣпно будемъ жить! Мы оба смѣлые... и, если захотимъ чего, достанемъ! Да, мы съ ней достанемъ... Она какая-то...

новорожденная... (*Смѣется*). Мы съ ней прекрасно будемъ жить!

ТЕТЕРЕВЪ.

Дуракъ можетъ всю жизнь думать о томъ, почему стекло прозрачно, а мерзавецъ просто дѣлаетъ изъ стекла бутылку...

(*Вновь играетъ шарманка уже ближе, почти подъ окнами*).

НИЛЪ.

Ну, ты все о бутылкахъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, я о дуракахъ. Дуракъ спрашиваетъ себя, гдѣ огонь, пока онъ не зажженъ, куда дѣвался, когда угасаетъ. А мерзавецъ сидитъ у огня и ему тепло...

НИЛЪ (*задумчиво*).

Да-а... тепло...

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ сущности—они оба глупы. Но—одинъ глупъ красиво, геройски, другой—тупо, нищенски глупо. И оба они, хотя разными дорогами, но приходятъ въ одно мѣсто—въ могилу, только въ могилу, другъ мой... (*Хохочетъ. Татьяна тихо качаетъ головой*).

НИЛЪ (*Тетереву*).

Ты чего?

ТЕТЕРЕВЪ.

Смѣюсь... Оставшіеся въ живыхъ дураки смотрятъ на умершаго собрата и спрашиваютъ себя—гдѣ онъ? А мерзавцы просто наслѣдуютъ имущество покойнаго и продолжаютъ жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... (*Хохочетъ*).

НИЛЪ.

Однако, ты здорово напился... Шелъ-бы къ себѣ, а?

ТЕТЕРЕВЪ.

Укажи, гдѣ это?

НИЛЪ.

Ну, не дури. Хочешь отведу?

ТЕТЕРЕВЪ.

Меня, братъ, не отведешь. Я не состою въ родствѣ ни съ обвиняемыми... ни съ потерпѣвшими. Я—самъ по себѣ. Я—вещественное доказательство преступленія! Жизнь испорчена! Она—скверно сшита... Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, говорю я. Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... и вотъ я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить...

НИЛЪ.

Ну, иди же, иди!

ТЕТЕРЕВЪ.

Оставь меня! Ты думаешь, я могу упасть? Я уже упалъ, чудакъ ты! Давно-о. Я, впрочемъ, думалъ было подняться, но прошелъ мимо ты и, не замѣтивъ, не нарочно, вновь толкнулъ меня! Ничего, иди себѣ! Иди, я не жалуюсь... Ты здоровъ и достоинъ идти, куда хочешь, такъ, какъ хочешь... Я, падшій, сопровождаю тебя взглядомъ одобренія – иди!

НИЛЪ.

Что ты болтаешь? Интересно что-то, но не понятно...

ТЕТЕРЕВЪ.

И не понимай! Не надо! Нѣкоторыя вещи лучше не понимать, ибо понимать ихъ безполезно. Ты иди, иди!

НИЛЪ.

Ну, хорошо, я ухожу. (*Уходитъ въ сѣни, не замѣчая Татьяну, прижавшуюся въ углу*).

ТЕТЕРЕВЪ (*кланяясь вслѣдъ ему*).

Желаю счастія, грабитель! Ты незамѣтно для себя отнялъ мою послѣднюю надежду и... чортъ съ ней! (*Идетъ къ столу, гдѣ оставилъ бутылку, и замѣчаетъ въ углу комнаты фигуру Татьяны*). Это-о кто, собственно говоря?

ТАТЬЯНА (*тихо*).

Это я... (*Звуки шарманки сразу обрываются*).

ТАТЬЯНА

(не громко, но ясно, отчетливо).

этому что мнѣ негдѣ, нечѣмъ, незач

ревъ молча идетъ къ ней тихими шагами

о я такъ устала и такъ тоскливо мнѣ

зте, до ужаса тоскливо! Мнѣ только

лѣтъ... мнѣ стыдно, увѣряю васъ,

ю чувствовать себя такъ... такой слабо

Внутри у меня, въ сердцѣ моемъ—пу

кло, сгорѣло, я это чувствую и мнѣ

... Какъ-то незамѣтно случилось это...

меня, въ груди выросла пустота... зач

вамъ это?

ТЕТЕРЕВЪ.

понимаю... Сильно пьянъ... Совсѣмъ не

ТАТЬЯНА.

икто не говоритъ со мною, какъ я хо

хотѣлось бы... я надѣялась, что онъ... за

ожидала я, молча... А эта жизнь... се

мелочи... тѣснота—все это раздавило

... Потихоньку, незамѣтно

за нею Нилъ. Они безъ словъ проходятъ къ окнамъ и тамъ, схвативъ Полю за руку, Нилъ вполголоса говоритъ).

НИЛЪ.

Ты прости меня за давешнее... это вышло глупо и скверно... но я не умѣю молчать, когда хочу говорить!

ПОЛЯ (*почти шопотомъ*).

Все равно... теперь все равно! Что ужъ мнѣ всѣ они? Все равно...

НИЛЪ.

Я знаю, ты меня любишь... я вижу... я не спрашиваю тебя. Ты—смѣшная! Вчера сказала: отвѣчу завтра, мнѣ надо подумать. Вотъ смѣшная! О чемъ думать—вѣдь любишь?

ПОЛЯ.

Ну да, ну да... давно ужъ... (*Татьяна крадется изъ двери своей комнаты, встаетъ за занавѣсомъ и слушаетъ*).

НИЛЪ.

Мы славно будемъ жить, увидишь. Ты—такой милый товарищъ... нужды ты не боишься... горе—одолѣешь...

ПОЛЯ (*просто*).

Съ тобой—чего-же бояться? Да я и такъ—одна не робкая... я только смирная...

НИЛЪ.

И ты упрямая... сильная, не согнешься... Ну, вотъ... радъ я... Вѣдь зналъ, что все такъ будетъ, а радъ... страшно...

ПОЛЯ.

Я тоже знала все впередъ...

НИЛЪ.

Ну? Знала? Это хорошо... Эхъ, хорошо жить на свѣтѣ! Вѣдь хорошо?

ПОЛЯ.

, не хвали... надо идти... надо идт
побудь...

НИЛЪ.

пускай ихъ!

ПОЛЯ.

ѣтъ, надо!.. Ну... поцѣлуй еще!.. (*Вы*
Нила, она пробѣгаетъ мимо Татьяны, н
Нилъ, идя за ней съ улыбкой на лицѣ, ув
остановился передъ ней, пораженный ея пр
ущенный. Она тоже молчитъ, глядя на не
и, съ кривой улыбкою на лицѣ).

НИЛЪ (*презрительно*).

дслушивала? Подглядывала? Э-эхъ ты!
пъ. Татьяна стоитъ неподвижно, какъ
, *Нилъ оставляетъ дверь въ сѣни открыт*
доносится суровый окрикъ старика Безсъме
а! Кто угли разсыпалъ? Не видишь? Г

Мѣщане.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Та-же комната.

Утро. Степанида стираетъ съ мебели пыль.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*моетъ чайную посуду и говоритъ*).

Говядина-то сегодня не жирна, такъ ты сдѣлай вотъ что: отъ вчерашняго жаркого сало должно остаться,— ты его запусти во щи... они и покажутъ себя жирными... Слышишь?

СТЕПАНИДА.

Слышу...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А телятину будешь жарить, масла-то много не вали въ плошку... въ середу пять фунтовъ я купила, а вчера, смотрю, ужъ и фунта не осталось...

СТЕПАНИДА.

Стало-быть, вышло...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю, что вышло... Вотъ у тебя его въ головѣ-то сколько... какъ у мужика дегтя въ мазницѣ...

СТЕПАНИДА.

Нешто вы по духу не слышите, что я деревяннымъ изъ лампадки мажусь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, ладно ужъ... (*Пауза*). Куда тебя утромъ Татьяна-то посылала?

СТЕПАНИДА.

Въ аптеку... За спиртомъ нашатырнымъ... Поди, говоритъ, купи мнѣ на двадцать копѣекъ нашатырнаго спирту...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Видно, голова болитъ... (*Вздыхая*). То и дѣло хвораетъ она у насъ...

СТЕПАНИДА.

Замужъ-бы выдали... Оздоровѣла-бы сразу, небойсь...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не больно-то легко нынче замужъ выдать дѣвицу... а образованную-то... еще труднѣе...

СТЕПАНИДА.

Приданое хорошее дадите, и образованную кто-нибудь возьметъ...

(*Петръ выглядываетъ изъ своей комнаты и скрывается*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не увидятъ мои глазыньки этой радости... Не хочетъ Таня замужъ выходить...

СТЕПАНИДА.

Гдѣ ужъ, чай, не хотѣть... въ ея-то лѣтахъ.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Э-эхе-хе!.. Кто вчера у верхней-то постоялки въ гостяхъ былъ?

СТЕПАНИДА.

Учитель этотъ... рыжій-то.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Это у котораго жена сбѣжала?..

СТЕПАНИДА.

Ну, ну, онъ! Да акцизный... такой... худущій да желтый съ лица-то...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю. На племянницѣ Пименова купца женатъ... чахоточный онъ, слышь...

СТЕПАНИДА.

Ишь ты!.. Оно и видать...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Пѣвчій нашъ былъ?

СТЕПАНИДА.

И пѣвчій, и Петръ Васильевичъ... Пѣсни оралъ пѣвчій-то... часовъ до двухъ оралъ... вродѣ, какъ быкъ ревѣлъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя-то когда воротился?

СТЕПАНИДА.

Да свѣтало ужъ, какъ дверь-то я ему отперла...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Охо-хо!...

ПЕТРЪ (*входитъ*).

Ну, Степанида, возись скорѣе и уходи...

СТЕПАНИДА.

Сейчасъ... Я сама рада скорѣе-то...

ПЕТРЪ.

А рада, такъ больше дѣлай, да меньше разговаривай... (*Степанида фыркаетъ и уходитъ*). Мама! Я васъ не однажды просилъ поменьше разговаривать съ ней... Вѣдь, это-же не хорошо, поймите вы, наконецъ, вступать въ интимныя бесѣды съ кухаркой... и выспрашивать у нея... разныя разности. Не хорошо.

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*обиженно*).

Что-же, у тебя прикажешь спрашиваться, съ кѣмъ говорить мнѣ можно? Ты своей бесѣдой меня съ отцомъ не жалуешь, такъ позволь хоть со слугой-то слово сказать...

ПЕТРЪ.

Да, поймите-же, что она вамъ не пара. Вѣдь, кромѣ сплетни какой-нибудь, вы отъ нея ничего не услышите.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А отъ тебя что я слышу? Полгода ты живешь дома-то, а ни разу съ матерью своей родной часу не просидѣлъ вмѣстѣ... ничего-то не разсказалъ ей... и что въ Москвѣ, и какъ...

...рукой, быстро уходитъ въ сѣни. Акули...
ему). Ишь, вотъ сколько наговорилъ!..
концомъ передника и всхлипываетъ).

ПЕРЧИХИНЪ

тъ; онъ въ рваной курткѣ, изъ дыръ ея то...
зата, подпоясанъ веревкой, въ лаптяхъ
***шапкѣ*).**

...чего куксишься? Али Петруха обидѣл...
...имо меня, какъ стрижъ, вильнулъ... да
не сказалъ. Поля здѣсь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*вздыха*

...кухнѣ, капусту шинкуетъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

...тъ у птицъ—хорошъ порядокъ. Оперился
на всѣ четыре стороны... никакой ему м...
тца съ матерью нѣтъ... Чайку тутъ мнѣ

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

..., видно, тоже птичьихъ порядковъ п...
...ся въ своемъ-то быту?

ПЕРЧИХИНЪ

(*поднимая стаканъ на свѣтъ*).

Не густо... ну, спасибо, хоть не пусто. Въ густомъ-то еще, пожалуй, увязнешь... А что до уваженія, такъ сдѣлайте милость,—не уважайте... я самъ никого не уважаю...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А кому оно—уваженіе твое нужно? Никому...

ПЕРЧИХИНЪ.

И отличное дѣло... Я такъ замѣчаю, что люди, которые на землѣ свой кусъ хлѣба берутъ,—другъ у друга изо рта его деруть. А я получаю пищу изъ воздуха... отъ небесныхъ птицъ кормлюсь... мое дѣло чистенькое..

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, а свадьба скоро?

ПЕРЧИХИНЪ.

Чья? Моя, что-ли? Такъ еще та кукушка, которая за меня-бы замужъ пошла, въ здѣшніе лѣса не прилетала, шельма... Пожалуй, совсѣмъ опоздаетъ... не дождамшись,—помру...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты не болтай пустяковъ, а прямо говори, когда вѣнчаешь?

ПЕРЧИХИНЪ.

Кого?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Будто не знаетъ... ишь!

ПЕРЧИХИНЪ.

Дочь? Когда захочетъ, обвѣнчаю... коли будетъ съ кѣмъ вѣнчать...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Давно-ли это у нихъ затѣялось?

ПЕРЧИХИНЪ.

Про что?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Про свадьбу...

ПЕРЧИХИНЪ.

Это про чью?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Гьфу тебѣ! Старикъ ужъ, вѣдь, стыди
вать-то.

ПЕРЧИХИНЪ.

Ты погоди. Ты не серчай... а скажи про
ъ дѣла?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Говорить-то съ тобой охоты нѣтъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

А ты говоришь... да еще сколько времен
все безъ толку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*сухо, съ завистью*)

ПЕРЧИХИНЪ (*радостно*).

Да что ты? Да шутишь? Нилъ? Ахъ, раздуй ихъ горой! Въ сам-дѣлѣ? Ахъ, черти! Ай, да Полька: это ужъ цѣлая кадрель, а не полька... Нѣтъ, ты не врешь? Ну-у, ловко! А я такъ расположилъ въ умѣ, что Нилъ на Татьянѣ женится... Правое слово. Такая видимость была, что какъ-бы на Татьянѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*обиженно*).

Еще кто-бы за него выдалъ Татьяну. Очень намъ нужно... такого отбойнаго...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нила-то очень нужно? Что ты. Да я бы... да будь у меня десять дочерей, я бы, закрывъ глаза, всѣхъ ему отдалъ. Нилъ? Да онъ... онъ сто человѣкъ одинъ прокормитъ. Нилъ-то? Ха, ха!

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*съ иронiей*).

Смотрю я,—тесть у него хорошъ будетъ; о-очень пріятенъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Тесть? Вона. Не захочетъ этотъ тесть никому на шею сѣсть... ихъ ты! На комаринскаго меня даже подбиваетъ съ радости... Да я теперь совсѣмъ свободный мальчикъ. Теперь я—такъ заживу-у. Никто меня и не увидитъ... Прямо въ лѣсъ,—и пропалъ Перчихинъ. Ну, Поля! Я, бывало, думалъ, дочь... какъ жить будетъ? И было мнѣ предъ ней даже совѣстно... родить родилъ, а больше ничего и не могу... А теперь... теперь я... куда хочу—уйду. Жаръ-птицу ловить уйду за самыя за тридесять земель.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Какъ-же уйдешь ты? Отъ счастья не уходятъ...

...ходила, она мило поступила...
ина!

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*входитъ; онъ въ пальто, въ рукѣ ка*
Опять пьянъ!

ПЕРЧИХИНЪ.

Съ радости. Слыхалъ? Палагея-то... (*Радо*
Нила выходитъ. А? Здорово, а?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*холодно и жестко*).

Насъ это не касается... Мы свое получи

ПЕРЧИХИНЪ.

А я все думалъ, что Нилъ на Татьян
иться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что-съ?

ПЕРЧИХИНЪ.

Іравое слово. Потому видимо было, что
ь... и глядѣла она на него такъ... эдак
какъ слѣдуетъ и вообще... и все
гъ...

грошъ, и хоть оба они мнѣ обязаны очень многимъ, но я отнынѣ на нихъ плюю. Это—два. Ну-съ, а теперь вотъ что: хоша мы съ тобой и дальніе родственники, но однако погляди на себя, что ты такое? Золоторотецъ. И скажи мнѣ, кто это тебѣ разрѣшилъ придти ко мнѣ въ чистую горницу въ такомъ драномъ видѣ... въ лаптищахъ и во всемъ этомъ уборѣ?

ПЕРЧИХИНЪ.

Что ты, Василій Васильевичъ,—что ты, братъ? Да развѣ я въ первый разъ эдакъ-то...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не считалъ разовъ и не хочу считать. Но вижу одно, коли ты такъ являешься, значитъ,—уваженія къ хозяину дома у тебя нѣтъ. Опять говорю: кто ты? Нищій, шантрапа, рвань коричневая... слыхалъ? Это—три. И—пошелъ вонъ.

ПЕРЧИХИНЪ (*ошеломленный*).

Василій Васильевичъ! За что? За какое...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вонъ! Не финти...

ПЕРЧИХИНЪ.

Опомнись. Я ни въ чемъ предъ тобой...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну! Ступай... а то...

ПЕРЧИХИНЪ

(*уходя, съ укоромъ и сожалѣніемъ*).

Эхъ, старикъ! Ну, и жаль мнѣ тебя. Прощай.

(*Безсѣменовъ, выпрямившись, молча, твердыми, тяжелыми шагами ходитъ по комнатѣ, суровый, мрачный. Акулина Ивановна моетъ посуду, боязливо слѣдя за мужемъ; руки у нея трясутся, губы что-то шепчутъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты чего шипишь? Колдуешь, что-ли?..

... ИВАНОВНА.

ну, что ты? Ай, батюшки... а? Да не
кетъ быть...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что—можетъ быть? Федька Досѣкин
а старинна, въ головы мѣтитъ... Ма
ъ!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да еще, можетъ, не выберутъ его...
ься...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Выберутъ... видно по всему... Прихожу
управѣ... Слышу, поетъ—разливается:
ъ, трудная. Надо, говоритъ, другъ за
ться... все, говоритъ, сообща дѣлать...
ъ... Теперь, дескать, все фабрика... рем
ть нельзя врозь... Я говорю: жиды—все
идовъ надо ограничить. Губернатору, го
нихъ: ходу русскимъ не даютъ, и проси
елилъ жидовъ. (*Татьяна тихо отворяет
но, пошатываясь, проходитъ въ свою комнат*
улыбочкой такой и спрашиваетъ: а
ъ русскихъ ...

ЕЛЕНА (*входитъ*).

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Здравствуйте, Акулина Ивановна...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сухо*).

А... Вы-съ? Пожалуйте... что скажете?

ЕЛЕНА.

Да вотъ, деньги за квартиру принесла...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*болѣе любезно*).

Доброе дѣло... сколько тутъ? Четвертная... Причитается мнѣ еще съ васъ получить за два стекла въ корридорномъ окнѣ—сорокъ копѣекъ, да за петлю у двери въ дровяникѣ... кухарка ваша сломала... ну, хоть—двадцать копѣекъ.

ЕЛЕНА (*усмѣхаясь*).

Какой вы... аккуратный. Извольте... у меня нѣтъ мелкихъ... вотъ,—три рубля...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Углей мѣшокъ вы брали... кухарка ваша.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сколько за угли?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

За угли—тридцать пять...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И всего—девяносто пять... Два съ пятакомъ сдачи... пожалуйте. А насчетъ аккуратности, милая барыня, вы сказали справедливо. Аккуратностью весь свѣтъ держится... Само солнце восходитъ и заходитъ аккуратно, такъ, какъ положено ему отъ вѣка... а ужъ ежели въ небесахъ порядокъ, то на землѣ—тѣмъ паче быть должно... Да вотъ и сами вы, какъ срокъ насталъ, такъ и деньги несете...

ЕЛЕНА.

Я не люблю быть въ долгу...

... смотритъ вслѣдъ ей

ъ). Хороша, шельма. Но все-же одн
имъ удовольствіемъ турнулъ-бы я
отиры...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Хорошо-бы это, отецъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, положимъ... Пока она тутъ... мы
ь. А съѣдетъ,—Петрушка къ ней шля
да, а за нашими-то глазами она его ск
йти... Надо принять въ разсчетъ и то,
платить аккуратно... и за всякую порч
ь безсловесно возмѣщаетъ. Н-да. Петр
сно... даже очень...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Можетъ, онъ жениться и не думаетъ
это такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сабы знать, что такъ... то и говорить нам
спокоиться не надо. Все равно, чѣмъ
дома таскаться, тутъ прямо подъ боко
ле. (*Изъ комнаты Та...*

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*громко*).

Кошка, должно быть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*нерѣшительно*).

Знаешь, отецъ... хочу я тебѣ сказать...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, говори...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не больно-ли ты строго съ Перчихинымъ-то поступилъ? Онъ, вѣдь, безобидный...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А безобидный, такъ и не обидится, если-же обидится,— потеря намъ не велика... знакомство съ нимъ—честь не дорогая... (*Стонъ повторяется громче*). Кто это... мать?..

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*суетясь*).

Не знаю я... право... что это...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*бросаясь въ комнату Петра*).

Тутъ, что-ли? Петръ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*бѣжитъ за нимъ въ ужасѣ*).

Петя, Петя... Петя...

ТАТЬЯНА (*хрипло кричитъ*).

Спасите... мама... спасите... спасите... (*Безсѣменовъ и Акулина Ивановна выбѣгаютъ изъ комнаты Петра и бѣгутъ на крикъ молча; у двери въ комнату они на секунду останавливаются, какъ-бы не рѣшаясь войти, и затѣмъ бросаются въ дверь оба вмѣстѣ. Навстрѣчу имъ несутся крики Татьяны*). Горитъ... о-о! Больно... пить! Дайте пить... спасите...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*выбѣгая изъ комнаты, растворяетъ дверь въ сѣни и кричитъ*).

Батюшки! Милосердные!.. Петя!.. (*Въ комнатѣ Та-*

... сюда идите, батюшки...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*изъ к*

Бѣги, зови доктора...

ПЕТРЪ (*вбѣгаетъ*).

Что такое? Что вы?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*схватываетъ его за руку, задыхаяс*

Таня... умираетъ...

ПЕТРЪ (*вырываясь*).

Пустите... пустите...

ТЕТЕРЕВЪ

(*надѣвая по дорогѣ пиджакъ*).

Горитъ, что-ли?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Доктора... Доктора зови, Петръ... двадцат
ей давай.

ПЕТРЪ

(*выскакивая изъ комнаты сестры,—Тете*

Доктора! за докторомъ... скажите: о
щина... дѣвушка ...

ПЕТРЪ.

Сколько ты приняла? Когда ты выпила? Говори...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Доченька моя... Танечка...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Погубила себя, голубушка.

ПЕТРЪ.

Мама, уйдите!.. Степанида, уведи ее... уйдите, говорятъ вамъ... (*Елена пробпаетъ въ комнату Татьяны*). Уведите мать...

(*Входитъ баба, останавливается у дверей, заглядываетъ въ комнату и что-то шепчетъ*).

ЕЛЕНА

(*выводитъ Акулину Ивановну подъ руку и бормочетъ*).

Это ничего... это не опасно...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Голубушка моя! Доченька... чѣмъ я тебя обидѣла? Чѣмъ прогнѣвала?

ЕЛЕНА.

Это пройдетъ... вотъ докторъ... онъ поможетъ... о, какое несчастіе!

БАБА

(*подхватывая Акулину Ивановну подъ другую руку*).

Не кручиньтесь, матушка. То-ли бываетъ? Эхъ, болѣзная... Вонъ у купца Ситанова... лошадь кучера копытомъ въ бокъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Милая ты моя... что я буду дѣлать-то? Единственная моя... (*Ее уводятъ*).

(*Въ комнатѣ Татьяны ея крики смѣшиваются съ глухимъ голосомъ отца и нервными, отрывистыми словами Петра. Гремитъ какая-то посуда, падаетъ стулъ, скрипитъ желѣзо кровати, мягко шлепается о полъ подушка. Степанида нѣ-*

сколько разъ выбѣгаетъ изъ комнаты, растрепанная съ открытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, хватаетъ изъ шкафа тарелки, чашки, что-то разбиваетъ и снова скрывается. Изъ сѣней заглядываютъ въ дверь какія-то рожи, но никто не рѣшается войти. Вскакиваетъ маляръ-мальчишка и, взглянувъ въ дверь къ Татьянѣ, тотчасъ же возвращается назадъ, громкимъ шопотомъ сообщая: „помираетъ“. *На дворѣ раздаются звуки шарманки, но тотчасъ-же обрываются. Среди людей въ сѣняхъ глухой говоръ:* „Убилъ? Отецъ... Онъ ей говорилъ: эй, говоритъ, смотри у меня?.. По головѣ... Чѣмъ? Не знаешь? Что врешь, — зарѣзалась она своей рукой“... *Женскій голосъ спрашиваетъ:* „замужняя?“. *Кто-то громко съ сожалѣніемъ чмокаетъ губами).*

БАБА

(*выходитъ изъ комнаты стариковъ; проходя мимо стола, суетъ себѣ подъ платокъ булку и, подходя къ двери, говоритъ*).

Тише. Отходитъ...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ имя?

БАБА.

Лизавета...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Съ чего это она?..

БАБА.

„А, стало быть, еще въ Успеньевъ день, сказалъ онъ ей: Лизавета, говоритъ...

(*Въ толпѣ движеніе. Входятъ докторъ и Тетеревъ. Докторъ въ шляпѣ и пальто проходитъ прямо въ комнату Татьяны. Тетеревъ заглядываетъ въ дверь и отходитъ прочь, хмурый. Изъ комнаты Татьяны все продолжаютъ доноситься смѣшанный говоръ и стоны. Изъ комнаты стариковъ — вой Акулины Ивановны и ея крики:* „Пусти меня! Пусти ты меня къ ней!“ *Въ сѣняхъ глухой шумъ голосовъ. Выдѣляются восклицанія:* „Серьезный человѣкъ. Это — пѣвчій... Н-ну? Ей-ей... отъ Ивана Предтечи“).

ТЕТЕРЕВЪ (*подходя къ двери*).

Вы чего тутъ? Пошли прочь! Ну?

БАБА (*тоже суется въ дверь*).

Проходите, люди добрые... некасаемо это васъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ты кто такая? Тебѣ чего надо?..

БАБА.

Я, батюшка, овощью торгую... лукомъ зеленымъ, огурчиками...

ТЕТЕРЕВЪ.

Тебѣ что нужно?

БАБА.

Я, батюшка, къ Семягиной шла... кума она мнѣ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну? Что-же тебѣ тутъ нужно?

БАБА.

А мимо я иду... шумъ слышу... думала, пожаръ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну?

БАБА.

И зашла... На несчастіе посмотрѣть зашла.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ступай вонъ... Вы всѣ. Вонъ изъ сѣней!..

СТЕПАНИДА (*выбѣгаетъ*).

Тащи ведро воды... тащи живо!

(*Въ дверяхъ высовывается съденькій старичекъ съ подвязанной щекой и, подмигивая, говоритъ Тетереву:* „Господинъ! Она у васъ тутъ со стола булочку стащила...“ *Тетеревъ идетъ въ сѣни, толкая людей вонъ изъ нихъ. Въ сѣняхъ топотъ, возня, визжитъ мальчишка:* „ой-ой“! *Кто-то смѣется, кто-то обиженно восклицаетъ:* „Потише-съ“).

ТЕТЕРЕВЪ (*невидимый*).

Къ чорту! Маршъ!

ПЕТРЪ

(*выглядываетъ изъ двери*).

Тише... (*Обращаясь въ комнату*). Иди, отецъ, иди къ мамѣ. Ну, иди-же. (*Кричитъ въ сѣни*). Не пускайте никого!..

(*Безсѣменовъ выходитъ, качаясь на ногахъ. Садится на стулъ у стола, тупо смотритъ предъ собой. Потомъ встаетъ и идетъ въ свою комнату, откуда слышенъ голосъ Акулины Ивановны*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я-ли ее не любила? Я-ли не берегла?

ЕЛЕНА.

Ну, успокойтесь... милая моя...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ! Родной ты...

(*Дверь за Безсѣменовымъ затворяется и конца рѣчи не слышно. Комната пуста. Съ двухъ сторонъ въ нее несется шумъ: звуки голоса изъ комнаты Безсѣменовыхъ, тихій говоръ, стоны и возня изъ комнаты Татьяны. Тетеревъ вноситъ ведро воды, ставитъ у двери и осторожно стучитъ въ нее пальцемъ. Степанида отворяетъ дверь, беретъ ведро и тоже выходитъ въ комнату, отирая потъ съ лица*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Что?

СТЕПАНИДА.

Ничего, слышь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Это докторъ сказалъ?

СТЕПАНИДА.

Онъ. Да гдѣ ужъ... (*Безнадежно махаетъ рукой*). Отца съ матерью пускать не велятъ туда...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ей лучше?

СТЕПАНИДА.

А кто знаетъ? Не стонетъ, перестала... Зеленая вся... глаза огромные... Недвижима лежитъ... (*Укоризненнымъ*

шопотомъ). Я говорила имъ... сколько разовъ говорила: выдайте ее замужъ. Эй, выдайте! Не послушали... ну, и вотъ оно. Да развѣ здорово дѣвицѣ до этакой поры безъ мужа? Опять же: въ Бога не вѣровала... ни тебѣ помолиться, ни тебѣ перекреститься... Ну, вотъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Молчи... ворона.

ЕЛЕНА (*входитъ*).

Ну что, что она?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю... Докторъ, будто, сказалъ, что не опасно...

ЕЛЕНА.

Старики убиты... жалко ихъ.

(*Тетеревъ молча пожимаетъ плечами*).

СТЕПАНИДА

(*бѣжитъ вонъ изъ комнаты*).

Батюшки! И про кухню-то забыла...

ЕЛЕНА.

И отчего? Что случилось? Бѣдная Таня... какъ, должно быть, больно ей... (*Морщится и вздрагиваетъ*). Вѣдь это больно? Очень больно? Очень? Страшно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю. Я никогда не пилъ нашатырнаго спирта...

ЕЛЕНА.

Какъ вы можете шутить.

ТЕТЕРЕВЪ.

Я не шучу...

ЕЛЕНА

(*подходитъ къ двери въ комнату Петра, заглядываетъ въ нее*).

А Пе... Петръ Васильевичъ еще все тамъ, у нея?

ТЕТЕРЕВЪ.

Очевидно... ибо онъ оттуда не выходилъ...

ЕЛЕНА (*задумчиво*).

Воображаю, какъ на него это подѣйствовало... (*Пауза*)... Когда я... когда мнѣ случается видѣть... что-нибудь подобное этому... я ощущаю въ себѣ ненависть къ несчастью...

ТЕТЕРЕВЪ (*улыбаясь*).

Это похвально.

ЕЛЕНА.

Вы понимаете? Такъ-бы вотъ хватила его, бросила себѣ подъ ноги и раздавила... все, навсегда.

ТЕТЕРЕВЪ.

Несчастье?

ЕЛЕНА.

Ну, да. Я его не боюсь, а именно не-на-ви-жу. Я люблю жить весело, разнообразно, люблю видѣть много людей... и я умѣю дѣлать такъ, чтобы и мнѣ, и тѣмъ, кто около меня, жилось легко, радостно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Паки похвально.

ЕЛЕНА.

И—знаете что? Я вамъ покаюсь... я очень черствая... такая жесткая. Я, вѣдь, и людей несчастныхъ не люблю... понимаете, есть такіе люди, которые всегда несчастны, что хотите, дѣлайте съ ними. Надѣньте на голову такому человѣку вмѣсто пиляпы солнце, — что можетъ быть великолѣпнѣе,—онъ все-же будетъ ныть и жаловаться: „Ахъ, я такъ несчастенъ! я такъ одинокъ! Никто не обращаетъ на меня вниманія... Жизнь темна и скучна... Охъ! Ахъ! Ой! Увы!..“ Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желаніе сдѣлать его еще болѣе несчастнымъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Милая барыня! Я тоже покаюсь... Терпѣть не могу, когда женщины философствуютъ, но когда вы разсуждаете, мнѣ хочется цѣловать вамъ руки...

ЕЛЕНА (*лукаво и капризно*).

Только? И только тогда, когда разсуждаю?.. (*Спохватясь*). Ай-ай-ай! Я шучу, дурачусь, тогда какъ тамъ—страдаетъ человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ

(*указывая на дверь стариковъ*).

И тамъ страдаетъ. И всюду, куда-бы вы ни указали пальцемъ,—вездѣ страдаетъ человѣкъ. Такая ужъ у него привычка...

ЕЛЕНА.

А все-таки ему больно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Разумѣется...

ЕЛЕНА.

И нужно его пожалѣть.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не всегда... И едва-ли даже когда-нибудь человѣка нужно пожалѣть... Лучше,—помочь ему.

ЕЛЕНА.

Всѣмъ не поможешь... и, не пожалѣвши,—не поможешь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Барыня! Я разсуждаю такъ: страданія — отъ желаній. Въ человѣкѣ есть желанія, заслуживающія уваженія, и есть желанія, не заслуживающія такового. Помогите ему удовлетворить тѣ желанія тѣла, кои необходимы для того, чтобы онъ былъ здоровъ и силенъ, и тѣ, которыя облагородивъ его, возвысятъ надъ скотомъ...

ЕЛЕНА (*не слушая его*).

Можетъ быть... можетъ быть, и такъ... Но что тамъ дѣлается? Что, она уснула? Такъ тихо... что-то шепчутъ... Старики тоже... ушли, забились въ свой уголъ... Какъ это странно все. Вдругъ стоны, шумъ, крики, суета... и вдругъ—тишина, неподвижность...

ТЕТЕРЕВЪ.

Жизнь. Покричатъ люди, устанутъ,—замолчатъ... Отдохнутъ, — опять кричать будутъ. Здѣсь-же, въ этомъ домѣ—все замираетъ особенно быстро... и крикъ боли, и смѣхъ радости... Всякія потрясенія для него, какъ ударъ палкой по лужѣ грязи... И послѣднимъ звукомъ всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ. Торжествующая или озлобленная, здѣсь она всегда говоритъ послѣдней...

ЕЛЕНА (*задумчиво*).

Когда я жила въ тюрьмѣ... тамъ было интереснѣе. Мужъ у меня былъ картежникъ... много пилъ, часто ѣздилъ на охоту. Городъ уѣздный... люди въ немъ какіе-то... заштатные... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала, и жила съ арестантами. Они меня любили, право... они, вѣдь, чудаки такіе, если разсмотрѣть ихъ поближе. Удивительно милые и простые люди, увѣряю васъ. Смотрю я на нихъ, бывало, и мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, что вотъ этотъ—убійца, этотъ—ограбилъ, этотъ... еще что-нибудь сдѣлалъ. Спросишь иногда: ты убилъ? Убилъ, матушка Елена Николаевна, убилъ... что подѣлаешь? И мнѣ казалось, что онъ, этотъ убійца, взялъ на себя чужую вину... что онъ былъ только камнемъ, который брошенъ чужою силой... да. Я накупила имъ разныхъ книжекъ, дала въ каждую камеру шашки, карты... давала табакъ... и вино давала, только понемножку... На прогулкахъ они играли въ мячъ, въ городки,—совсѣмъ какъ дѣти, честное слово. Иногда я читала имъ смѣшныя книжки, а они слушали и хохотали... какъ дѣти. Я купила птичекъ, клѣтокъ и въ каждой камерѣ была своя птичка... они любили ее, какъ меня. И знаете, — имъ ужасно нравилось, когда я надѣвала что-нибудь яркое, — красную кофточку, желтую... увѣряю васъ, — они очень любятъ веселые, яркіе цвѣта. И я нарочно одѣвалась для нихъ, какъ можно пестрѣе... (*Вздохнувъ*).

Славно было съ ними! Я не замѣтила, какъ прошло три года... и когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о немъ, кажется, сколько о тюрьмѣ... Было жалко уходить изъ нея... и арестанты тоже... имъ тоже было грустно... (*Оглядываетъ комнату*). Здѣсь, въ этомъ городѣ мнѣ живется хуже... въ этомъ домѣ есть что-то... нехорошее. Не люди не хороши, а... что-то другое... Однако, знаете, мнѣ стало грустно... Тяжело какъ-то... Вотъ мы съ вами сидимъ, говоримъ... а тамъ, можетъ быть, умираетъ человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

И намъ его не жалко...

ЕЛЕНА (*быстро*).

Вамъ не жалко?

ТЕТЕРЕВЪ.

И вамъ...

ЕЛЕНА (*тихо*).

Да, вы правы. Это... не хорошо, я понимаю... но я не чувствую, что это не хорошо. Вы знаете: вѣдь такъ бываетъ, — понимаешь, что дурно, но не чувствуешь этого... Вы знаете: мнѣ больше жалко его... Петра Васильевича, чѣмъ ее... Мнѣ вообще жалко его... ему плохо... да?

ТЕТЕРЕВЪ.

Здѣсь всѣмъ плохо...

ПОЛЯ (*входитъ*).

Здравст...

ЕЛЕНА

(*вскакивая, идетъ къ ней*).

Ш-ш! Тише! Знаете... Таня—отравилась.

ПОЛЯ.

Что-о?

ЕЛЕНА.

Ну, да, да. Вотъ... тамъ у нея докторъ и братъ ...

ПОЛЯ.

Умираетъ... умретъ?

ЕЛЕНА.

Никто не знаетъ...

ПОЛЯ.

Изъ-за чего? Сказала? Нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Не знаю. Нѣтъ.

ПЕТРЪ

(*высовывая изъ двери взлохмоченную голову*).

Елена Николаевна... на минутку... (*Елена быстро уходитъ*).

ПОЛЯ (*Тетереву*).

Что вы смотрите на меня... такъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Сколько разъ вы такъ спрашивали меня?

ПОЛЯ.

Если все одно и то же... всегда какой-то особый взглядъ... зачѣмъ? (*Подходя вплоть къ нему, строго*). Вы что-же... меня считаете виноватой... въ этомъ?

ТЕТЕРЕВЪ (*усмѣхаясь*).

А вы развѣ чувствуете что-то... вродѣ вины?

ПОЛЯ.

Чувствую, что все больше... не люблю васъ... вотъ. Вы скажите лучше,—какъ все это было?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ее вчера тихонько толкнули и — слабая — она сегодня упала... вотъ и все.

ПОЛЯ.

Неправда.

ТЕТЕРЕВЪ.

Что—неправда?

ПОЛЯ

Я знаю, на что вы намекаете... это неправда... Нилъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Развѣ—Нилъ? При чемъ тутъ Нилъ?

ПОЛЯ.

Ни онъ, ни я... мы оба не при чемъ. Вы... нѣтъ. Я знаю, вы вините насъ... ну, что-же? Ну, я его люблю... и онъ меня... это давно началось.

ТЕТЕРЕВЪ (*серьезно*).

Ни въ чемъ я васъ не виню... это вы сами себя въ чемъ-то обвинили и вотъ — оправдываетесь предъ первымъ встрѣчнымъ. Къ чему? Я васъ... очень уважаю... Кто говорилъ вамъ всегда, постоянно, упорно,—уйдите скорѣе изъ этого дома, не ходите въ этотъ домъ, здѣсь — нездорово, здѣсь вамъ разстроятъ душу... Это я говорилъ...

ПОЛЯ.

Ну, что-же?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего. Я хотѣлъ только сказать, что если-бы вы сюда не ходили... вамъ не пришлось-бы испытывать того, что вы испытываете сейчасъ... вотъ и все.

ПОЛЯ.

Да... Но какъ-же это она? Опасно? Чѣмъ она?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю...

(*Петръ и докторъ выходятъ*).

ПЕТРЪ.

Поля! Пожалуйста, помогите Еленѣ Николаевнѣ...

ТЕТЕРЕВЪ (*Петру*).

Ну, что?

ДОКТОРЪ.

Пустяки, собственно говоря. Вотъ только субъектъ нервный, а то—ничего-бы... Выпила немного... обожгла пищеводъ... въ желудокъ проникло спирту, очевидно, тоже мало... да и тотъ выброшенъ обратно...

ПЕТРЪ.

Вы устали, докторъ, присядьте пожалуйста...

ДОКТОРЪ.

Благодарю... Съ недѣлю прохвораетъ... Вотъ у меня на-дняхъ былъ интересный случай... Маляръ, въ нетрезвомъ видѣ, выпилъ вмѣсто пива чайный стаканъ лаку...

(*Безсъменовъ входитъ. Остановившись у двери своей комнаты, онъ молча, вопросительно и мрачно смотритъ на доктора*).

ПЕТРЪ.

Успокойся, отецъ, это не опасно.

ДОКТОРЪ.

Да, да. Не пугайтесь. Черезъ два, три дня она встанетъ на ноги...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Правда-ли?

ДОКТОРЪ.

Увѣряю васъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну!.. Спасибо! Коли правда... коли не опасно — спасибо! Петръ, ты того... поди-ка сюда? (*Петръ подходитъ къ нему. Безсъменовъ отступаетъ передъ нимъ въ дверь своей комнаты. Шопотъ, звонъ денегъ*).

ТЕТЕРЕВЪ (*доктору*).

Ну, что-же маляръ?

ДОКТОРЪ.

Э... какъ-съ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Что-же маляръ?

ДОКТОРЪ.

А, маляръ... ничего, выздоровѣлъ... гм... Я, кажется, встрѣчался съ вами... гдѣ-то?

ТЕТЕРЕВЪ.

Можетъ быть...

ДОКТОРЪ.

Вы... э... не лежали въ тифозномъ баракѣ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Лежалъ...

ДОКТОРЪ (*радостно*).

Ага! Вотъ, вотъ. То-то, я смотрю, — знакомое лицо... Позвольте... это было весной? да? Кажется, я помню даже имя и фамилію вашу...

ТЕТЕРЕВЪ.

И я васъ помню...

ДОКТОРЪ.

Да?

ТЕТЕРЕВЪ.

Помню. Когда я сталъ оправляться и попросилъ у васъ увеличить мнѣ порцію, вы скроили прескверную рожу и сказали мнѣ: „будь доволенъ тѣмъ, что даютъ. Вашего брата, пьяницъ и бродягъ, много“...

ДОКТОРЪ (*растерянно*).

Позвольте. Это... этого... Извините... вы... ваше имя... я — врачъ Николай Троеруковъ... а...

ТЕТЕРЕВЪ (*подходя къ нему*).

А я—потомственный алкоголикъ и кавалеръ Зеленаго Змія Терентій Богословскій. (*Докторъ отступаетъ передъ нимъ*). Не бойся, не трону... (*Проходитъ мимо. Докторъ растерянно смотритъ вслѣдъ ему, обмахиваясь шляпой. Входитъ Петръ*).

ДОКТОРЪ

(*оглядываясь на дверь въ сѣни*).

До свиданья, однако. Меня ждутъ... Въ случаѣ, если она будетъ жаловаться на боль... повторите... дайте ей еще... капель... Сильной боли не должно быть... До свиданія... А-а... скажите, тутъ былъ сейчасъ такой... оригинальный господинъ... онъ вашъ родственникъ?..

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, это нахлѣбникъ...

ДОКТОРЪ.

Ага... Очень пріятно... Большой оригиналъ. До сви-

данья... благодарю васъ. (*Уходитъ. Петръ провожаетъ его въ сѣни. Безсѣменовъ и Акулина Ивановна выходятъ изъ своей комнаты и, осторожно ступая на носки, подвигаются къ двери въ комнату дочери*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, не ходи туда... Ничего не слыхать. Можетъ, спитъ она... не разбудить-бы... (*Отводитъ старуху въ уголъ къ сундуку*). Н-да, мать. Вотъ и дожили... до праздника. Говору, сплетенъ будетъ теперь по городу—безъ конца...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ? Что ты? То-ли говоришь? Да хоть во всѣ трубы пускай трубятъ... только-бы жива-то осталась. Во всѣ колокола пусть звонятъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, да... я знаю... это такъ... Только ты... эхъ-ма! Не понимаешь ты. Вѣдь,—позоръ это намъ съ тобой.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А ну... какой позоръ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Дочь отравилась, пойми. Что мы ей, какую боль причинили? Чѣмъ огорчили? Что мы—звѣри для нея? А будутъ говорить разное... Мнѣ—наплевать, я все ради дѣтей стерплю... но только—зачѣмъ? Изъ-за чего?Хоть-бы знать... Дѣти... Живутъ — молчатъ... Что въ душѣ у нихъ? Неизвѣстно. Что въ головахъ? Не вѣдомо. Вотъ обида.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я понимаю... вѣдь и мнѣ обидно. Все-таки я—мать... Хлопочешь, хлопочешь цѣлый день, и спасибо никто не скажетъ... я понимаю. Да что ужъ... хоть-бы живы-здоровы были... а то вотъ на-ко.

ПОЛЯ

(*выходитъ изъ комнаты Татьяны*).

Она засыпаетъ... Вы потише...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вставая*).

Ну, какъ она, что? Посмотрѣть-то можно?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я войду тихонечко? Мы вотъ съ отцомъ...

ПОЛЯ.

Докторъ не велѣлъ пускать никого...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*подозрительно*).

Ты почему знаешь? Тебя при докторѣ не было еще...

ПОЛЯ.

Мнѣ Елена Николаевна передала.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А она — тамъ? Ишь ты, чужому человѣку можно, роднымъ—нельзя. Удивительно...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Обѣдать-то надо въ кухнѣ... чтобы не обезпокоить ее... Милая моя... И взглянуть нельзя... (*Махнувъ рукой, уходитъ въ сѣни. Поля стоитъ, прислонясь къ шкафу и глядя на дверь въ комнату Татьяны. Брови у нея нахмурены, губы сжаты, стоитъ она прямо. Безсѣменовъ сидитъ у стола, какъ-бы ожидая чего-то*).

ПОЛЯ (*тихо*).

Отецъ мой не былъ здѣсь сегодня?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Совсѣмъ ты не про отца спрашиваешь. Что тебѣ отецъ? Знаю я, кого тебѣ надо... (*Поля удивленно смотритъ на него*). Отецъ твой былъ... да. Грязный, оборванный, лишенный всякаго порядочнаго подобія... Но все-таки ты его должна уважать...

ПОЛЯ.

Я уважаю... Почему вы это говорите?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чтобы ты понимала... Твой отецъ бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить изъ его воли... Но

развѣ вы понимаете, что такое отецъ? Всѣ вы—безчувственные... Ты вотъ... дѣвушка бѣдная, безпріютная, ты бы должна быть скромной... ласковой со всѣми... а ты—туда-же... пускаешься разсуждать, подражаешь образованнымъ людямъ. Н-да! Вотъ ты замужъ выходишь... а тутъ человѣкъ едва жизни не лишилъ себя...

ПОЛЯ.

Я не понимаю, что вы говорите... и зачѣмъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*видимо, самъ утративъ связь своихъ мыслей, раздражается*).

Понимай... думай... затѣмъ и говорю, чтобы понимала ты. Кто ты? А, однако, вотъ, выходишь замужъ. Дочь-же моя... чего торчишь тутъ? Иди-ка въ кухню... дѣлай что-нибудь... Я покараулю... иди! (*Поля, съ недоумѣніемъ глядя на него, хочетъ идти*). Постой! Давеча я... крикнулъ на твоего отца...

ПОЛЯ.

За что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не твое дѣло. Ступай... иди! (*Поля уходитъ удивленная. Безсѣменовъ тихо идетъ къ двери Татьяны и, пріотворивъ ее, хочетъ заглянуть. Елена выходитъ и отстраняетъ его*).

ЕЛЕНА.

Не ходите, она спитъ, кажется... Не безпокойте ее...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мм. Насъ безпокоятъ всѣ... это ничего. А васъ—нельзя...

ЕЛЕНА (*удивленно*).

Что вы говорите? Да, вѣдь, она-же больная...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Знаю я... Все знаю... (*Уходитъ въ сѣни. Елена пожимаетъ плечами вслѣдъ ему. Проходитъ къ окнамъ, садится*

на кушетку и, закинувъ руки за шею, о чемъ-то думаетъ. На мигъ у нея является улыбка, она мечтательно закрываетъ глаза. Петръ входитъ, сумрачный, разстроенный; онъ встряхиваетъ головой, какъ-бы желая сбросить съ нея что-то. Видитъ Елену, останавливается).

ЕЛЕНА (*не открывая глазъ*).

Это кто?

ПЕТРЪ.

Чему вы смѣетесь? Странно видѣть улыбающееся лицо... теперь... послѣ этого...

ЕЛЕНА (*взглянувъ на него*).

Вы сердитый? Устали? Бѣдный мальчикъ... Какъ мнѣ жаль васъ...

ПЕТРЪ

(*садясь на стулъ рядомъ съ нею*).

Мнѣ самому жалко себя.

ЕЛЕНА.

Вамъ надо уѣхать куда-нибудь...

ПЕТРЪ.

Да, надо. Въ сущности — зачѣмъ я здѣсь? Меня страшно тяготитъ эта жизнь...

ЕЛЕНА.

Какъ-бы вы хотѣли жить? Скажите... Я часто спрашивала васъ объ этомъ... но вы не отвѣчали никогда..

ПЕТРЪ.

Трудно быть откровеннымъ...

ЕЛЕНА.

Со мной?

ПЕТРЪ.

И съ вами... Развѣ я знаю... какъ вы относитесь ко мнѣ? Какъ отнесетесь къ тому, что я могъ-бы вамъ сказать? Иногда, мнѣ кажется, что вы...

ЕЛЕНА.

Что я? Ну...

ПЕТРЪ.

Что вы хорошо...

ЕЛЕНА.

Я отношусь къ вамъ очень, очень хорошо. Славный вы мой... мальчикъ.

ПЕТРЪ (*горячо*).

Я не мальчикъ, нѣтъ. Я много думалъ... Слушайте, скажите... вамъ нравится—вамъ интересна вся эта возня, которой занимаются Нилъ, Шишкинъ, Цвѣтаева... всѣ эти шумные люди?.. Вы можете вѣрить, что совмѣстныя чтенія умныхъ книгъ, спектакли для рабочихъ... разумныя развлеченія и вся эта суетность,—дѣйствительно, важное дѣло, ради котораго и слѣдуетъ жить? Скажите...

ЕЛЕНА.

Голубчикъ! Вѣдь я не образованный человѣкъ... я не могу судить, не понимаю. Я вѣдь — не серьезная... Они мнѣ нравятся всѣ: и Нилъ, и Шишкинъ... Веселые, всегда что-то дѣлаютъ... Я люблю веселыхъ людей... сама такая-же... Къ чему вы это спросили?

ПЕТРЪ.

А меня... раздражаетъ все это. Если они любятъ жить такъ... если находятъ въ этомъ удовольствіе, пожалуйста. Я не мѣшаю... я не хочу никому мѣшать, но не мѣшайте и мнѣ жить такъ, какъ я хочу. Зачѣмъ они вла-

гаютъ въ свои дѣйствія какой-то особый смыслъ... Зачѣмъ говорятъ мнѣ, что я трусъ, эгоистъ...

ЕЛЕНА

(*дотрогиваясь до его головы*).

Его замучили... усталъ онъ...

ПЕТРЪ

Нѣтъ, я не усталъ... я только раздраженъ. Я имѣю право жить, какъ мнѣ нравится—мнѣ. Я имѣю это право?

ЕЛЕНА (*играя его волосами*).

Это опять мудреный вопросъ для меня... Я одно знаю: сама я живу, какъ умѣю, дѣлаю, что хочу... и, если и меня будутъ убѣждать идти въ монастырь,—не пойду. Заставятъ,—убѣгу, утоплюсь...

ПЕТРЪ.

Вы больше бываете съ ними, чѣмъ со мной, вы... вамъ они больше нравятся, чѣмъ я. Я чувствую это... Но я хочу сказать, я могу это сказать: они — пустыя бочки.

ЕЛЕНА (*удивленно*).

Что? Какія...

ПЕТРЪ.

Пустыя бочки... есть басня о бочкахъ...

ЕЛЕНА.

Ахъ, знаю... Однако... вѣдь и я тоже... значитъ, и я пустая?

ПЕТРЪ.

О, нѣтъ! Вы — нѣтъ. Вы — живая, вы, какъ ручей, освѣжаете человѣка.

ЕЛЕНА.

Ба! Значитъ, я по вашему холодная?

ПЕТРЪ.

Не шутите. Я прошу васъ. Этотъ моментъ... но вы смѣетесь. Зачѣмъ? Развѣ я смѣшонъ? Я — жить хочу. Хочу жить... по моему разумѣнію... по моей волѣ...

ЕЛЕНА.

Живите. Кто мѣшаетъ?

ПЕТРЪ.

Кто? Кто-то есть... есть что-то. Когда я думаю, что вотъ какъ надо жить — одному, независимо... мнѣ кажется, что кто-то говоритъ—нельзя.

ЕЛЕНА.

Совѣсть.

ПЕТРЪ.

При чемъ тутъ совѣсть? Я... не... развѣ я хочу сдѣлать преступленіе? Я хочу только быть свободнымъ... я хочу сказать...

ЕЛЕНА (*наклоняясь къ нему*).

Это говорится не такъ. Это гораздо проще надо говорить. Я помогу вамъ, бѣдненькій мальчикъ... чтобъ вамъ не путать такихъ простыхъ вещей...

ПЕТРЪ.

Елена Николаевна! Вы... мучаете меня... шутками. Это жестоко. Я хочу сказать вамъ... вотъ я весь предъ вами.

ЕЛЕНА.

Опять не то.

ПЕТРЪ.

Я, очевидно, слабый человѣкъ... эта жизнь — не по

силамъ мнѣ. Я чувствую ея пошлость, но ничего не могу измѣнить, ничего не въ состояніи внести... Я хочу уйти, жить одинъ...

ЕЛЕНА

(*взявъ его голову въ руки*).

Говорите за мной, повторяйте: я васъ люблю.

ПЕТРЪ.

О, да, да! Но... нѣтъ. Вы шутите...

ЕЛЕНА.

Право-же, я совершенно серьезно и давно рѣшила выйти за васъ замужъ. Можетъ быть, это не хорошо... но мнѣ очень хочется этого...

ПЕТРЪ.

Но... какъ я счастливъ. Я люблю васъ, какъ... (*За стѣной стонъ Татьяны. Петръ вскакиваетъ, растерянно оглядываясь вокругъ. Елена встаетъ съ мѣста спокойно. Петръ тихо*). Это... Таня? А мы... тутъ...

ЕЛЕНА (*проходя мимо его*).

Мы не сдѣлали ничего дурного...

ГОЛОСЪ ТАТЬЯНЫ.

Пить... дайте пить...

ЕЛЕНА.

Иду. (*Улыбаясь Петру, уходитъ. Петръ стоитъ, схвативъ голову руками, и растерянно смотритъ предъ собой. Дверь изъ сѣней отворяется, и Акулина Ивановна громко шепчетъ*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Петя—ты гдѣ?..

ПЕТРЪ.

Здѣсь...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Иди обѣдать...

ПЕТРЪ.

Не хочу... не пойду...

ЕЛЕНА (*выходитъ*).

Онъ пойдетъ ко мнѣ...

(*Акулина Ивановна недовольно оглядываетъ ее и скрывается*).

ПЕТРЪ (*бросаясь къ Еленѣ*).

Какъ это вышло... нехорошо. Тамъ она лежитъ... а мы... мы...

ЕЛЕНА.

Идемте-ка... Что тутъ нехорошаго? Даже въ театрѣ послѣ драмы даютъ что-нибудь веселое... а въ жизни это еще болѣе необходимо...

(*Петръ приближается къ ней, и она уводитъ его подъ руку*).

ТАТЬЯНА (*стонетъ хрипло*).

Лена... Лена... (*Вбѣгаетъ Поля*).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Та-же комната.

Вечеръ. Комната освѣщена лампой, стоящей на столѣ. Поля собираетъ посуду для чая. Татьяна, больная, лежитъ на кушеткѣ въ углу, въ полутьмѣ. Цвѣтаева—на стулѣ около нея.

ТАТЬЯНА (*тихо, укоризненно*).

Думаешь, я не хотѣла-бы смотрѣть на жизнь вотъ такъ-же весело и бодро, какъ ты? О, я хочу... но не могу! Я родилась безъ вѣры въ сердцѣ... Я научилась разсуждать.

ЦВѢТАЕВА.

Голубчикъ! Ты слишкомъ много разсуждаешь. А, вѣдь, ты согласись,—не стоитъ быть умнымъ человѣкомъ для того, чтобы только разсуждать... Разсудокъ—это хорошо, по видишь-ли... чтобы человѣку жилось не скучно и не тяжело, онъ долженъ быть фантазёромъ... онъ долженъ, хоть не часто, заглядывать впередъ, въ будущее... *(Поля, внимательно слушая рѣчь Цвѣтаевой, улыбается ласково, задумчиво).*

ТАТЬЯНА.

Что тамъ, впереди?

ЦВѢТАЕВА.

Всё, что захочешь видѣть!

ТАТЬЯНА.

Да-а... нужно выдумать!

ЦВѢТАЕВА.

Повѣрить нужно...

ТАТЬЯНА.

Во что?

ЦВѢТАЕВА.

Въ свою мечту. Ты знаешь... когда я смотрю въ глаза своихъ мальчишекъ, я думаю о нихъ: вотъ Новп-

ковъ. Онъ кончитъ школу, пойдётъ въ гимназію... потомъ—въ университетъ... онъ будетъ докторомъ, мнѣ кажется! Такой солидный мальчикъ, внимательный, добрый... лобъ у него огромный. Онъ очень любящій... онъ будетъ очень много работать, безкорыстный, славный... и люди будутъ его очень любить, уважать... я это знаю. И однажды, вспоминая свое дѣтство, онъ вспомнитъ, какъ учительница Цвѣтаева, играя съ нимъ во время перемѣны, разбила ему носъ... А, можетъ, и не вспомнитъ... ну, всё равно!.. Нѣтъ, вспомнитъ, я думаю... онъ очень любитъ меня. Есть у меня разсѣянный, растрёпанный и всегда чумазый Клоковъ. Онъ вѣчный спорщикъ, задира, озорникъ. Онъ сирота, живётъ у дяди, ночного сторожа! Онъ почти нищій... но такой гордый, смѣлый! Я думаю, онъ будетъ журналистомъ. Ахъ, сколько у меня интересныхъ мальчишекъ! И какъ-то невольно всегда думаешь о томъ, что будетъ съ ними, какую роль они сыграютъ въ жизни... Ужасно интересно представить себѣ, какъ будутъ жить мои ученики... Ты видишь, Таня, это вѣдь немного... но если-бъ ты знала, какъ пріятно!

ТАТЬЯНА.

А ты? Гдѣ ты сама? Твои ученики будутъ жить... быть можетъ, очень хорошо... а ты тогда уже...

ЦВѢТАЕВА.

Умру? Вотъ ещё! Нѣтъ, я намѣрена жить долго...

ПОЛЯ

(*негромко, ласково, какъ бы вздыхая*).

Какая милая вы, Маша! Какая славная...

ЦВѢТАЕВА (*улыбаясь Полѣ*).

Запѣла коноплянка... Ты знаешь, Таня, я не сантиментальна... но когда подумаю о будущемъ... о людяхъ въ будущемъ, о жизни—мнѣ дѣлается какъ-то сладко-грустно... Какъ будто въ сердцѣ у меня сіяетъ осенній, бодрый день... знаешь, бываютъ такіе дни осенью: въ

ясномъ небѣ—спокойное солнце, воздухъ глубокій, прозрачный, вдали всё такъ отчётливо... свѣжо, но не холодно; тепло, а не жарко...

ТАТЬЯНА.

Всё это... сказки... Я, впрочемъ, допускаю, быть можетъ, вы—ты, Нилъ, Шишкинъ—и всѣ похожіе на васъ, быть можетъ, вы, дѣйствительно, способны жить мечтами... Я—не могу.

ЦВѢТАЕВА.

Нѣтъ, подожди... Вѣдь, не однѣ мечты...

ТАТЬЯНА.

Мнѣ ничто, никогда не казалось достовѣрнымъ... кромѣ того развѣ, что вотъ это—я, это—стѣна... Когда я говорю—да, или нѣтъ... я это говорю не по убѣжденію... а какъ-то такъ... я просто отвѣчаю, и—только. Право! Иногда скажешь—нѣтъ, и тотчасъ-же подумаешь про себя—развѣ? а, можетъ быть,—да?

ЦВѢТАЕВА.

Тебѣ нравится это... Присмотрись-ка къ себѣ, не находишь-ли ты что-то пріятное для себя въ такомъ раздвоеніи души? А, можетъ быть,—ты боишься вѣрить... вѣдь, вѣра—обязываетъ...

ТАТЬЯНА.

Не знаю... не знаю. Заставь меня повѣрить. Вѣдь, вотъ другихъ вы заставляете вѣрить вамъ... (*Тихо смѣется*). А мнѣ жалко людей, которые вѣрятъ вамъ... вѣдь, вы ихъ обманываете! Вѣдь, жизнь всегда была такая, какъ теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая!

ЦВѢТАЕВА (*улыбаясь*).

Развѣ? А, можетъ быть,—нѣтъ?

ПОЛЯ (*какъ-бы про себя*).

Нѣтъ.

ТАТЬЯНА.

Ты что сказала?

ПОЛЯ.

Я говорю: не будетъ!

ЦВѢТАЕВА.

Молодецъ, тихая птичка коноплянка!

ТАТЬЯНА.

Вотъ одна изъ несчастныхъ... вѣрующихъ... А спроси ты ее,—почему нѣтъ? Почему измѣнится жизнь? Спроси.

ПОЛЯ (*тихо, подходя поближе*).

Вѣдь, видите, какое дѣло,—не всѣ еще люди живутъ! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству ихъ жить-то и некогда совсѣмъ... они только работаютъ, куска хлѣба ради... а вотъ, когда и они...

ШИШКИНЪ (*входитъ быстро*).

Добрый вечеръ! (*Полю*). Здравствуйте, русоволосая дочь короля Дункана.

ПОЛЯ.

Что? Какого короля?

ШИШКИНЪ.

Ага-а! Поймалъ! Вижу теперь, что Гейне-то вы не читали, хотя книжка у васъ находится болѣе двухъ недѣль. Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

ТАТЬЯНА (*протягивая руку*).

Ей теперь не до книгъ... Она выходитъ замужъ...

ШИШКИНЪ.

Но-о? За кого это? а?

ЦВѢТАЕВА.

За Пила...

ШИШКИНЪ.

А-а! Въ этомъ случаѣ еще могу поздравить... Но, вообще говоря: это не умная шутка—жениться, выходить замужъ и прочее въ этомъ духѣ... Бракъ при современныхъ условіяхъ...

ТАТЬЯНА.

Ой, нѣтъ, не надо! Избавьте! Вы уже не однажды высказывались по этому поводу...

ШИШКИНЪ.

Когда такъ,—молчу! Кстати—мнѣ и некогда. (*Цвѣтаевой*). Вы идете со мной? Прекрасно! Петра—нѣтъ?

ПОЛЯ.

Онъ наверху...

ШИШКИНЪ.

Мм... Нѣтъ, не пойду къ нему! Я попрошу васъ, Татьяна Васильевна... или васъ, Поля... скажите ему, что я... опять того, знаете... т.-е., что урокъ у Прохорова—свободенъ...

ЦВѢТАЕВА.

Опять? Ну, не везетъ вамъ!

ТАТЬЯНА.

Вы поругались?

ШИШКИНЪ.

Собственно говоря... не очень! Я—сдержанъ.

ЦВѢТАЕВА.

Но—изъ-за чего? Вѣдь, вы же сами хвалили Прохорова?..

ШИШКИНЪ.

Увы! Хвалилъ... чортъ побери! И, въ сущности, онъ... порядочнѣе многихъ... не глупъ... немножко вотъ—хвастунъ... болтливъ и, вообще,—(*неожиданно и горячо*) порядочная скотина!

ТАТЬЯНА.

Едва-ли теперь Петръ станетъ доставать вамъ уроки...

ШИШКИНЪ.

Н-да, пожалуй, разсердится онъ...

ЦВѢТАЕВА.

Да что у васъ вышло съ Прохоровымъ?

ШИШКИНЪ.

Представьте себѣ, онъ—антисемитъ!

ТАТЬЯНА.

А вамъ какое дѣло до этого?

ШИШКИНЪ.

Ну, знаете... не прилично это! Не достойно интеллигентнаго человѣка. И, вообще, онъ—буржуй! Хотя-бы такая исторія: его горничная ходила въ воскресную школу. Чудесно! Онъ-же самъ прескучно доказывалъ мнѣ пользу воскресныхъ школъ... о чемъ я его совсѣмъ не умолялъ! Онъ даже хвастался, что я-де одинъ изъ иниціаторовъ устройства школы. И вотъ, недавно, въ воскресенье, приходитъ онъ домой и—ужасъ! Дверь отворяетъ не горничная, а нянька! Гдѣ Саша? Въ школѣ. Ага! И—запретилъ горничной посѣщать школу. Это какъ назвать по вашему? (*Татьяна пожимаетъ плечами молча*).

ЦВѢТАЕВА.

А такой онъ говорунъ....

ШИШКИНЪ.

Вообще говоря, Петръ, точно на смѣхъ, достаетъ мнѣ уроки все у какихъ-то шарлатановъ.

ТАТЬЯНА (*сухо*).

Помнится, вы очень хвалили казначея.

ШИШКИНЪ.

Да... конечно... старикашка милый! Но—нумизматъ! Суетъ мнѣ подъ носъ разныя мѣдяшки и говоритъ о цезаряхъ, діадохахъ и разныхъ тамъ фараонахъ съ колесницами. Одолѣлъ,—силъ моихъ нѣтъ! Ну, я ему и говорю: „Послушайте, Викентій Васильевичъ! А по моему все это—ерунда! Любой булыжникъ древнѣе вашихъ мѣдяковъ!“ Онъ обидѣлся. „Что-же, говоритъ, я пятнадцать лѣтъ жизни на ерунду убилъ?“ Я же—отвѣтилъ утвердительно. При разсчетѣ онъ полтину мнѣ не додалъ... очевидно, оставилъ для пополненія коллекціи. Но это—пустяки... а вотъ съ Прохоровымъ я... н-да... (*Уныло*). Скверный у меня характеръ! (*Торопливо*). Слушайте, Марья Никитишна, идёмте, пора!

ЦВѢТАЕВА.

Я готова. До свиданія, Таня! Завтра воскресенье... я приду къ тебѣ съ утра...

ТАТЬЯНА.

Спасибо. Мнѣ... право, кажется, что я какое-то ползучее растеніе у васъ подъ ногами... ни красы во мнѣ, ни радости... а идти людямъ я мѣшаю, цѣпляясь за нихъ...

ШИШКИНЪ.

Какія вредныя мысли, фу-у!

ЦВѢТАЕВА.

Обидно слышать это, Таня.

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, погоди... ты знаешь? Я понимаю... поняла жестокую логику жизни: кто не можетъ ни во что вѣрить, тотъ не можетъ жить... тотъ долженъ погибнуть... да!

ЦВѢТАЕВА (*улыбаясь*).

Развѣ? А, можетъ быть, нѣтъ?

ТАТЬЯНА.

Ты передразниваешь меня... ну, стоитъ-ли? Смѣяться надо мною... стоитъ-ли?

ЦВѢТАЕВА.

Нѣтъ, Таня, нѣтъ, милая. Все это говоритъ твоя болѣзнь, усталость, а не ты... Ну, до свиданія! И не считай насъ жесткими и злыми.

ТАТЬЯНА.

Идите... до свиданія!

ШИШКИНЪ (*Полѣ*).

Ну-съ, когда-же вы будете читать Гейне? Ахъ, да, вы замужъ... гм! Противъ этого можно-бы кое-что сказать... но—до свиданія! (*Уходитъ вслѣдъ за Цвѣтаевой. Пауза*).

ПОЛЯ.

Навѣрно, скоро всенощная кончится... Сказать, чтобъ подавали самоваръ?

ТАТЬЯНА.

Едва-ли старики будутъ пить чай... Какъ хочешь, впрочемъ. (*Пауза*). Раньше тишина тяготила меня, а теперь мнѣ пріятно, что у насъ тихо.

ПОЛЯ.

Вамъ не пора-ли принять лекарство?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ еще... Послѣдніе дни у насъ было такъ суетно, крикливо. Какой шумный этотъ Шишкинъ...

ПОЛЯ (*подходя къ ней*).

Хорошій онъ...

ТАТЬЯНА.

Добрый... но глупый...

ПОЛЯ.

Славный онъ, смѣлый. Гдѣ что увидитъ несправедливое, сейчасъ вступается. Вотъ, — горничную замѣтилъ. А кто замѣчаетъ, какъ живутъ горничныя и другіе люди, служащіе богатымъ? И если замѣтитъ кто,—развѣ вступится?

ТАТЬЯНА (*не глядя на Полю*).

Скажи мнѣ, Поля... Ты не боишься за Нила замужъ идти?

ПОЛЯ

(*спокойно, съ удивленіемъ*).

Чего-же бояться? Нѣтъ, ничего, я не боюсь...

ТАТЬЯНА.

Чего?.. А я... боялась-бы. Я говорю съ тобой объ этомъ потому, что... люблю тебя! Ты не такая, какъ онъ. Ты простая, онъ много читалъ, онъ ужъ образованный. Ему, можетъ быть, скучно съ тобой... Ты думала объ этомъ, Поля?

ПОЛЯ.

Нѣтъ. Я знаю: онъ меня любитъ.

ТАТЬЯНА (*съ досадой*).

Какъ можно это знать?

(*Тетеревъ вноситъ самоваръ*).

ПОЛЯ.

Вотъ спасибо вамъ! Пойду за молокомъ. (*Уходитъ*).

ТЕТЕРЕВЪ

(*съ похмѣлья, опухшій*).

Иду мимо кухни, а Степанида взмолилась: Батюшка! Внеси самоваръ! Я, говоритъ, тебѣ, когда понадобится, огурчика дамъ, разсольцу... Соблазнился я, чревоугодникъ...

ТАТЬЯНА.

Вы уже отъ всенощной?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, не ходилъ сегодня. Башка трещитъ. Вы—какъ? Лучше чувствуете себя?

ТАТЬЯНА.

Ничего, спасибо. Меня объ этомъ спрашивали разъ двадцать въ день... Я чувствовала-бы себя еще лучше, если-бы у насъ было менѣе шумно. Меня немножко раздражаетъ эта бѣготня... всѣ куда-то стремятся, кричатъ. Отецъ злится на Нила, мать всё вздыхаетъ... А я лежу, наблюдаю и... не вижу смысла въ томъ, что они... всѣ эти... называютъ жизнью.

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, любопытно. Я человѣкъ посторонній, не причастный дѣламъ земли... живу изъ любопытства и нахожу, что здѣсь—довольно интересно.

ТАТЬЯНА.

Вы не взыскательны, я знаю. Но что-жъ тутъ интереснаго?

ТЕТЕРЕВЪ.

А вотъ—люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать, — что именно будутъ играть

музыканты... Кто изъ нихъ солистъ? Какова пьеса? Вотъ и здѣсь тоже... настраиваются...

ТАТЬЯНА.

Въ театрѣ... да. Тамъ приходитъ дирижёръ, взмахиваетъ палочкой, и музыканты скверно, бездушно играютъ какую-нибудь старую, избитую вещь. А здѣсь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

ТЕТЕРЕВЪ.

Кажется, что-то фортиссимо...

ТАТЬЯНА.

Посмотримъ. (*Пауза. Тетеревъ раскуриваетъ трубку*). Зачѣмъ вы трубку курите, а не папиросы?

ТЕТЕРЕВЪ.

Удобнѣе. Вѣдь я—бродяга, большую часть года провожу въ дорогѣ. Вотъ, опять скоро уйду. Установится зима, и я въ путь.

ТАТЬЯНА.

Куда?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю... Да, вѣдь, это все равно.

ТАТЬЯНА.

Замерзнете гдѣ-нибудь... нетрезвый...

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ дорогѣ—никогда не пью... А и замерзну—что-жъ въ томъ? Лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ...

ТАТЬЯНА.

Это вы на меня намекаете?

ТЕТЕРЕВЪ

(*испуганно вскакивая*).

Боже упаси! Что вы? Развѣ я... я не звѣрь!

ТАТЬЯНА (*съ улыбкой*).

Да вы не безпокойтесь. Меня, вѣдь, это не обижаетъ. У меня потеря болевой чувствительности. (*Съ горечью*). Всѣ знаютъ, что меня нельзя обидѣть. Палагея, Елена,

Маша... Они ведутъ себя, какъ богачи, которымъ нѣтъ дѣла до того, что чувствуетъ нищій... что думаетъ нищій, когда видитъ, какъ они кушаютъ рѣдкія яства.

ТЕТЕРЕВЪ

(*сморщивъ лицо, сквозь зубы*).

Зачѣмъ униженіе? Надо уважать себя...

ТАТЬЯНА.

Ну, хорошо... оставимъ это. (*Пауза*). Скажите мнѣ что-нибудь... про себя! Вы никогда не говорите о себѣ... Почему?

ТЕТЕРЕВЪ.

Предметъ большой, но не интересный.

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, скажите! Почему вы такъ странно живете? Вы кажетесь мнѣ умнымъ, даровитымъ... Что случилось съ вами въ жизни?..

ТЕТЕРЕВЪ (*скалитъ зубы*).

Что случилось? О, это длинная и скучная исторія... если ее разсказывать своими словами...

Я—солнца, счастья шелъ искать,
Нагъ и босъ вернулся вспять;
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ моемъ скитаньи.

Но это объясненье красиво слишкомъ для меня... хотя оно и кратко. Къ нему добавить надо, что въ Россіи удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ. (*Входятъ Петръ и Нилъ*). Только люди безжалостно прямые и твердые, какъ мечи,—только они пробьютъ... А! Нилъ! Откуда?

НИЛЪ.

Изъ депо. И послѣ сраженія, въ которомъ одержалъ блестящую побѣду. Этотъ дубиноголовый начальникъ депо...

ПЕТРЪ.

Навѣрное, тебя скоро прогонятъ со службы...

НИЛЪ.

Другую найду...

ТАТЬЯНА.

Знаешь, Петръ, Шишкинъ поругался съ Прохоровымъ и, не рѣшаясь сказать это тебѣ лично...

ПЕТРЪ *(сердито, раздражаясь).*

Чортъ-бы его побралъ! Это... возмутительно! Въ какое идіотское положеніе онъ ставитъ меня передъ Прохоровымъ? И, наконецъ, лишаетъ возможности быть полезнымъ другому товарищу...

НИЛЪ.

Ты погоди сердиться. Узналъ-бы прежде, кто виноватъ?

ПЕТРЪ.

Я это знаю!

ТАТЬЯНА.

Шишкину не понравилось, что Прохоровъ антисемитъ...

НИЛЪ (*смѣясь*).

Ахъ, милый пѣтушокъ.

ПЕТРЪ.

Ну, да! Тебѣ это нравится. Ты тоже совершенно лишенъ чувства уваженія къ чужимъ взглядамъ... дикіе люди!

НИЛЪ.

Постой! Ты самъ-то развѣ склоненъ юдофоба уважать?

ПЕТРЪ.

Я ни въ какомъ случаѣ не сочту себя въ правѣ хватать человѣка за глотку.

НИЛЪ.

А я—схвачу...

ТЕТЕРЕВЪ

(разглядывая спорящихъ по очереди).

Хватай!

ПЕТРЪ.

Кто далъ... кто далъ вамъ это право?

НИЛЪ.

Прàва не даютъ, правà берутъ... Человѣкъ долженъ самъ себѣ завоевать правà, если не хочетъ быть раздавленнымъ грубой обязанностью...

ПЕТРЪ.

Позволь!..

ТАТЬЯНА (*тоскливо*).

Ну, закипаетъ споръ... безконечный споръ! Какъ вамъ не надоѣдаетъ?

ПЕТРЪ (*сдерживаясь*).

Извини, я не стану больше! Но, право-же, этотъ Шишкинъ ставитъ меня...

ТАТЬЯНА.

Я понимаю... онъ глупый!

НИЛЪ.

Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, самъ первый всякому наступитъ! Хорошо имѣть въ себѣ столько чувства человѣческаго достоинства...

ТАТЬЯНА.

Столько ребячества,—хотѣлъ ты сказать?

НИЛЪ.

Нѣтъ, я не ошибся. Но пусть это ребячество — и все-таки хорошо!

ПЕТРЪ.

Смѣшно...

НИЛЪ.

Н-ну, когда единственный кусокъ хлѣба отшвыривается прочь, только потому, что его даетъ несимпатичный человѣкъ...

ПЕТРЪ.

Значитъ, тотъ, кто швыряется хлѣбомъ, не достаточно голоденъ... Я знаю, — ты будешь возражать. Ты самъ таковъ... ты тоже... школьникъ... Вотъ ты на каждомъ шагу стараешься показать отцу, что у тебя нѣтъ къ нему никакого уваженія... зачѣмъ это?

НИЛЪ.

А зачѣмъ это скрывать?

ТЕТЕРЕВЪ.

Дитя мое! Приличіе требуетъ, чтобы люди лгали...

ПЕТРЪ.

Но какой смыслъ въ этомъ? Какой?

НИЛЪ.

Мы, братъ, не поймемъ другъ друга... нечего и говорить. Все, что дѣлаетъ и говоритъ твой отецъ,—мнѣ противно...

ПЕТРЪ.

Мнѣ тоже противно... можетъ быть. Однако я сдерживаюсь. А ты постоянно раздражаешь его... и это раздраженіе оплачиваемъ мы—я, сестра...

ТАТЬЯНА.

Ну, будетъ вамъ! Вѣдь скучно-же это! *(Нилъ, взглянувъ на нее, отходитъ къ столу).*

ПЕТРЪ.

Тебя безпокоитъ разговоръ?

ТАТЬЯНА.

Мнѣ надоѣло. Одно и то же... всегда одно и то же. (*Входитъ Поля съ кринкой молока въ рукѣ. Видя, что Нилъ мечтательно улыбается, она оглядываетъ публику и говоритъ*).

ПОЛЯ.

Смотрите, какой блаженный.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ты что смѣешься?

НИЛЪ.

Я? Я вспоминаю, какъ отчитывалъ начальника депо... Интересная штука—жизнь!

ТЕТЕРЕВЪ (*густо*).

Аминь!

ПЕТРЪ (*пожимая плечами*).

Удивляюсь! Слѣпыми, что-ли, родятся оптимисты?

НИЛЪ.

Оптимистъ я, или что другое, — это не важно, но жить—мнѣ нравится. (*Встаетъ и ходитъ*). Большое это удовольствіе—жить на землѣ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Да, любопытно!

ПЕТРЪ.

Вы оба—комики, если вы искренніе люди!

НИЛЪ.

А ты... ужъ я не знаю, какъ тебя назвать? Я знаю,—и это, вообще, ни для кого не тайна—ты влюбленъ, тебя—любятъ. Ну, вотъ, хотя бы по этому поводу—неужели тебѣ не хочется пѣть, плясать? Неужели и это не даетъ тебѣ радости?

(*Поля гордо смотритъ на всѣхъ изъ-за самовара. Татьяна безпокойно ворочается, стараясь видѣть лицо Нила. Тетеревъ, улыбаясь, выколачиваетъ пепелъ изъ трубки*).

ПЕТРЪ.

Ты забываешь кое-что. Во-первыхъ—студентамъ жениться не позволено; во-вторыхъ—мнѣ придется выдержать баталію съ родителями, въ-третьихъ...

НИЛЪ.

Батюшки! Да вѣдь это что-же? Ну, тебѣ остается одно—бѣги! Бѣги въ пустыню! (*Поля улыбается*).

ТАТЬЯНА.

Ты балаганишь, Нилъ...

НИЛЪ.

Нѣтъ, Петруха, нѣтъ. Жить,—даже и не будучи влюбленнымъ,—славное занятіе! Ѣздить на скверныхъ

паровозахъ осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ... или зимою... въ мятель, когда вокругъ тебя—нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ — утомительно ѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь,—и всё же въ этомъ есть своя прелесть! Всё-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго, — въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры.... Но—жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого расписанія движенія, которое-бы не измѣнялось!..

ПЕТРЪ.

Не разъ я слышалъ эти рѣчи. Посмотримъ, какъ тебѣ отвѣтитъ жизнь на нихъ!

ПИЛЪ.

Я заставлю ее отвѣтить такъ, какъ захочу. Ты—не стращай меня. Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка, я знаю это — и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка — не хочу! Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и всё-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!

ТЕТЕРЕВЪ (*усмѣхаясь*).

Вотъ смыслъ глубочайшей науки! Вотъ смыслъ философіи всей! А всякой другой философіи—ан-наѳема!

ЕЛЕНА (*въ двери*).

По какому поводу здѣсь кричатъ и махаютъ руками?

НИЛЪ (*бросаясь къ ней*).

Барыня! Вы меня поймете! Я пѣлъ сейчасъ славу жизни! Ну, говорите: жизнь—удовольствіе!

ПОЛЯ (*негромко*).

Жить—очень хорошо!

ЕЛЕНА.

Кто противъ этого?

НИЛЪ (*Полѣ*).

Эхъ, ты... тихая моя!

ЕЛЕНА.

При мнѣ не любезничать.

ПЕТРЪ.

Чортъ знаетъ что такое! Точно пьяный...

(*Татьяна, откинувъ голову на спинку кушетки, медленно поднимаетъ руки и закрываетъ лицо свое*).

ЕЛЕНА.

Постойте! Вы собрались пить чай. А я пришла звать васъ къ себѣ... Ну, и я останусь съ вами,—у васъ сегодня весело. (*Тетереву*). Только вы, мудрый воронъ, вы одинъ нахохлились—чего ради?

ТЕТЕРЕВЪ.

Мнѣ тоже весело. Только я люблю веселиться молча, а скучать—громко...

ПИЛЪ.

Какъ всѣ большіе, умные, угрюмые псы...

ЕЛЕНА.

Я никогда не видѣла васъ ни грустнымъ, ни веселымъ, а только философствующимъ. Знаете, господа,— знаешь, Таня, — онъ обучаетъ меня философіи. Вчера прочиталъ цѣлую лекцію о нѣкоторомъ законѣ достаточнаго основанія... Эхъ! Я забыла, какъ этотъ удивительный законъ выражается... въ какихъ словахъ? Въ какихъ?

ТЕТЕРЕВЪ (*улыбаясь*).

Нѣтъ ничего безъ основанія, почему оно есть...

ЕЛЕНА.

Вы слышите? Вотъ я какія мудрыя штуки знаю. Вы вотъ не знаете, что законъ этотъ являетъ собой— являетъ, это самое философское слово! — являетъ собой... что-то вродѣ дуба, потому что у него четыре корня... вѣрно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не смѣю спорить...

ЕЛЕНА.

Ну, конечно! Посмѣли-бы вы! Корень первый—а можетъ и не первый—законъ достаточнаго основанія бываніе... бываніе—это матерія въ формахъ... вотъ я—матерія, принявшая—не безъ основанія—форму женщины... но зато—безъ всякаго уже основанія—лишенная бытія. Бытіе вѣчно, а матерія въ формахъ—побываетъ на землѣ и—фьюить! Вѣрно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ладно, сойдетъ.

ЕЛЕНА.

Еще я знаю, что существуетъ кавзальная связь, апріори и апостеріори, но кто они такіе, — забыла! И если я отъ всѣхъ этихъ премудростей не стану лысой, такъ буду умной. А самое интересное и премудрое во всей философіи вотъ что: зачѣмъ вы, Терентій Хрисанфовичъ, говорите мнѣ о философіи?

ТЕТЕРЕВЪ.

Потому, во-первыхъ, что смотрѣть на васъ очень пріятно...

ЕЛЕНА.

Спасибо! Во-вторыхъ, навѣрное неинтересно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Во-вторыхъ, потому что, только философствуя, человѣкъ не лжетъ, ибо, философствуя, онъ просто выдумываетъ...

ЕЛЕНА.

Ничего не поняла! Да, Таня, какъ ты себя чувствуешь? (*Не дожидаясь ответа*). Петръ... Васильевичъ! Вы чѣмъ недовольны?

ПЕТРЪ.

Собой.

ИЛЬ.

И всѣмъ остальнымъ?

ЕЛЕНА.

Знаете,—мнѣ ужасно хочется пѣть! Какъ жаль, что сегодня суббота и всенощная еще не отошла... (*Входятъ старики*). А, вотъ идутъ богомольцы! Здравствуйте!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сухо*).

Наше вамъ почтеніе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, матушка! Только мы васъ ужъ видѣли сегодня.

ЕЛЕНА.

Ахъ, да! Я позабыла... Ну, что-же... въ церкви жарко было?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мы не затѣмъ туда ходимъ, чтобы климатъ измѣрять..

ЕЛЕНА (*смущаясь*).

О, разумѣется, я хотѣла спросить не о томъ... я хотѣла спросить... много было народа?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не считали мы, матушка...

ПОЛЯ (*Безсѣменову*).

Чай пить—будете?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сначала поужинаемъ... Мать, ты поди-ка, приготовь тамъ. (*Акулина Ивановна уходитъ, шмыгая носомъ. Всѣ молчатъ. Татьяна встаетъ и переходитъ къ столу, под-*

держиваемая Еленой. Нилъ садится на мѣсто Татьяны. Петръ шагаетъ по комнатѣ. Тетеревъ, сидя около піанино, слѣдитъ за всѣми, улыбаясь. Поля у самовара. Безсѣменовъ сидитъ въ углу на сундукѣ). Какой народъ сталъ — воръ, даже удивительно! Давече, какъ шелъ я съ матерью въ церковь,—дощечку положилъ у воротъ, черезъ грязь, чтобы пройти. Назадъ идемъ, а дощечки ужъ нѣту... стащилъ какой-то жуликъ. Большой развратъ пошелъ въ жизни... (*Пауза*). Въ старину жуликовъ меньше было... все больше разбойничали люди, потому—крупнѣе душой были всѣ... стыдились изъ-за пустяковъ совѣсть тревожить... (*На улицѣ, за окномъ, раздаются пѣніе и звуки гармоники*). Ишь... поютъ. Суббота, а они поютъ. (*Пѣніе приближается, поютъ въ два голоса*). Навѣрное, мастеровые. Чай, пошабашили, сходили въ кабакъ, пропили заработокъ и дерутъ глотку. (*Пѣніе подъ окномъ. Нилъ, прислонивъ лицо къ стеклу, смотритъ на улицу*). Поживутъ эдакъ-то годъ... много—два, и готовы! Золоторотцами будутъ... жуликами...

НИЛЪ.

Кажется, это Перчихинъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*изъ двери*).

Отецъ, иди ужинать.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вставая*).

Перчихинъ... тоже вотъ... безполезной жизни человѣкъ... (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА (*проводивъ его взглядомъ*).

А у меня.. удобнѣе чай пить...

НИЛЪ.

Вы очень остроумно разговаривали со старпками.

ЕЛЕНА.

Я... онъ меня смущаетъ... Онъ не любитъ меня... и мнѣ это какъ-то непріятно... даже обидно! За что меня не любить?

ПЕТРЪ.

Онъ, въ сущности, добрый старикъ... но у него большое самолюбіе...

НИЛЪ.

И онъ немножко жаденъ... немножко золъ.

ПОЛЯ.

Ш-ш! Зачѣмъ говорить такъ о человѣкѣ за глаза? Не хорошо!

НИЛЪ.

Нѣтъ, быть жаднымъ не хорошо.

ТАТЬЯНА (*сухо*).

Я предлагаю оставить... этотъ предметъ безъ обсужденія... Отецъ можетъ каждую минуту войти... Послѣдніе три дня онъ... не ругался... старается со всѣми быть ласковымъ...

ПЕТРЪ.

И это ему стоитъ не дешево...

ТАТЬЯНА.

Надо цѣнить это... Онъ старъ... онъ не виноватъ въ томъ, что родился раньше насъ... и думаетъ не такъ, какъ мы... (*Раздражаясь*). Сколько жестокости въ людяхъ! Какъ всѣ мы грубы, безжалостны! Насъ учатъ любить другъ друга... намъ говорятъ: будьте добрыми... будьте кротки...

НИЛЪ (*въ тонъ ей*).

И садятся верхомъ на шеи намъ и ѣдутъ на насъ... (*Елена хохочетъ. Поля и Тетеревъ улыбаются. Петръ что-то хочетъ сказать Нилу и идетъ къ нему. Татьяна укоризненно качаетъ головой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*входитъ, окидываетъ Елену недружелюбнымъ взглядомъ*).

Палагея! Тамъ въ кухнѣ твой отецъ... Поди-ка, да скажи ему, чтобъ онъ... въ другой разъ пришелъ... когда будетъ трезвый... да! Ты-де, папаша, иди домой... и все такое!

(*Поля и Нилъ за нею—уходятъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ... поди и ты... Погляди-ка на будущаго... мм... (*Обрывается, садится за столъ*). Вы что молчите? Я замѣчаю, что какъ я въ дверь—вы всѣ сожмете губы...

ТАТЬЯНА.

Мы... и безъ васъ... не много говорили...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*глядя исподлобья на Елену*).

А надъ чѣмъ смѣялись?

ПЕТРЪ.

Такъ это... пустяки! Нилъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нилъ! Все отъ него идетъ... я такъ и зналъ.

ТАТЬЯНА.

Налить вамъ чаю?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Налей...

ЕЛЕНА.

Дай, Таня, я налью...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться. Мнѣ дочь нальетъ...

ПЕТРЪ.

Я думаю,—вѣдь все равно, кто нальетъ? Таня нездорова.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я тебя не спрашиваю, какъ ты думаешь на этотъ счетъ. Если тебѣ чужіе люди ближе родныхъ...

ПЕТРЪ.

Отецъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?

ТАТЬЯНА.

Начинается! Петръ,—будь благоразуменъ.

ЕЛЕНА (*натянуто улыбаясь*).

Ну, стоитъ-ли...

(*Дверь тихо растворяется и входитъ Перчихинъ. Онъ выпивши, но не сильно*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Я сюда пришелъ... ты оттуда ушелъ... а я—сюда.. за тобой...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*не глядя на него*).

Пришелъ, такъ садись.. Вотъ чаю выпей... ну...

ПЕРЧИХИНЪ.

Н-не надо мнѣ чаю! Кушай самъ на здоровье... Я— для разговора пришелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Какой тамъ разговоръ? Все пустяки.

ПЕРЧИХИНЪ.

Пустяки? Н-ну? (*Смѣется*). Чудакъ ты! (*Нилъ входитъ и сурово глядя на Безсѣменова, встаетъ у шкафа*).

Четыре дня собирался я къ тебѣ придти... ну, и пришелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, и ладно...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣтъ, не ладно! Василь Васильевичъ! Умный ты человѣкъ! Богатый человѣкъ... вѣдь я къ совѣсти къ твоей пришелъ!

ПЕТРЪ

(*подходя къ Нилу, негромко*).

Зачѣмъ ты его пустилъ сюда?

НИЛЪ.

Оставь. Это тебя не касается.

ПЕТРЪ.

Ты всегда дѣлаешь... чортъ знаетъ что...

ПЕРЧИХИНЪ (*заглушая Петра*).

Старый человѣкъ... давно я тебя знаю!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сердясь*).

Тебѣ чего надо?

ПЕРЧИХИНЪ.

Скажи мнѣ,—за что ты меня намедни вонъ изъ дома выгналъ? Думалъ я, думалъ,—не возьму въ толкъ! Скажи, братъ! Я—безъ сердца на тебя пришелъ... я, братъ, съ любовью къ тебѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Съ дурной головой пришелъ ты... вотъ что!

ТАТЬЯНА.

Петръ! Помоги мнѣ... нѣтъ, позови Полю... (*Петръ уходитъ*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Вотъ—Поля! Дочь моя милая... птица моя чистая... Изъ за нее ты меня выгналъ? Вѣрно? За то, что она у Татьяны жениха отбила?

ТАТЬЯНА.

О! Глупость какая... какая пошлость!

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*медленно поднимаясь съ мѣста*).

Гляди, Перчихинъ! Второй разъ...

ЕЛЕНА (*Нилу вполголоса*).

Уведите его! Они поругаются.

НИЛЪ.

Не хочу...

ПЕРЧИХИНЪ.

Второй разъ—не прогонишь, Василь Васильевичъ! Не за что... Поля... я ее люблю... она у меня—хорошая! Ну, все же я не одобряю... я, братъ, ее не одобряю, н-нѣтъ! Зачѣмъ чужой кусокъ взяла? Не хорошо...

ТАТЬЯНА.

Лена! Я... ухожу къ себѣ... (*Елена помогаетъ ей, поддерживая подъ руку. Проходя мимо Нила, Татьяна говоритъ ему негромко*). Какъ не стыдно! Уведите его.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сдерживаясь*).

Перчихинъ! Ты—молчи! Сиди—молчи... а то ступай домой... (*Входитъ Поля. За нею Петръ*).

ПЕТРЪ (*Полѣ*).

Да успокойтесь... я васъ прошу...

ПОЛЯ.

Василій Васильевичъ! За что вы прошлый разъ выгнали отца? (*Безсѣменовъ молча и сурово смотритъ на всѣхъ поочередно*).

ПЕРЧИХИНЪ (*грозя пальцемъ*).

Шш! Дочка! Не говори... Ты должна понять... Татьяна отравилась—почему? Ага-а? Василь Васильевичъ,—видишь? Я, братъ, по чистой правдѣ... я всѣхъ васъ разсужу... по совѣсти... какъ надо! Я—очень просто...

ПОЛЯ.

Постой, отецъ...

ПЕТРЪ.

Позвольте, Поля...

НИЛЪ.

Ты бы молчалъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты, Пелагея, вотъ что... ты дерзкая...

ПЕРЧИХИНЪ.

Она? Нѣтъ, она... у меня...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи ты! я что-то плохо разумѣю... чей это домъ? Кто здѣсь хозяинъ? Кто судья?

ПЕРЧИХИНЪ.

Я! Я разсужу все... всѣхъ, по порядку... Не тронь чужого—разъ! Взяла,—отдай назадъ—два!

ПЕТРЪ (*Перчихину*).

Послушай,—брось болтать! Пойдемъ ко мнѣ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Не люблю я тебя, Петръ! Гордый ты человѣкъ... пустой ты! И ничего ты не знаешь... Что такое канализація? Ага! Мнѣ разсказывали, братъ... (*Петръ тянетъ его за рукавъ*). Не тронь, постой...

НИЛЪ (*Петру*).

Не трогай его...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*Нилу*).

Ты что тутъ собакъ травишь? А?

ПИЛЪ.

Нѣтъ, я хочу понять, въ чемъ дѣло. Въ чемъ виноватъ Перчихинъ? За что его выгнали?.. При чемъ здѣсь Поля?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты меня допрашиваешь?

НИЛЪ.

А если и васъ—такъ что-жъ? Вы—человѣкъ, я—тоже...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*бѣшено*).

Нѣтъ, ты не человѣкъ... ты—ядъ! Ты—звѣрь!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ш-ш! Тихо! Надо тихо, по совѣсти...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*Полѣ*).

А ты—ехидна! Ты—нищая!..

ПИЛЪ (*сквозь зубы*).

Вы не кричите!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что? Вонъ! Змѣёныша... я тебя вскормилъ отъ пота-крови...

ТАТЬЯНА (*изъ своей комнаты*).

Папаша! Папа!

ПЕТРЪ (*Нилу*).

Ну? Дождался? Эхъ, ты... стыдился-бы!

ПОЛЯ (*негромко*).

Не.. не смѣйте на меня кричать. Я не раба вамъ... не можете вы обижать всѣхъ... И—вы скажите,—за что отца выгнали?

НИЛЪ (*спокойно*).

Я тоже требую... здѣсь не сумасшедшіе живутъ... надо отвѣчать за свои поступки...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*тише, сдерживаясь*).

Уйди, Нилъ, отъ грѣха... уйди! Смотри... ты—выкормокъ мой... котораго я воспиталъ.

НИЛЪ.

Не корите меня вашимъ хлѣбомъ! Я отработаю всё, что̀ съѣлъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты... душу мнѣ сожралъ... разбойникъ—ты...

ПОЛЯ (*беретъ Нила за руку*).

Пойдёмъ отсюда!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Иди... ползи, змѣя! Ты всё... изъ-за тебя... ты дочь ужалила... его теперь... проклятая... изъ-за тебя дочь моя...

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Тихо! По совѣсти!

ТАТЬЯНА (*кричитъ*).

Отецъ! Неправда! Петръ, что-же ты? (*Является въ дверяхъ своей комнаты и, безпомощно протягивая руки,*

выходитъ на средину). Петръ, не нужно этого! О Боже мой! Терентій Хрисанфовичъ! Скажите имъ... скажите имъ... Нилъ! Поля! Ради Бога—уйдите! Уходите! Зачѣмъ всё это...

(*Всѣ безтолково суетятся. Тетеревъ, скаля зубы, медленно встаетъ со стула. Безсѣменовъ отступаетъ передъ дочерью. Петръ подхватываетъ сестру подъ руку и растерянно смотритъ вокругъ*).

ПОЛЯ.

Идёмъ!

НИЛЪ.

Хорошо! (*Безсѣменову*). Ну, мы уходимъ... вотъ! Мнѣ жаль, что вышло такъ громко.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ступай, ступай... Уводи ее...

НИЛЪ.

Я уже не ворочусь...

ПОЛЯ

(*громко, дрожащимъ голосомъ*).

Винить меня въ такомъ... винить за Таню... развѣ можно? Тутъ развѣ я виновата? Безстыдникъ вы...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*бѣшено*).

Уйдёшь ты?!

НИЛЪ.

Тише!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ребята,—не сердитесь! Надо—кротко...

ПОЛЯ.

Прощайте! Иди, отецъ!

НИЛЪ (*Перчихину*).

Идёмъ!

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣ-ѣтъ, я съ вами не хочу... мнѣ не рука... я самъ по себѣ... Терентій! Я самъ—одинъ... Мое дѣло—чистое.

ТЕТЕРЕВЪ.

Идёмъ ко мнѣ.

ПОЛЯ.

Иди! Иди-же, пока не гонятъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣтъ... я не пойду... Терентій,—мнѣ съ ними не рука! Я понимаю...

ПЕТРЪ (*Нилу*).

Да уходите вы... чортъ побери!..

НИЛЪ.

Иду... Прощай... какой, однако, ты...

ПОЛЯ.

Идёмъ, идёмъ... (*Уходятъ*).

БЕЗЪЕМЕНОВЪ

(*кричитъ имъ вслѣдъ*).

Воротитесь! поклонитесь...

ПЕТРЪ.

Оставь, отецъ! Будетъ...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Милый мой!... не надо кричать...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Постойте... Погодите...

ПЕРЧИХИНЪ.

Ну, вотъ теперь... ушли... И хорошо! Пускай ихъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сказать-бы мнѣ имъ на прощанье... злодѣи! Кормилъ, поилъ... (*Къ Перчихину*). Ты, старый чортъ! Дуракъ! Пришелъ, забормоталъ... чего тебѣ надо? Чего?

ПЕТРЪ.

Папаша! Будетъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Не кричи... я тебя уважаю, чудакъ ты! Глупый я—вѣрно! Но я понимаю... кто куда.

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(садится на диванъ).

Я... потерялъ мысли. Не понимаю... Что вышло? Вдругъ... какъ лѣтомъ, въ сушь, пожаръ... Одного—нѣтъ... говоритъ—не ворочусь... Ишь, какъ просто! Ишь, ты какъ... Нѣтъ... я этому повѣрить не могу...

ТЕТЕРЕВЪ *(Перчихину).*

Ну, что ты тутъ? Зачѣмъ ты?

ПЕРЧИХИНЪ.

Для порядка... я, братъ, разсуждаю просто... Разъ-два! Больше никакихъ! Она мнѣ дочь? Очень хорошо...

Значитъ,—должна она... (*Вдругъ замолчалъ*). Плохой я отецъ... и ничего она не должна... пусть ее живётъ, какъ хочетъ! А Таню мнѣ жалко... Таня... мнѣ жалко тебя... Мнѣ, братцы, всѣхъ васъ жалко! Эхъ-ма!.. Вѣдь, ежели по совѣсти сказать—всѣ вы дураки!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи ты...

ПЕТРЪ.

Таня! Елена Николаевна ушла?

ЕЛЕНА

(*изъ комнаты Татьяны*).

Я здѣсь... Лекарство приготовляю...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мысли у меня спутались... ничего не понимаю... Неужто Нилъ... такъ и уйдетъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*входитъ, безпокойно*).

Что случилось? Нилъ съ Палагеей въ кухнѣ тамъ... а я была въ чуланѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ушли они?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Нѣтъ... зовутъ Перчихина... Палагея говоритъ, скажите, говоритъ, отцу... а губы у нея дрожатъ. Нилъ, все равно какъ песъ,—рычитъ... что такое?..

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вставая*).

А вотъ сейчасъ... вотъ я пойду...

ПЕТРЪ.

Отецъ,—не надо! Не ходите...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Пожалуйста... не надо...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чего--не надо?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да что такое?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты понимаешь... Нилъ уходитъ... совсѣмъ...

ПЕТРЪ.

Ну, что-же въ томъ? Уходитъ и—прекрасно... Зачѣмъ онъ вамъ? Онъ женится... Онъ хочетъ жить своей семьей...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А! Такъ развѣ... я-то, я—чужой ему?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Чего ты безпокоишься, отецъ? Богъ съ нимъ. Пускай уходитъ... У насъ свои дѣти есть... (*Перчихину*). Ты чего-же? Иди!

ПЕРЧИХИНЪ.

Мнѣ съ ними—не по дорогѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ... тутъ не то совсѣмъ... уходишь—уходи! Но какъ? Какъ онъ ушелъ... Какими глазами глядѣлъ на меня?.. (*Елена выходитъ изъ комнаты Татьяны*).

ТЕТЕРЕВЪ

(*беретъ Перчихина подъ руку и ведетъ за собой къ двери*).

Пойдемъ зубровки хватить по рюмкѣ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Эхъ-ма, божья дудка! Серьезный ты... (*Уходитъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я зналъ, что онъ отъ насъ уйдетъ... ну, только развѣ такъ. А эта... эта... кричитъ. Поденщица, дѣвчонка... пойду, поговорю имъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Э, полно-ка, отецъ! Они—чужіе намъ люди! Что ихъ жалѣть? Ушли и—ладно!

ЕЛЕНА (*Петру негромко*).

Идёмте ко мнѣ...

ТАТЬЯНА (*Еленѣ*).

И я... возьмите и меня...

ЕЛЕНА.

Идёмъ... идёмте...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*услышавъ ея зовъ*).

Куда?

ЕЛЕНА.

Къ себѣ... ко мнѣ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Кого зовете-съ? Петра?

ЕЛЕНА.

Да, и Таню...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Таня не при чемъ. А Петру ходить къ вамъ... не надо.

ПЕТРЪ.

Позволь, отецъ! Я... не мальчикъ! Я пойду или не пойду...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не пойдешь!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Уступи отцу! Эй, уступи...

ЕЛЕНА *(возмущенно)*.

Позвольте, Василій Васильевичъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ, ужъ вы позвольте! Хотя вы люди и образованные... хотя вы потеряли совѣсть и никого не уважаете...

ТАТЬЯНА (*истерически кричитъ*).

Папаша! Перестаньте!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи! Когда ты не хозяйка своей судьбы—молчи... постой! Куда? (*Елена идетъ къ двери*).

ПЕТРЪ

(*бросаясь за нею, хватаетъ ее за руку*).

Позвольте. На минутку... нужно сразу... нужно объясниться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нужно меня выслушать... Сдѣлайте мнѣ милость,—выслушайте. Дайте мнѣ понять—что такое? (*Входитъ Перчихинъ, сіяющій и веселый, за нимъ Тетеревъ тоже съ*

улыбкой на лицѣ. Они останавливаются у двери, переглядываются. Перчихинъ подмигиваетъ на Безсѣменова и махаетъ рукой). Всѣ куда-то уходятъ... безъ всякаго объясненія намѣреній... зря... обидно и безпутно! Куда ты можешь идти, Петръ? Ты... что ты такое? Какъ ты хочешь жить? Что дѣлать? (*Акулина Ивановна всхлипываетъ. Петръ, Елена и Татьяна стоятъ всѣ трое сплошной группой передъ Безсѣменовымъ; при его словахъ:* „Куда ты можешь идти“— *Татьяна отходитъ въ сторону къ столу, гдѣ стоитъ мать. Перчихинъ знакомъ показываетъ что-то Тетереву, трясетъ головой, взмахиваетъ руками, какъ-бы пугая птицъ*). Я имѣю право спрашивать... ты—молодъ, ты еще—глупъ! Я пятьдесятъ восемь лѣтъ растягивалъ жилы мои въ трудахъ ради дѣтей...

ПЕТРЪ.

Я слышалъ это, отецъ! Я сотни разъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Стой! Молчи!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ, Петя, Петя...

ТАТЬЯНА.

Мамаша, вы... ничего не понимаете!

(*Акулина Ивановна трясетъ головой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи! Какія ты слова можешь сказать? На что укажешь? Нѣтъ ничего...

ПЕТРЪ.

Отецъ, ты мучаешь меня! Что тебѣ нужно? Что ты хочешь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*вдругъ громко*).

Нѣтъ, стой! И у меня есть сердце... и я имѣю голосъ! Сыночекъ! Что дѣлаешь? Что затѣялъ? Кого спросилъ?

ТАТЬЯНА.

Это ужасно! Это какая-то тупая пила... (*Матери*). Вы рвете душу... тѣло...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Это мать—пила? Мать?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Старуха, погоди! Вотъ онъ... дай ему сказать.

ЕЛЕНА (*Петру*).

Ну, будетъ! Я больше—не могу... я ухожу...

ПЕТРЪ.

Постойте... ради Бога! Сейчасъ все будетъ ясно...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, это сумасшедшій домъ! Это...

ТЕТЕРЕВЪ.

Елена Николаевна, уйдите! Пошлите ихъ всѣхъ къ чорту!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вы, господинъ! Вы...

ТАТЬЯНА.

Да кончится-ли это? Петръ, уйди!

ПЕТРЪ (*почти кричитъ*).

Отецъ... смотри! Мать!.. вотъ это моя невѣста!

(*Пауза. Всѣ смотрятъ на Петра. Потомъ Акулина Ивановна всплескиваетъ руками и въ ужасѣ смотритъ на мужа. Безсѣменовъ,—точно его оттолкнули,—подается всѣмъ корпусомъ назадъ и наклоняетъ голову. Татьяна, тяжело вздохнувъ, медленно, съ опущенными вдоль тѣла руками, идетъ къ піанино*).

ТЕТЕРЕВЪ (*вполголоса*).

Ловко выбралъ время...

ПЕРЧИХИНЪ (*выступая впередъ*).

Ну, вотъ и все! Вотъ оно:—всѣ разлетаются! Айда, ребятишки, лети изъ клѣтки, какъ птицы въ Благовѣщенье...

ЕЛЕНА

(*вырывая руку изъ руки Петра*).

Пустите! Я не могу...

ПЕТРЪ (*бормочетъ*).

Теперь все ясно... Сразу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*кланяясь сыну*).

Н-ну, спасибо, сынокъ... за радостное извѣстіе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*съ плачемъ*).

Погубилъ ты себя, Петенька. Да развѣ она... она пара...

ПЕРЧИХИНЪ.

Она? Петру? Да... что ты, старуха! Да чего онъ стоитъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*Еленѣ медленно*).

Спасибо и вамъ, барыня! Теперь, стало быть, пропалъ онъ! Ему-бы учиться... а теперь... ловко! Хотя я это и чувствовалъ... (*Злобно*). Поздравляю васъ съ добычей! Петька! Нѣтъ тебѣ благословенія! А ты... ты... поймала? Украла? Кошка... парш...

ЕЛЕНА.

Вы не смѣете!..

ПЕТРЪ.

Отецъ! Ты... безумный!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, стойте! Да, это вѣрно! Да, я сама взяла его у васъ, сама! Я сама... я первая сама сказала ему, предложила жениться на мнѣ! Вы слышите? Вы, филинъ? Слышите?.. Это я вырвала его у васъ! Мнѣ—жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь—это гибель для него! Вы думаете—о, я знаю! Вы думаете,—для себя я сдѣлала это? Ну, думайте... Охъ! Какъ я васъ ненавижу!

ТАТЬЯНА.

Лена! Лена! Что ты?

ПЕТРЪ.

Елена... идёмте!

ЕЛЕНА.

Знаете, я еще, можетъ быть,—не обвѣнчаюсь съ нимъ... Вы рады, да? О, это очень можетъ быть! Вы не пугайтесь прежде времени! Я буду такъ, просто жить съ нимъ... безъ вѣнца... но вамъ не дамъ его! Не дамъ! Вы—болѣе его не станете мучить, нѣтъ! И онъ не придетъ къ вамъ—никогда! Никогда! Никогда!

ТЕТЕРЕВЪ.

Вивать! Вивать, женщина!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ, батюшки! Отецъ... что это? Отецъ...

ПЕТРЪ

(*толкая Елену къ двери*).

Иди... Идите... уходите... (*Елена, уходя, увлекаетъ Петра за собою*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*безпомощно оглядываясь*).

Вотъ какъ?.. (*Вдругъ громко и быстро*). Полицію зови! (*Топая ногами*). Долой съ квартиры! Завтра-же... ахъ ты!..

ТАТЬЯНА.

Папаша! Что вы?

ПЕРЧИХИНЪ

(*удивленный, ничего не понимая*).

Василь Васильевичъ! Голубь! Что ты это? Чего кричишь? Тебѣ-бы радоваться надо...

ТАТЬЯНА (*подходя къ отцу*).

Послушайте...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А, ты! Ты еще... осталась! Чего-же ты не уходишь? Уходи и ты... Не съ кѣмъ? Некуда? Прозѣвала? (*Татьяна, отшатнувшись, отходитъ быстро къ піанино. Акулина Ивановна—растерянная и жалкая—бросается къ ней*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ, — брось! Подумай! Учиться Петръ теперь не будетъ... на что ему? (*Безсѣменовъ тупо смотритъ въ лицо Перчихина и киваетъ головой*). Жить — есть на что ему. Ты денегъ накопилъ... Жена — малина-баба... а ты кричишь, шумишь! Чудакъ, опомнись. (*Тетеревъ хохочетъ*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*воетъ*).

Всѣ покинули! Бросили!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*оглядываясь*).

Молчи, мать! Воротятся... не смѣютъ!.. Куда пойдутъ? (*Тетереву*). Ты что тутъ скалишь зубы? Ты! Язва! Дьяволъ! Долой съ квартиры! Завтра-же долой! Васъ цѣлая шайка...

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Прочь, ты! Несчастный... бродяга...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Таня! Танечка! Милая моя! Хворая ты, несчастная! Что будетъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты, дочка, все знала. Ты знала все, молчала. Заговоръ противъ отца. (*Вдругъ какъ-бы испугавшись*). Ты думаешь... не броситъ онъ ее? Бабенку эту? Распутницу... въ жены! Мой сынъ... Проклятые вы люди! Несчастные.. безпутные!

ТАТЬЯНА.

Оставьте меня! Не дайте мнѣ... возненавидѣть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Доченька! Неудачливая ты моя! Замучили! Всѣхъ насъ замучили... за что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А кто? Все Нилъ, разбойникъ... подлецъ! И сына онъ смутилъ... И дочь страдаетъ! (*Увидавъ Тетерева, стоящаго у шкафа*). Ты, оборванецъ, что? Ты, что тутъ? Вонъ съ квартиры!

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Его за что? Ахъ ты... съ ума свихнулся, старикъ!

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

Не кричи, старикъ! Всего, что̀ на тебя идетъ, ты не разгонишь... И—не безпокойся... Твой сынъ воротится...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*быстро*).

Ты... ты почемъ знаешь?

ТЕТЕРЕВЪ.

Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты, — онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить, — какъ ты,—спокойно, разумно и уютно...

ПЕРЧИХИНЪ (*Безсѣменову*).

Видишь? Чудакъ! Горячка! Человѣкъ тебѣ добра желаетъ... ласковыя слова говоритъ для твоего покою... а ты—орешь! Терентій,—онъ, братъ, мудрый человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Онъ переставитъ мебель и—будетъ жить въ сознаніи, что долгъ свой передъ жизнью и людьми отлично выполнилъ. Онъ, вѣдь, такой-же, какъ и ты...

ПЕРЧИХИНЪ.

Двѣ капли воды!

ТЕТЕРЕВЪ.

Совсѣмъ такой... трусливъ и глупъ...

ПЕРЧИХИНЪ (*Тетереву*).

Постой! Ты что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты... говори, а не ругайся... какъ смѣешь!

ТЕТЕРЕВЪ.

И жаденъ будетъ въ свое время и такъ-же, какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ. (*Перчихинъ удивленно гля-*

дитъ въ лицо Тетерева, не понимая—утѣшаетъ-ли онъ старика, или ругаетъ его. На лицѣ Безсѣменова тоже недоумѣніе, но рѣчь Тетерева интересна ему). И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ такъ-же, какъ ты теперь... Жизнь идетъ, старикъ,—кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокимъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Чу! Слышишь? Стало быть,—все идетъ, какъ надо... а ты сердишься!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Постой, отвяжись!

ТЕТЕРЕВЪ.

И такъ-же вотъ несчастнаго и жалкаго сына твоего не пощадятъ и скажутъ ему правду въ лицо, какъ я тебѣ говорю: чего ты ради жилъ? Что сдѣлалъ добраго?—И сынъ твой, какъ ты теперь, не отвѣтитъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да... ты вотъ говоришь тутъ... ты всегда складно говоришь! А что въ душѣ? Нѣтъ, я тебѣ не вѣрю. И—все-таки,—съѣзжай съ квартиры! Будетъ... терпѣлъ я васъ довольно! И ты тоже... многое тутъ внушилъ... вредное мнѣ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Эхъ, кабы я! Но, нѣтъ, не я... (*Уходитъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*встряхивая головой*).

Ну... будемъ терпѣть... ладно! Будемъ ждать... Всю жизнь терпѣлъ... еще будемъ терпѣть! (*Идетъ въ свою комнату*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

(*бѣжитъ вслѣдъ за мужемъ*).

Отецъ! Милый ты мой! За что насъ дѣтки-то? За что казнили? (*Уходитъ въ свою комнату. Перчихинъ стоитъ посрединѣ и недоумѣвающе моргаетъ. Татьяна дикими глазами озирается вокругъ, сидя на стулѣ у піанино. Изъ комнаты стариковъ доносится глухой говоръ*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Таня! Тань... (*Татьяна смотритъ на него, не отвѣчаетъ*). Таня! Изъ-за чего они — которые разбѣжались, которые плачутъ? А? (*Смотритъ на Татьяну, вздыхаетъ*). Чудаки! (*Смотритъ на дверь въ комнату стариковъ, идетъ по направленію въ сѣни, качая головой*). Пойду, инъ, къ Терентью... Чудаки!

(*Татьяна, медленно сгибаясь, облокачивается на клавиши. Въ комнатѣ раздается нестройный, громкій звукъ многихъ струнъ и—замираетъ*).

Занавѣсъ.

НА ДНѢ.

Посвящаю

Константину Петровичу Пятницкому.

М. Горькій.

На днѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ :

МИХАИЛЪ ИВАНОВЪ КОСТЫЛЕВ
лежки.
ВАСИЛИСА КАРПОВНА, его жена, 2
НАТАША, ея сестра, 20 л.
МЕДВѢДЕВЪ, ихъ дядя, полицейскій, 5
ВАСЬКА ПЕПЕЛЪ, 28 л.
КЛЕЩЪ, АНДРЕЙ МИТРИЧЪ, слесар
АННА, его жена, 30 л.
НАСТЯ, дѣвица, 24 л.
КВАШНЯ, торговка пельменями, подъ 40
ВУБНОВЪ, картузникъ, 45 л.
САТИНЪ, АКТЕРЪ } приблизительно одного возрас
БАРОНЪ, 33 л.
ЛУКА, странникъ, 60 л.
АЛЕШКА, саложникъ, 20 л.
КРИВОЙ ЗОБЪ, ТАТАРИНЪ } крючники.

Нѣсколько босяковъ безъ име

На днѣ.

Подвалъ, похожій на пещеру. Потолокъ — тяжелый, каменные своды, закопченные, съ обвалившейся штукатуркой. Свѣтъ отъ зрителя и сверху внизъ, — изъ квадратнаго окна съ правой стороны. Правый уголъ занятъ отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери въ эту комнату—нары Бубнова. Въ лѣвомъ углу — большая русская печь; въ лѣвой, каменной стѣнѣ — дверь въ кухню, гдѣ живутъ Квашня, Баронъ, Настя. Между печью и дверью у стѣны — широкая кровать, закрытая грязнымъ ситцевымъ пологомъ. Вездѣ по стѣнамъ—нары. На переднемъ планѣ у лѣвой стѣны—обрубокъ дерева съ тисками и маленькой наковальней, прикрѣпленными къ нему, и другой, пониже перваго. На послѣднемъ, передъ наковальней сидитъ Клещъ, примѣряя ключи къ старымъ замкамъ. У ногъ его — двѣ большія связки разныхъ ключей, надѣтыхъ на кольца изъ проволоки, исковерканный самоваръ изъ жести, молотокъ, подпилки. Посрединѣ ночлежки—большой столъ, двѣ скамьи, табуретъ, все — некрашеное и грязное. За столомъ, у самовара Квашня хозяйничаетъ. Баронъ жуетъ черный хлѣбъ и Настя, на табуретѣ, читаетъ, облокотясь на столъ, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологомъ, кашляетъ Анна. Бубновъ, сидя на нарахъ, примѣряетъ на болванкѣ для шапокъ, зажатой въ колѣняхъ, старые, распоротые брюки, соображая, какъ нужно кроить. Около него — изодранная картонка изъ-подъ шляпы—для козырьковъ, куски клеенки, тряпье. Сатинъ только что проснулся, лежитъ на нарахъ и — рычитъ. На печкѣ, невидимый, возится и кашляетъ Актеръ.

Начало весны. Утро.

БАРОНЪ.

Дальше!

КВАШНЯ.

Нѣ-ѣтъ, говорю, милый, съ этимъ ты отъ меня поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь ужъ ни за сто печеныхъ раковъ подъ вѣнецъ не пойду!

БУБНОВЪ (*Сатину*).

Ты чего хрюкаешь?

(*Сатинъ рычитъ*).

КВАШНЯ.

Чтобы я, говорю, свободная женщина, сама себѣ хозяйка, да кому-нибудь въ паспортъ вписалась, чтобы я мужчинѣ въ крѣпость себя отдала — нѣтъ! Да будь онъ хоть принцъ американскій,—не подумаю замужъ за него идти.

КЛЕЩЪ.

Врешь!

КВАШНЯ.

Чего-о?

КЛЕЩЪ.

Врешь. Обвѣнчаешься съ Абрамкой...

БАРОНЪ

(*выхвативъ у Насти книжку, читаетъ названіе*).

„Роковая любовь"... (*Хохочетъ*).

НАСТЯ (*протягивая руку*).

Дай... отдай! Ну... не балуй!

БАРОНЪ

(*смотритъ на нее, помахивая книжкой въ воздухъ*).

КВАШНЯ (*Клещу*).

Козёлъ ты рыжій! Туда же—врешь! Да какъ ты смѣешь говорить мнѣ такое дерзкое слово?

БАРОНЪ

(*ударяя книгой по головѣ Настю*).

Дура ты, Настька...

НАСТЯ (*отнимаетъ книгу*).

Дай...

КЛЕЩЪ.

Велика барыня... А съ Абрамкой ты обвѣнчаешься... только того и ждешь...

КВАШНЯ.

Конечно! Еще бы!.. какъ-же! Ты, вонъ, заѣздилъ жену-то до полусмерти...

КЛЕЩЪ.

Молчать, старая собака! Не твое это дѣло...

КВАШНЯ.

А-а! Не терпишь правды!

БАРОНЪ.

Началось! Настька—ты гдѣ?

НАСТЯ (*не поднимая головы*).

А... Уйди!

АННА

(*высовывая голову изъ-за полога*).

Начался день! Бога ради...не кричите...не ругайтесь вы!

КЛЕЩЪ.

Заныла!

АННА.

Каждый Божій день... дайте хоть умереть спокойно!

БУБНОВЪ.

Шумъ—смерти не помѣха...

КВАШНЯ (*подходя къ Аннѣ*).

И какъ ты, мать моя, съ такимъ злыднемъ жила?

АННА.

Оставь... отстань...

КВАШНЯ.

Н-ну! Эхъ ты... терпѣливица!.. Что, не легче въ груди-то?

БАРОНЪ.

Квашня! На базаръ пора...

КВАШНЯ.

Идемъ сейчасъ! (*Аннѣ*). Хочешь пельмешковъ горяченькихъ дамъ?

АННА.

Не надо... спасибо. Зачѣмъ мнѣ ѣсть?

КВАШНЯ.

А ты поѣшь. Горячее—мягчитъ. Я тебѣ въ чашку отложу и оставлю... захочешь когда и покушай! Идемъ, баринъ... (*Клещу*). У, нечистый духъ... (*Уходитъ въ кухню*).

АННА (*кашляя*).

Господи...

БАРОНЪ

(*тихонько толкаетъ Настю въ затылокъ*).

Брось... дуреха!

НАСТЯ (*бормочетъ*).

Убирайся... я тебѣ не мѣшаю.

(*Баронъ, насвистывая, уходитъ за Квашней*).

САТИНЪ

(*приподнимаясь на нарахъ*).

Кто это билъ меня вчера?

БУБНОВЪ.

А тебѣ не все равно?..

САТИНЪ.

Положимъ такъ... А за что били?

м-мерзавцы...

АКТЕ

(*высовывая голо*

Однажды тебя совсѣмъ уб

САТИ І

А ты—болванъ.

АКТЕР

Почему?

САТИН

Потому что дважды убить

АКТЕРЪ

Не понимаю... почему—нел

КЛЕЩЪ

А ты слѣзай съ печи-то, да нѣжишься?

АКТЕРЪ

Это дѣло не твое...

КЛЕЩЪ

А вотъ Василиса придетъ—дѣло...

АКТЕРЪ

Къ чорту Василису! Сегодн

рятьс

БАРОНЪ.

Ну, чортъ съ тобой! Настенька подмететъ... Эй, ты, роковая любовь! Очнись! (*Отнимаетъ книгу у Насти*).

НАСТЯ (*вставая*).

Что тебѣ нужно? Дай сюда! Озорникъ! А еще—барипъ...

БАРОНЪ (*отдавая книгу*).

Настя! Подмети полъ за меня—ладно?

НАСТЯ (*уходя въ кухню*).

Очень нужно... какъ-же!

КВАШНЯ

(*въ двери изъ кухни—Барону*).

А ты—иди! Уберутся безъ тебя... Актеръ! тебя просятъ,—ты и сдѣлай... не переломишься, чай!

АКТЕРЪ.

Ну... всегда я... не понимаю...

БАРОНЪ

(*выноситъ изъ кухни на коромыслѣ корзины. Въ нихъ корчаги, покрытыя тряпками*).

Сегодня что-то тяжело...

САТИНЪ.

Стоило тебѣ родиться баропомъ...

КВАШНЯ (*Актеру*).

Ты смотри же, подмети!

(*Выходитъ въ сѣни, пропустивъ впередъ себя Барона*).

АКТЕРЪ (*слѣзая съ печи*).

Мнѣ вредно дышать пылью. (*Съ гордостью*). Мой организмъ отравленъ алкоголемъ... (*Задумывается, сидя на нарахъ*).

САТИНЪ.

Организмъ... органонъ...

АННА.

Андрей Митричъ...

КЛЕЩЪ.

Что еще?

КЛЕЩЪ.

Боишься? Не бойся... можетъ е

АННА.

Иди, кушай! Тяжело мнѣ... вид

КЛЕЩЪ (*от*

Ничего... можетъ—встанешь... б
кухню).

АКТЕРЪ

(*громко, какъ-бы вдругъ про*

Вчера, въ лечебницѣ, докторъ с
говоритъ, организмъ—совершенно
лемъ...

САТИНЪ (*уль*

Органонъ...

АКТЕРЪ (*нас*

Не органонъ, а ор-га-ни-змъ...

САТИНЪ.

Сикамбръ...

АКТЕРЪ

САТИНЪ.

Слова... А то еще есть—транс-сцедентальный...

БУБНОВЪ.

Это что?

САТИНЪ.

Не знаю... забылъ...

БУБНОВЪ.

А къ чему говоришь?

САТИНЪ.

Такъ... Надоѣли мнѣ, братъ, всѣ человѣческія слова... всѣ наши слова—надоѣли! Каждое изъ нихъ слышалъ я... навѣрное, тысячу разъ...

АКТЕРЪ.

Въ драмѣ „Гамлетъ“ говорится: „Слова, слова, слова!“ Хорошая вещь... Я игралъ въ ней могильщика...

КЛЕЩЪ (*выходя изъ кухни*).

Ты съ метлой играть скоро будешь?

АКТЕРЪ.

Не твое дѣло... (*Ударяетъ себя въ грудь рукой*). Офелія! О, помяни меня въ твоихъ молитвахъ!..

(*За сценой, гдѣ-то далеко,—глухой шумъ, крики, свистокъ полицейскаго. Клещъ садится за работу и скрипитъ подпилкомъ*).

САТИНЪ.

Люблю непонятныя, рѣдкія слова... Когда я былъ мальчишкой... служилъ на телеграфѣ... я много читалъ книгъ...

БУБНОВЪ.

А ты былъ и телеграфистомъ?

САТИНЪ.

Былъ... Есть очень хорошія книги... и множество любопытныхъ словъ... Я былъ образованнымъ человѣкомъ... знаешь?

БУБНОВЪ.

Слыхалъ... сто разъ! Ну и былъ... эка важность!.. Я

Ну, и что-же?

БУБНОВЪ.

И больше ничего...

САТИНЪ.

Ты это къ чему?

БУБНОВЪ.

Такъ... для соображенія... Выходит себя ни раскрашивай, все сотрется...

САТИНЪ.

А... кости у меня болятъ!

АКТЕРЪ

(*сидитъ, обнявъ руками кол*

Образованіе—чепуха, главное—тал тиста... онъ читалъ роли по складамъ героевъ такъ, что... театръ трещалъ и сторга публики...

САТИНЪ.

Бубновъ, дай пятачекъ!

БУБНОВЪ.

У меня всего двѣ копѣйки...

САТИНЪ.

Чего ты ругаешься? Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша, я знаю...

АННА.

Андрей Митричъ... Душно мнѣ... трудно...

КЛЕЩЪ.

Что-же я сдѣлаю?

БУБНОВЪ.

Дверь въ сѣни отвори...

КЛЕЩЪ.

Ладно! Ты сидишь на нарахъ, а я—на полу... пусти меня на свое мѣсто, да и отворяй... а я и безъ того простуженъ...

БУБНОВЪ (*спокойно*).

Мнѣ отворять не надо... твоя жена проситъ...

КЛЕЩЪ (*угрюмо*).

Мало-ли кто чего попросилъ-бы...

САТИНЪ.

Гудитъ у меня голова... эхъ! И зачѣмъ люди бьютъ другъ друга по башкамъ?

БУБНОВЪ.

Они не только по башкамъ, а и по всему прочему тѣлу. (*Встаетъ*). Пойти, цитокъ купить... А хозяевъ нашихъ чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (*Уходитъ*).

(*Анна кашляетъ. Сатинъ, закинувъ руки подъ голову, лежитъ неподвижно*).

АКТЕРЪ

(*тоскливо осмотрѣвшись вокругъ, подходитъ къ Аннѣ*).

Что? Плохо?

АННА.

Душно.

АКТЕРЪ.

Хочешь—въ сѣни выведу? Ну, вставай. (*Помогаетъ*

АКТЕРЪ.

А ты—посторонись... видишь,

КОСТЫЛЕВЪ

Проходи, изволь... (*Напѣвая п*
ственное, подозрительно осматриваетъ
голову налѣво, какъ-бы прислушиваясь
нать Пепла. Клещъ ожесточенно зѣ
пить подпилкомъ, исподлобья слѣдя
шишь?

КЛЕЩЪ.

Чего?

КОСТЫЛЕВЪ.

Скрипишь, говорю? (*Пауза*). А-а
я хотѣлъ спросить? (*Быстро и негр*
здѣсь?

КЛЕЩЪ.

Не видалъ...

КОСТЫЛЕВЪ

(*осторожно подвигаясь къ двери въ*
Сколько ты у меня за два-то р
ста занимаешь! Кровать... самъ сид
цѣлковыхъ мѣста, ей-Богу! Надо с
тебя полтинникъ...

я на тебя полтинку накину,—маслица въ лампаду куплю... и будетъ передъ святой иконой жертва моя горѣть... И за меня жертва пойдетъ, въ воздаяніе грѣховъ моихъ, и за тебя тоже. Вѣдь самъ ты о грѣхахъ своихъ не думаешь... ну вотъ... Эхъ, Андрюшка, злой ты человѣкъ! Жена твоя зачахла отъ твоего злодѣйства... никто тебя не любитъ, не уважаетъ... работа твоя скрипучая, безпокойная для всѣхъ...

КЛЕЩЪ (*кричитъ*).

Ты что меня... травить пришелъ?

(*Сатинъ громко рычитъ*).

КОСТЫЛЕВЪ (*вздрогнувъ*).

Экъ ты, батюшка...

АКТЕРЪ (*входитъ*).

Усадилъ бабу въ сѣняхъ, закуталъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Экой ты добрый, братъ! Хорошо это... это зачтется все тебѣ...

АКТЕРЪ.

Когда?

КОСТЫЛЕВЪ.

На томъ свѣтѣ, братикъ... тамъ все, всякое дѣяніе наше усчитываютъ...

АКТЕРЪ.

А ты бы вотъ здѣсь наградилъ меня за доброту...

КОСТЫЛЕВЪ.

Это какъ-же я могу?

АКТЕРЪ.

Скости половину долга...

КОСТЫЛЕВЪ.

Хе-хе! Ты все шутишь, милачокъ, все играешь... Развѣ доброту сердца съ деньгами можно равнять? Доброта—она превыше всѣхъ благъ. А долгъ твой мнѣ—это такъ и есть долгъ! Значитъ, долженъ ты его мнѣ

возмѣстить... Доброта твоя мнѣ, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

АКТЕРЪ.

Шельма ты, старецъ... (*Уходитъ въ кухню*).

(*Клещъ встаетъ и уходитъ въ сѣни*).

КОСТЫЛЕВЪ (*Сатину*).

Скрипунъ-то? Убѣжалъ, хе-хе! Не любитъ онъ меня...

САТИНЪ.

Кто тебя—кромѣ чорта—любитъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*посмѣиваясь*).

Экой ты ругатель! А я васъ всѣхъ люблю... я понимаю, братія вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (*Вдругъ, быстро.*) А... Васька—дома?

САТИНЪ.

Погляди...

КОСТЫЛЕВЪ

(*подходитъ къ двери и стучитъ*).

Вася!

(*Актеръ появляется въ двери изъ кухни. Онъ что-то жуетъ*).

ПЕПЕЛЪ.

Кто это?

КОСТЫЛЕВЪ.

Это я... я, Вася.

ПЕПЕЛЪ.

Что надо?

КОСТЫЛЕВЪ (*отодвигаясь*).

Отвори...

САТИНЪ (*не глядя на Костылева*).

Онъ отворитъ, а она—тамъ...

(*Актеръ фыркаетъ*).

КОСТЫЛЕВЪ (*безпокойно, негромко*).

А? Кто тамъ? Ты... что?

САТИНЪ.

Чего? Ты—мнѣ говоришь?

КОСТЫЛЕВЪ.

Ты что сказалъ?

САТИНЪ.

Это я такъ... про себя...

КОСТЫЛЕВЪ.

Смотри, братъ! Шути въ мѣру... да! (*Сильно стучитъ въ дверь*). Василій...

ПЕПЕЛЪ (*отворяя дверь*).

Ну? Чего безпокоишь?

КОСТЫЛЕВЪ

(*заглядывая въ комнату*).

Я... видишь—ты...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги принесъ?

КОСТЫЛЕВЪ.

Дѣло у меня къ тебѣ...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги—принесъ?

КОСТЫЛЕВЪ.

Какія? Погоди...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги, семь рублей, за часы—ну?

КОСТЫЛЕВЪ.

Какіе часы, Вася?.. Ахъ, ты...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, ты гляди! Вчера, при свидѣтеляхъ, я тебѣ продалъ часы за десять рублей... три — получилъ, семь—подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тутъ, безпокоитъ людей... а дѣла своего не знаетъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы,—они...

САТИНЪ.

Краденые...

КОСТЫЛЕВЪ (*строго*).

Я краденаго не принимаю... какъ ты можешь...

ПЕПЕЛЪ (*беретъ его за плечо*).

Ты—зачѣмъ меня встревожилъ? Чего тебѣ надо?

КОСТЫЛЕВЪ.

Да... мнѣ—ничего... я уйду... если ты такой...

ПЕПЕЛЪ.

Ступай, принеси деньги!

КОСТЫЛЕВЪ (*уходитъ*).

Экіе грубые люди! Ай-яй...

АКТЕРЪ.

Комедія!

САТИНЪ.

Хорошо! Это я люблю...

ПЕПЕЛЪ.

Чего онъ тутъ?

САТИНЪ (*смѣясь*).

Не понимаешь? Жену ищетъ... и чего ты не пришибешь его, Василій!?

ПЕПЕЛЪ.

Стану я изъ-за такой дряни жизнь себѣ портить...

САТИНЪ.

А ты—умненько. Потомъ—женись на Василисѣ... хозяиномъ нашимъ будешь...

ПЕПЕЛЪ.

Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по добротѣ моей, въ кабакѣ пропьете... (*Садится на нары*). Старый чортъ... разбудилъ... А я—сонъ хорошій видѣлъ: будто ловлю я рыбу, и попалъ мнѣ—огромаднѣйшій лещъ! Такой лещъ, — только во снѣ эдакіе и бываютъ... И вотъ я его вожу на удочкѣ и боюсь,—леса оборвется! И приготовилъ сачокъ... вотъ, думаю, сейчасъ...

САТИНЪ.

Это не лещъ, а Василиса была...

АКТЕРЪ.

Василису онъ давно поймалъ...

ПЕПЕЛЪ (*сердито*).

Подите вы къ чертямъ... да и съ ней вмѣстѣ!

КЛЕЩЪ (*входитъ изъ сѣней*).

Холодище... собачій...

АКТЕРЪ.

Ты что-же Анну не привелъ? Замерзнетъ...

КЛЕЩЪ.

Ее Наташка въ кухню увела къ себѣ...

АКТЕРЪ.

Старикъ—выгонитъ...

КЛЕЩЪ (*садясь работать*).

Ну... Наташка приведетъ...

САТИНЪ.

Василій! Дай пятакъ...

АКТЕРЪ (*Сатину*).

Эхъ ты... пятакъ! Вася! Дай намъ двугривенный...

ПЕПЕЛЪ.

Надо скорѣе дать... пока рубля не просите... на!

САТИНЪ.

Гиблартарръ! Нѣтъ на свѣтѣ людей лучше воровъ!

КЛЕЩЪ (*угрюмо*).

Имъ легко деньги достаются... Они—не работаютъ...

САТИНЪ.

Многимъ деньги легко достаются, да не многіе легко съ ними разстаются... Работа? Сдѣлай такъ, чтобъ работа была мнѣ пріятна; я, можетъ быть, буду работать... да! Можетъ быть! Когда трудъ — удовольствіе, жизнь—хороша! Когда трудъ — обязанность, жизнь — рабство! (*Актеру*). Ты, Сарданапалъ! Идемъ...

АКТЕРЪ.

Идемъ, Навухудоносоръ! Напьюсь — какъ... сорокъ тысячъ пьяницъ... (*Уходятъ*).

ПЕПЕЛЪ (*зѣвая*).

Что, какъ жена твоя?

КЛЕЩЪ.

Видно скоро ужъ... (*Пауза*).

ПЕПЕЛЪ.

Смотрю я на тебя,—зря ты скрипишь.

КЛЕЩЪ.

А что дѣлать?

ПЕПЕЛЪ.

Ничего...

КЛЕЩЪ.

А какъ ѣсть буду?

ПЕПЕЛЪ.

Живутъ-же люди...

КЛЕЩЪ.

Эти? Какіе они люди? Рвань, золотая рота... люди! я—рабочій человѣкъ... мнѣ глядѣть на нихъ стыдно... я съ малыхъ лѣтъ работаю... Ты думаешь, я не вырвусь отсюда? Вылѣзу... кожу сдеру, а вылѣзу... Вотъ, погоди... умретъ жена... Я здѣсь полгода прожилъ... а все равно, какъ шесть лѣтъ...

ПЕПЕЛЪ.

Никто здѣсь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

КЛЕЩЪ.

Не хуже! Живутъ безъ чести, безъ совѣсти...

ПЕПЕЛЪ (*равнодушно*).

А куда онѣ—честь, совѣсть? На ноги, вмѣсто сапоговъ, не надѣнешь ни чести, ни совѣсти... Честь-совѣсть тѣмъ нужна, у кого власть да сила есть...

БУБНОВЪ (*входитъ*).

У-у... озябъ!

ПЕПЕЛЪ.

Бубновъ! У тебя совѣсть есть?

БУБНОВЪ.

Чего-о? Совѣсть?

ПЕПЕЛЪ.

Ну да!

БУБНОВЪ.

На что совѣсть? Я—не богатый...

ПЕПЕЛЪ.

Вотъ и я тоже говорю: честь-совѣсть богатымъ нужна, да! А Клещъ ругаетъ насъ: нѣтъ, говоритъ, у насъ совѣсти...

БУБНОВЪ.

А онъ что—занять хотѣлъ?

ПЕПЕЛЪ.

У него своей много...

БУБНОВЪ.

Значитъ, продаешь? Ну, здѣсь этого никто не купитъ. Вотъ картенки ломаныя я-бы купилъ... да и то въ долгъ...

ПЕПЕЛЪ (*поучительно*).

Дуракъ ты, Андрюшка! Ты-бы, на счетъ совѣсти, Сатина послушалъ... а то—Барона...

КЛЕЩЪ.

Не о чемъ мнѣ съ ними говорить...

ПЕПЕЛЪ.

Они—поумнѣе тебя будутъ... хоть и пьяницы...

БУБНОВЪ.

А кто пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ...

ПЕПЕЛЪ.

Сатинъ говоритъ: всякій человѣкъ хочетъ, чтобы сосѣдъ его совѣсть имѣлъ, да никому, видишь, невыгодно имѣть-то ее... И это—вѣрно...

(*Наташа входитъ. За нею — Лука съ палкой въ рукѣ, съ котомкой за плечами, котелкомъ и чайникомъ у пояса*).

ЛУКА.

Добраго здоровья, народъ честной!

ПЕПЕЛЪ (*приглаживая усы*).

А-а, Наташа!

БУБНОВЪ (*Лукѣ*).

Былъ честной, да позапрошлой весной...

НАТАША.

Вотъ—новый постоялецъ...

ЛУКА.

Мнѣ—все равно!—Я и жуликовъ уважаю, по-моему, ни одна блоха—не плоха: всѣ—черненькія, всѣ—прыгаютъ... такъ-то. Гдѣ тутъ, милая, приспособиться мнѣ?

НАТАША

(*указывая на дверь въ кухню*).

Туда иди, дѣдушка...

ЛУКА.

Спасибо, дѣвушка! Туда, такъ туда... Старику—гдѣ тепло, тамъ и родина...

ПЕПЕЛЪ.

Какого занятнаго старичишку-то привели вы, Наташа...

НАТАША.

Поинтереснѣе васъ... Андрей! Жена твоя въ кухнѣ у насъ... ты, погодя, приди за ней.

КЛЕЩЪ.

Ладно... приду...

НАТАША.

Ты бы, чай, теперь поласковѣе съ ней обращался... вѣдь ужъ не долго...

КЛЕЩЪ.

Знаю...

НАТАША.

Знаешь... Мало знать, ты—понимай. Вѣдь умирать-то страшно...

ПЕПЕЛЪ.

А я вотъ—не боюсь...

НАТАША.

Какъ же!.. Храбрость...

БУБНОВЪ (*свистнувъ*).

А нитки-то гнилыя...

ПЕПЕЛЪ.

Право, не боюсь! Хоть сейчасъ—смерть приму! Возь-

мите вы ножъ, ударьте противъ сердца... умру—не охну! Даже—съ радостью, потому что—отъ чистой руки...

НАТАША (*уходитъ*).

Ну, вы другимъ ужъ зубы-то заговаривайте.

БУБНОВЪ (*протяжно*).

А ниточки-то гнилыя...

НАТАША (*у двери въ сѣни*).

Не забудь, Андрей, про жену...

КЛЕЩЪ.

Ладно...

ПЕПЕЛЪ.

Славная дѣвка!

БУБНОВЪ.

Дѣвица—ничего...

ПЕПЕЛЪ.

Чего она со мной... такъ? Отвергаетъ... Все равно вѣдь—пропадетъ здѣсь...

БУБНОВЪ.

Черезъ тебя пропадетъ...

ПЕПЕЛЪ.

Зачѣмъ—черезъ меня? Я ее—жалѣю...

БУБНОВЪ.

Какъ волкъ овцу...

ПЕПЕЛЪ.

Врешь ты! Я очень... жалѣю ее... Плохо ей тутъ жить... я вижу...

КЛЕЩЪ.

Погоди, вотъ Василиса увидитъ тебя въ разговорѣ съ ней.

БУБНОВЪ.

Василиса? Н-да, она своего даромъ не отдаетъ... баба—лютая...

ПЕПЕЛЪ (*ложится на нары*).

Подите вы къ чертямъ оба... пророки!

КЛЕЩЪ.

Увидишь... погоди!..

ЛУКА (*въ кухнѣ, напѣваетъ*).

Средь но-очи... пу-уть-дорогу не-е видать...

КЛЕЩЪ (*уходя въ сѣни*).

Ишь, воетъ... тоже...

ПЕПЕЛЪ.

А скушно... чего это скушно мнѣ бываетъ? Живешь-живешь, все хорошо! И вдругъ—точно озябнешь: сдѣлается скушно...

БУБНОВЪ.

Скушно? М-м...

ПЕПЕЛЪ.

Ей-ей!

ЛУКА (*поетъ*).

Эхъ, и не вида-ать пути-и...

ПЕПЕЛЪ.

Старикъ! Эй!

ЛУКА (*выглядывая изъ двери*).

Это я?

ПЕПЕЛЪ.

Ты. Не пой.

ЛУКА (*выходитъ*).

Не любишь?

ПЕПЕЛЪ.

Когда хорошо поютъ, люблю...

ЛУКА.

А я, значитъ, не хорошо?

ПЕПЕЛЪ.

Сталобыть...

ЛУКА.

Ишь ты! А я думалъ, хорошо пою. Вотъ всегда такъ выходитъ: человѣкъ-то думаетъ про себя—хорошо я дѣлаю! Хвать, а люди не довольны...

ПЕПЕЛЪ (*смѣясь*).

Вотъ! Вѣрно...

БУБНОВЪ.

Говоришь скучно, а самъ хохочешь.

ПЕПЕЛЪ.

А тебѣ что? Воронъ...

ЛУКА.

Это кому—скушно?

ПЕПЕЛЪ.

Мнѣ, вотъ... (*Баронъ входитъ*).

ЛУКА.

Ишь ты! А тамъ, въ кухнѣ, дѣвица сидитъ, книгу читаетъ и плачетъ! Право! Слезы текутъ... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она—жалко! Кого, говорю, жалко? А вотъ, говоритъ, въ книжкѣ... Вотъ чѣмъ человѣкъ занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

БАРОНЪ.

Это—дура...

ПЕПЕЛЪ.

Баронъ! Чай пилъ?

БАРОНЪ.

Пилъ... дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Хочешь—полбутылки поставлю?

БАРОНЪ.

Разумѣется... дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Становись на четвереньки, лай собакой!

БАРОНЪ.

Дуракъ! Ты что—купецъ? Или—пьянъ?

ПЕПЕЛЪ.

Ну, полай! Мнѣ забавно будетъ... Ты баринъ... было у тебя время, когда ты нашего брата за человѣка не считалъ... и все такое...

БАРОНЪ.

Ну, дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Чего-же? А теперь вотъ я тебя заставлю лаять собакой, ты и будешь... вѣдь будешь?

БАРОНЪ.

Ну, буду! Болванъ! Какое тебѣ отъ этого можетъ быть удовольствіе, если я самъ знаю, что сталъ чуть-ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлялъ на четверенькахъ ходить, когда я былъ не ровня тебѣ...

БУБНОВЪ.

Вѣрно!

ЛУКА.

И я скажу—хорошо!..

БУБНОВЪ.

Что было—было, а остались—одни пустяки... Здѣсь господъ нѣту... все слиняло, одинъ голый человѣкъ остался...

ЛУКА.

Всѣ, значитъ, равны... А ты, милый, барономъ былъ?

БАРОНЪ.

Это что еще? Ты кто, кикимора?

ЛУКА (*смѣется*).

Графа видалъ я и князя видалъ... а барона—первый разъ встрѣчаю, да и то испорченнаго...

ПЕПЕЛЪ (*хохочетъ*).

Баронъ! А ты меня сконфузилъ...

БАРОНЪ.

Пора быть умнѣе, Василій.

ЛУКА.

Эхе-хе! Погляжу я на васъ, братцы,—житье ваше—о-ой!..

БУБНОВЪ.

Такое житье, что какъ поутру всталъ, такъ и за вытье...

БАРОНЪ.

Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утромъ и, лежа въ постели, кофе пью... кофе!—со сливками... да!

ЛУКА.

А все—люди! Какъ ни притворяйся, какъ ни вихляйся, а человѣкомъ родился, человѣкомъ и помрешь... И все, гляжу я, умнѣе люди становятся, все занятнѣе... и хоть живутъ все хуже, а хотятъ все лучше... упрямые!

БАРОНЪ.

Ты, старикъ, кто такой?.. Откуда ты явился?

ЛУКА.

Я-то?

БАРОНЪ.

Странникъ?

ЛУКА.

Всѣ мы на землѣ странники... Говорятъ, слыхалъ я, что и земля-то наша въ небѣ странница.

БАРОНЪ (*строго*).

Это такъ, ну, а—паспортъ имѣешь?

ЛУКА (*не сразу*).

А ты кто,—сыщикъ?

ПЕПЕЛЪ (*радостно*).

Ловко, старикъ! Что, Бароша, и тебѣ попало?

БУБНОВЪ.

Н-да, получилъ баринъ...

БАРОНЪ (*сконфуженный*).

Ну, чего тамъ? Я вѣдь... шучу, старикъ! У меня, братъ, у самого бумагъ нѣтъ...

БУБНОВЪ.

Врешь!

БАРОНЪ.

То есть... я имѣю бумаги... но—онѣ никуда не годятся...

ЛУКА.

Онѣ, бумажки-то, всѣ такія... всѣ никуда не годятся.

ПЕПЕЛЪ.

Баронъ! Идемъ въ трактиръ...

БАРОНЪ.

Готовъ! Ну, прощай, старикъ... шельма ты!

ЛУКА.

Всяко бываетъ, милый...

ПЕПЕЛЪ (*у двери въ сѣни*).

Ну, идемъ, что-ли! (*Уходитъ. Баронъ быстро идетъ за нимъ*).

ЛУКА.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ-то барономъ былъ?

БУБНОВЪ.

Кто его знаетъ? Баринъ, это вѣрно... Онъ и теперь: нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и покажетъ барина изъ себя. Не отвыкъ, видно, еще.

ЛУКА.

Оно, пожалуй, барство-то какъ оспа... и выздоровѣетъ человѣкъ, а знаки-то остаются...

БУБНОВЪ.

Онъ ничего, все-таки... Только такъ иногда брыкнется... вродѣ какъ на счетъ твоего паспорта...

АЛЕШКА

(*входитъ выпивши, съ гармоніей въ рукахъ. Свиститъ*).

Эй, жители!

БУБНОВЪ.

Чего орешь?

АЛЕШКА.

Извините... простите! Я человѣкъ вѣжливый...

БУБНОВЪ.

Опять загулялъ?

АЛЕШКА.

Сколько угодно! Сейчасъ изъ участка помощникъ пристава Мѣдякинъ выгналъ и говоритъ: чтобы, говоритъ, на улицѣ тобой и не пахло... ни-ни! Я—человѣкъ съ характеромъ... А хозяинъ на меня фыркаетъ... А что такое—

хозяинъ? Ф-фе! Недоразумѣніе одно... Пьяница онъ, хозяинъ-то... А я такой человѣкъ, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и—шабашъ! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я—ничего не хочу. (*Настя выходитъ изъ кухни*). Давай мнѣ милліонъ—н-не хочу! И чтобы мной, хорошимъ человѣкомъ, командовалъ товарищъ мой... пьяница, не желаю! Не хочу!

(*Настя, стоя у двери, качаетъ головой, глядя на Алешку*).

ЛУКА (*добродушно*).

Эхъ, парень, запутался ты...

БУБНОВЪ.

Дурость человѣческая...

АЛЕШКА (*ложится на полъ*).

На, ѣшь меня! А я—ничего не хочу. Я—отчаянный человѣкъ! Объясните мнѣ, кого я хуже? Почему я хуже прочихъ? Вотъ! Мѣдякинъ говоритъ: на улицу не ходи, морду побью! А я—пойду... пойду лягу середь улицы—дави меня! Я—ничего не желаю!

НАСТЯ.

Несчастный!.. молоденькій еще, а ужъ... такъ ломается...

АЛЕШКА

(*увидавъ ее, встаетъ на колѣни*).

Барышня! Мамзель! Парле франсе... прейсъ-курантъ! Загулялъ я...

НАСТЯ (*громко шепчетъ*).

Василиса!

ВАСИЛИСА

(*быстро отворяя дверь, Алешкѣ*).

Ты опять здѣсь?

АЛЕШКА.

Здравствуйте... пожалуйте...

ВАСИЛИСА.

Я тебѣ, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здѣсь... а ты опять пришелъ?

... нельзя. Похор
выучилъ! Свѣжая музыка... по

ВАСИЛИС

Я тебѣ покажу—нельзя... я
тебя... язычникъ ты проклятый.
меня...

АЛЕШКА

Ну, я уйду...

ВАСИЛИС

Чтобы ноги его здѣсь не бы.

БУБНОВЪ

Я тутъ не сторожъ тебѣ...

ВАСИЛИС

А мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты таковъ
не забудь! Сколько долженъ мнѣ

БУБНОВЪ

Не считалъ...

ВАСИЛИС

Смотри, я посчитаю!

АЛЕШКА

ВАСИЛИСА.

Ночуешь или жить?

ЛУКА.

Погляжу тамъ...

ВАСИЛИСА.

Пачпортъ!

ЛУКА.

Можно...

ВАСИЛИСА.

Давай!

ЛУКА.

Я тебѣ принесу... на квартиру тебѣ приволоку его...

ВАСИЛИСА.

Прохожій... тоже! Говорилъ-бы, проходимецъ... все ближе къ правдѣ-то...

ЛУКА (*вздохнувъ*).

Ахъ, и не ласкова ты, мать...

(*Василиса идетъ къ двери въ комнату Пепла. Алешка, выглядывая изъ кухни, шепчетъ:* „Ушла? а?“).

ВАСИЛИСА

(*оборачивается къ нему*).

Ты еще здѣсь?

(*Алешка, скрываясь, свиститъ. Настя и Лука смѣются*).

БУБНОВЪ (*Василисѣ*).

Нѣтъ его...

ВАСИЛИСА.

Кого?

БУБНОВЪ.

Васьки...

ВАСИЛИСА.

Я тебя спрашивала про него?

БУБНОВЪ.

Вижу я... заглядываешь ты вездѣ...

ВАСИЛИСА.

Я за порядкомъ гляжу, понялъ? Это почему у васъ

до сей поры не метено? Я сколько разъ приказывала, чтобы чисто было?

БУБНОВЪ.

Актеру мести...

ВАСИЛИСА.

Мнѣ дѣла нѣтъ, кому! А вотъ если санитары придутъ да штрафъ наложатъ, я тогда... всѣхъ васъ—вонъ!

БУБНОВЪ (*спокойно*).

А чѣмъ жить будешь?

ВАСИЛИСА.

Чтобы сориики не было! (*Идетъ въ кухню. Настя*). Ты чего тутъ торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнемъ? Мети полъ! Наталью... видѣла? Была она тутъ?

НАСТЯ.

Не знаю... не видѣла...

ВАСИЛИСА.

Бубновъ! Сестра была здѣсь?

БУБНОВЪ.

А... вотъ его привела она...

ВАСИЛИСА.

Этотъ... дома былъ?

БУБНОВЪ.

Василій? Былъ... Съ Клещомъ она тутъ говорила, Наталья-то...

ВАСИЛИСА.

Я тебя не спрашиваю, съ кѣмъ! Грязь вездѣ... грязища! Эхъ, вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! (*Быстро уходитъ*).

БУБНОВЪ.

Сколько въ ней звѣрства, въ бабѣ этой!

ЛУКА!

Сурьезная бабочка...

НАСТЯ.

Озвѣрѣешь въ такой жизни... Привяжи всякаго живого человѣка къ такому мужу, какъ ея...

БУБНОВЪ.

Ну, она не очень крѣпко привязана...

ЛУКА.

Всегда она такъ... разрывается?

БУБНОВЪ.

Всегда... Къ любовнику, видишь, пришла, а его нѣтъ...

ЛУКА.

Обидно, значитъ, стало. Охо-хо! Сколько это разнаго народа на землѣ распоряжается... и всякими страхами другъ дружку стращаетъ, а все порядка нѣтъ въ жизни... и чистоты нѣтъ...,

БУБНОВЪ.

Всѣ хотятъ порядка, да разума не хватка. Однако-же надо подмести... Настя!... ты-бы занялась.

НАСТЯ.

Ну да, какъ-же! Горничная я вамъ тутъ... (*Помолчавъ*). Напьюсь вотъ я сегодня... такъ напьюсь!

БУБНОВЪ.

И то—дѣло...

ЛУКА.

Съ чего-же это ты, дѣвица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вотъ говоришь, напьюсь!

НАСТЯ (*вызывающе*).

А напьюсь, опять плакать буду... вотъ и все!

БУБНОВЪ.

Не много...

ЛУКА.

Да отъ какой причины, скажи? Вѣдь такъ, безъ причины, и прыщъ не вскочитъ...

(*Настя молчитъ, качая головой*).

ЛУКА.

Такъ... Эхе-хе... господа люди! И что съ вами будетъ?... Ну-ка хоть я помету здѣсь. Гдѣ у васъ метла?

БУБНОВЪ.

За дверью, въ сѣняхъ...

(*Лука идетъ въ сѣни*).

БУБНОВЪ.

Настенька!

НАСТЯ.

А?

БУБНОВЪ.

Чего Василиса на Алешку бросилась?

НАСТЯ.

Онъ про нее говорилъ, что надоѣла она Васькѣ и что Васька бросить ее хочетъ... а Наташу взять себѣ... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

БУБНОВЪ.

Чего? Куда?

НАСТЯ.

Надоѣло мнѣ... Лишняя я здѣсь...

БУБНОВЪ (*спокойно*).

Ты вездѣ лишняя... да и всѣ люди на землѣ—лишніе...

(*Настя качаетъ головой. Встаетъ, тихо уходитъ въ сѣни. Медвѣдевъ входитъ. За нимъ Лука съ метлой*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Какъ будто я тебя не знаю...

ЛУКА.

А остальныхъ людей—всѣхъ знаешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Въ своемъ участкѣ я долженъ всѣхъ знать... а тебя вотъ—не знаю...

ЛУКА.

Это оттого, дядя, что зёмля-то не вся въ твоемъ участкѣ помѣстилась... осталось маленько и опричь его...

(*Уходитъ въ кухню*).

МЕДВѢДЕВЪ (*подходя къ Бубнову*).

Правильно, участокъ у меня не великъ... хоть хуже

всякаго большого... Сейчасъ, передъ тѣмъ какъ съ дежурства смѣниться, сапожника Алешку въ часть отвезъ... Легъ, понимаешь, среди улицы, играетъ на гармоніи и оретъ: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тутъ ѣздятъ и вообще—движеніе... могутъ раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчасъ я его и... представилъ. Очень любитъ безпорядокъ...

БУБНОВЪ.

Вечеромъ въ шашки играть придешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Приду. М-да... А что... Васька?

БУБНОВЪ.

Ничего... все такъ-же...

МЕДВѢДЕВЪ.

Значитъ... живетъ?

БУБНОВЪ.

Что ему не жить? Ему можно жить...

МЕДВѢДЕВЪ (*сомнѣваясь*).

Можно? (*Лука выходитъ въ сѣни съ ведромъ въ рукѣ*). М-да... тутъ—разговоръ идетъ... насчетъ Васьки... ты не слыхалъ?

БУБНОВЪ.

Я разные разговоры слышу...

МЕДВѢДЕВЪ.

Насчетъ Василисы, будто... не замѣчалъ?

БУБНОВЪ.

Чего?

МЕДВѢДЕВЪ.

Такъ... вообще... Ты, можетъ, знаешь, да врешь? Вѣдь всѣ знаютъ... (*Строго*). Врать нельзя, братъ...

БУБНОВЪ.

Зачѣмъ мнѣ врать!

МЕДВѢДЕВЪ.

То-то!... Ахъ, псы! Разговариваютъ: Васька съ Васили-

сой... дескать... а мнѣ что? Я ей не отецъ, я—дядя... За чѣмъ надо мной смѣяться... (*Входитъ Квашня*). Какой народъ сталъ... надо всѣмъ смѣется... А-а! Ты... пришла...

КВАШНЯ.

Разлюбезный мой гарнизонъ! Бубновъ! Онъ опять на базарѣ приставалъ ко мнѣ, чтобы вѣнчаться...

БУБНОВЪ.

Валяй... чего-же? У него деньги есть и кавалеръ онъ еще крѣпкій...

МЕДВѢДЕВЪ.

Я-то? Хо-хо!

КВАШНЯ.

Ахъ ты, сѣрый! Нѣтъ, ты меня за это мое, за больное мѣсто не тронь! Это, миленькій, со мной было... замужъ бабѣ выйти—все равно, какъ зимой въ прорубь прыгнуть: одинъ разъ сдѣлала,—на всю жизнь памятно...

МЕДВѢДЕВЪ.

Ты—погоди... мужья—они разные бываютъ.

КВАШНЯ.

Да я-то все одинакова! Какъ издохъ мой милый муженекъ,—ни дна бы ему ни покрышки,—такъ я цѣлый день отъ радости одна просидѣла: сижу и все не вѣрю счастью своему...

МЕДВѢДЕВЪ.

Ежели тебя мужъ билъ... зря, надо было въ полицію жаловаться...

КВАШНЯ.

Я Богу жаловалась восемь лѣтъ,—не помогалъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Теперь запрещено женъ бить... теперь во всемъ—строгость и законъ—порядокъ! Никого нельзя зря бить... бьютъ—для порядку...

ЛУКА (*вводитъ Анну*).

Ну, вотъ и доползли... эхъ ты! И развѣ можно въ такомъ слабомъ составѣ одной ходить? Гдѣ твое мѣсто?

АННА (*указывая*).

Спасибо, дѣдушка...

КВАШНЯ.

Вотъ она—замужняя... глядите!

ЛУКА.

Бабочка совсѣмъ слабаго состава... Идетъ по сѣнямъ, цѣпляется за стѣнки и—стонаетъ... Пошто вы ее одну пущаете?

КВАШНЯ.

Не доглядѣли, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла...

ЛУКА.

Ты вотъ—смѣешься... а развѣ можно человѣка эдакъ бросать? Онъ—каковъ ни есть—а всегда своей цѣны стоитъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Надзоръ нуженъ! Вдругъ—умретъ? Канитель будетъ изъ этого... Слѣдить надо!

ЛУКА.

Вѣрно, господинъ ундеръ...

МЕДВѢДЕВЪ.

М-да... хоть я... еще не совсѣмъ ундеръ...

ЛУКА.

Н-ну? А видимость—самая геройская!

(*Въ сѣняхъ шумъ и топотъ. Доносятся глухіе крики*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Никакъ—скандалъ?

БУБНОВЪ.

Похоже...

КВАШНЯ.

Пойти, поглядѣть...

МЕДВѢДЕВЪ.

И мнѣ надо идти... Эхъ, служба! И зачѣмъ разнимаютъ людей, когда они дерутся? Они и сами перестали-бы... вѣдь устаешь драться... Давать-бы имъ бить другъ друга

свободно, сколько каждому влѣзетъ... стали-бы меньше драться, потому побои-то помнили-бы дольше...

БУБНОВЪ (*слѣзая съ нары*).

Ты начальству поговори насчетъ этого...

КОСТЫЛЕВЪ

(*распахивая дверь, кричитъ*).

Абрамъ! Иди... Василиса Наташку... убиваетъ... иди! (*Квашня, Медвѣдевъ, Бубновъ бросаются въ сѣни. Лука, качая головой, смотритъ вслѣдъ имъ*).

АННА.

О, Господи... Наташенька бѣдная!

ЛУКА.

Кто дерется тамъ?

АННА.

Хозяйки... сестры...

ЛУКА (*подходя къ Аннѣ*).

Чего дѣлятъ?

АННА.

Такъ онѣ... сытыя обѣ... здоровыя...

ЛУКА.

Тебя какъ звать-то?

АННА.

Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похожъ моего... на батюшку... такой-же ласковый... мягкій...

ЛУКА.

Мяли много, оттого и мягокъ...

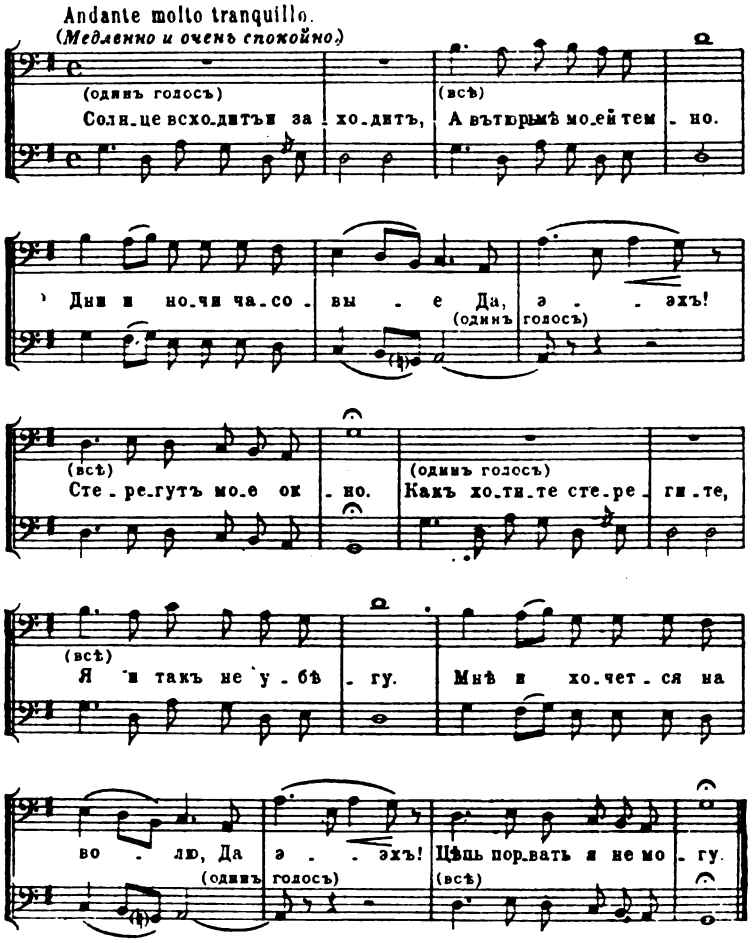
(*Смѣется дребезжащимъ смѣхомъ*).

Занавѣсъ.

На див.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Та же обстановка. Вечеръ. На нарахъ около печи Сатинъ, Баронъ, Кривой Зобъ и Татаринъ играютъ въ карты. Клещъ и Актеръ наблюдаютъ за игрой. Бубновъ на своихъ нарахъ играетъ въ шашки съ Медвѣдевымъ. Лука сидитъ на табуретѣ у постели Анны. Ночлежка освѣщена двумя лампами: одна виситъ на стѣнѣ около играющихъ въ карты, другая на нарахъ Бубнова.


Andante molto tranquillo.
(Медленно и очень спокойно.)
(одинъ голосъ)
Солн_це всхо_дитъ_за_хо_дитъ,
(всѣ)
А_вътюрьмѣ мо_ей тем_но.
Дни_и но_чи_ча_со_вы_е Да,
(одинъ голосъ)
э_эхъ!
(всѣ)
Сте_ре_гутъ мо_е ок_но.
(одинъ голосъ)
Какъ хо_ти_те сте_ре_ги_те,
(всѣ)
Я_и такъ не_у_бѣ_гу.
Мнѣ_и хо_чет_ся на
во_лю, Да
(одинъ голосъ)
э_эхъ!
Цѣпь пор_вать я не мо_гу.
(всѣ)

ТАТАРИНЪ.

Еще разъ играю,—больше не играю...

БУБНОВЪ.

Зобъ! Пой! (*Запьваетъ*).

Солнце всходитъ и заходитъ...

КРИВОЙ ЗОБЪ

(*подхватываетъ голосъ*).

А въ тюрьмѣ моей темно...

ТАТАРИНЪ (*Сатину*).

Мѣшай карта! Хорошо мѣшай! Знаемъ мы, какой-такой ты...

БУБНОВЪ И КРИВОЙ ЗОБЪ (*вмѣстѣ*).

Дни и почи часовые—э-эхъ!

Стерегутъ мое окно...

АННА.

Побои... обиды... ничего кромѣ—не видѣла я... ничего не видѣла!

ЛУКА.

Эхъ, бабочка! Не тоскуй!

МЕДВѢДЕВЪ.

Куда ходишь? Гляди!..

БУБНОВЪ.

А-а! Такъ, такъ, такъ...

ТАТАРИНЪ

(*грозя Сатину кулакомъ*).

Зачѣмъ карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Брось, Асапъ! Все равно они насъ объегорятъ... Бубновъ, заводи!

АННА.

Не помню, когда я сыта была... Надъ каждымъ кускомъ хлѣба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... какъ бы больше другого не съѣсть... Всю жизнь въ отрепьяхъ ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?

ЛУКА.

Эхъ ты, дѣтынька! Устала? Ничего!

АКТЕРЪ (*Кривому Зобу*).

Валетомъ ходи... валетомъ, чортъ!

БАРОНЪ.

А у насъ—король.

КЛЕЩЪ.

Они всегда побьютъ.

САТИНЪ.

Такая у насъ привычка...

МЕДВѢДЕВЪ.

Дамка!

БУБНОВЪ.

И у меня... н-ну...

АННА.

Помираю вотъ...

КЛЕЩЪ.

Ишь, ишь какъ! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

АКТЕРЪ.

Онъ безъ тебя не понимаетъ?

БАРОНЪ.

Гляди, Андрюшка, какъ бы я тебя не швырнулъ ко всѣмъ чертямъ!

ТАТАРИНЪ.

Сдавай еще разъ! Кувшинъ ходилъ за водой, разбивалъ себя... и я тоже!

КЛЕЩЪ

(*качая головой, отходитъ къ Бубнову*).

АННА.

Все думаю я: Господи! Неужто и на томъ свѣтѣ мука мнѣ назначена? Неужто и тамъ?

ЛУКА.

Ничего не будетъ! Лежи, знай! Ничего! Отдохнешь тамъ!.. Потерпи еще. Всѣ, милая, терпятъ.., всякъ по своему жизнь терпитъ. (*Встаетъ и уходитъ въ кухню быстрыми шагами*).

БУБНОВЪ (*запѣваетъ*).

Какъ хотите стерегите...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Я и такъ не убѣгу...

(*Въ два голоса*).

Мнѣ и хочется на волю... эхъ!
Цѣпь порвать я не могу.

ТАТАРИНЪ (*кричитъ*).

А! Карта рукавъ совалъ.

БАРОНЪ (*конфузясь*).

Ну... что-же мнѣ въ носъ твой сунуть?

АКТЕРЪ (*убѣдительно*).

Князь! Ты ошибся... никто, никогда...

ТАТАРИНЪ.

Я видѣлъ! Жуликъ! Не буду играть!

САТИНЪ (*собирая карты*).

Ты, Асанъ, отвяжись... Что мы жулики, тебѣ извѣстно. Стало быть, зачѣмъ игралъ?

БАРОНЪ.

Проигралъ два двугривенныхъ, а шумъ дѣлаешь на трешницу... еще князь!

ТАТАРИНЪ (*горячо*).

Надо играть честна!

САТИНЪ.

Это зачѣмъ-же?

не знаю. А ты знаешь?

(*Татаринъ плюетъ, озлобленны*

нимъ).

КРИВОЙ ЗО

Чудакъ ты, Асанъ! Ты — по

жить начать, они въ три дня с

ТАТАРИНЪ

А мнѣ какое дѣло! Надо чес

КРИВОЙ ЗО

Заладилъ! Идемъ чай пить л

И—эхъ вы цѣпи, мои

БУБНОВЪ.

Да вы желѣзны сторож

КРИВОЙ ЗОБ

Идемъ, Асанка! (*Уходитъ, нап*

Не порвать мнѣ, не ра

(*Татаринъ грозитъ Барону кулаком*

товарищемъ)

САТИНЪ (*I*

Вы, ваше вашество, опять торже

ованный недорѣ

БУБНОВЪ.

И одна—не бѣдна, коли умна... ходи

КЛЕЩЪ.

Проиграли вы, Абрамъ Иванычъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Это не твое дѣло... понялъ? И молчи...

САТИНЪ.

Выигрышъ—пятьдесятъ три копѣйки.

АКТЕРЪ.

Три копѣйки мнѣ... А, впрочемъ, зачѣмъ мнѣ нужно три копѣйки?

ЛУКА (*выходя изъ кухни*).

Ну, обыграли татарина. Водочку пить пойдете?

БАРОНЪ.

Идемъ съ нами!

САТИНЪ.

Посмотрѣлъ бы, каковъ ты есть пьяный?

ЛУКА.

Не лучше трезваго-то...

АКТЕРЪ.

Идемъ, старикъ... я тебѣ продекламирую куплеты...

ЛУКА.

Чего это?

АКТЕРЪ.

Стихи,—понимаешь?

ЛУКА.

Стихи-и! А на что они мнѣ, стихи-то!

АКТЕРЪ.

Это—смѣшно... А иногда грустно...

САТИНЪ.

Ну, куплетистъ, идешь? (*Уходитъ съ Барономъ*).

АКТЕРЪ.

Иду... я догоню! Вотъ, напримѣръ, старикъ, изъ

одного стихотворенія... начало я забылъ... забылъ! (*Потираетъ лобъ*).

БУБНОВЪ.

Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

МЕДВѢДЕВЪ.

Не туда я пошелъ... пострѣли ее!

АКТЕРЪ.

Раньше, когда мой организмъ не былъ отравленъ алкоголемъ, у меня, старикъ, была хорошая память... А теперь вотъ... кончено, братъ! Все кончено для меня. Я всегда читалъ это стихотвореніе съ большимъ успѣхомъ... громъ аплодисментовъ! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, братъ, какъ... водка!.. Бывало выйду, встану вотъ такъ... (*Становится въ позу*). Встану... и... (*молчитъ*). Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотвореніе... плохо это, старикъ?

ЛУКА.

Да ужъ чего хорошаго, коли любимое забылъ? Въ любимомъ вся душа.

АКТЕРЪ.

Пропилъ я душу, старикъ... я, братъ, погибъ... А почему погибъ? Вѣры у меня не было... Копченъ я...

ЛУКА.

Ну, чего? Ты... лечись! Отъ пьянства нынче лечатъ, слышь! Безплатно, братокъ, лечатъ... такая ужъ лечебница устроена для пьяницъ... чтобы, значитъ, даромъ ихъ лечить... Признали, видишь, что пьяница — тоже человѣкъ и даже рады, когда онъ лечиться желаетъ! Ну-ка, вотъ, валяй! Иди...

АКТЕРЪ (*задумчиво*).

Куда? Гдѣ это?

ЛУКА.

А это... въ одномъ городѣ... какъ его! Названіе у него эдакое... Да я тебѣ городъ назову!.. Ты только вотъ чего: ты пока готовься. Воздержись!... возьми себя

въ руки—и терпи... А потомъ—вылечишься... и начнешь жить снова... хорошо, братъ, снова-то? Ну, рѣшай... въ два пріема.

АКТЕРЪ (*улыбаясь*).

Снова!... сначала... Это хорошо... Н-да... Снова. (*Смѣется*). Ну... да! Я могу!? Вѣдь могу, а?

ЛУКА.

А чего? Человѣкъ—все можетъ... лишь бы захотѣлъ...

АКТЕРЪ

(*вдругъ какъ бы проснувшись*).

Ты чудакъ! Прощай пока! (*Свиститъ*). Старичокъ... прощай. (*Уходитъ*).

АННА.

Дѣдушка!

ЛУКА.

Что, матушка?

АННА.

Поговори со мной...

ЛУКА (*подходя къ ней*).

Давай, побесѣдуемъ...

(*Клещъ оглядывается, молча подходитъ къ женѣ, смотритъ на нее и дѣлаетъ какіе-то жесты руками, какъ бы желая что-то сказать*).

ЛУКА.

Что, братокъ?

КЛЕЩЪ (*негромко*).

Ничего...

(*Медленно идетъ къ двери въ сѣни, нѣсколько секундъ стоитъ предъ ней и—уходитъ*).

ЛУКА (*проводивъ его взглядомъ*).

Тяжело мужику-то твоему.

АННА.

Мнѣ ужъ не до него.

ЛУКА.

Билъ онъ тебя?

АННА.

Еще бы... Отъ него, чай, и зачахла...

БУБНОВЪ.

У жены моей... любовникъ былъ; ловко, бывало, въ шашки игралъ, шельма...

МЕДВѢДЕВЪ.

Мм-м...

АННА.

Дѣдушка! Говори со мной, милый... Тошно мнѣ...

ЛУКА.

Это ничего! Это передъ смертью, голубка. Ничего, милая! Ты надѣйся... Вотъ, значитъ, помрешь и будетъ тебѣ спокойно... ничего больше не надо будетъ и бояться—нечего! Тишина, спокой... лежи себѣ! Смерть—она все успокаиваетъ... она для насъ ласковая... Помрешь—отдохнешь, говорится... вѣрно это, милая! Потому—гдѣ здѣсь отдохнуть человѣку?

(*Пепелъ входитъ. Онъ немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарахъ и сидитъ молча, неподвижно*).

АННА.

А какъ тамъ—тоже мука?

ЛУКА.

Ничего не будетъ! Ничего! Ты—вѣрь! Спокой и—больше ничего! Призовутъ тебя къ Господу и скажутъ: Господи, погляди-ка, вотъ пришла раба Твоя, Анна...

МЕДВѢДЕВЪ (*строго*).

А ты почему знаешь, что тамъ скажутъ? Эй, ты...

(*Пепелъ при звукѣ голоса Медвѣдева поднимаетъ голову и прислушивается*).

ЛУКА.

Стало быть, знаю, господинъ ундеръ...

МЕДВѢДЕВЪ (*примирительно*).

М...да! Ну... твое дѣло... Хоша... я еще не совсѣмъ... ундеръ...

БУБНОВЪ.

Двухъ беру...

МЕДВѢДЕВЪ.

Ахъ ты... чтобъ тебѣ...

ЛУКА.

А Господь — взглянетъ на тебя кротко-ласково и скажетъ: знаю Я Анну эту! Ну, скажетъ, отведите ее, Анну, въ рай! Пусть успокоится... знаю Я, жила она— очень трудно... очень устала... Дайте покой Аннѣ...

АННА (*задыхаясь*).

Дѣдушка... милый ты... кабы такъ! Кабы... покой-бы... не чувствовать-бы ничего...

ЛУКА.

Не будешь! Ничего не будетъ! Ты—вѣрь! Ты—съ радостью помирай, безъ тревоги... Смерть, я-те говорю, она намъ—какъ мать малымъ дѣтямъ....

АННА.

А... можетъ... можетъ, выздоровлю я?

ЛУКА (*усмѣхаясь*).

На што? На муку опять?

АННА.

Ну... еще немножко... пожить-бы... немножко! Коли тамъ муки не будетъ... здѣсь можно потерпѣть... можно!

ЛУКА.

Ничего тамъ не будетъ!.. Просто...

ПЕПЕЛЪ (*вставая*).

Вѣрно... а можетъ, и—не вѣрно!

АННА (*пугливо*).

Господи...

ЛУКА.

А, красавецъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Кто оретъ?

ПЕПЕЛЪ (*подходя къ нему*).

Я! А что?

МЕДВѢДЕВЪ.

Зря орешь, вотъ что! Человѣкъ долженъ вести себя смирно...

ПЕПЕЛЪ.

Э... дубина! А еще—дядя... х-хо!

ЛУКА (*Пеплу негромко*).

Слышь, не кричи! Тутъ—женщина помираетъ... ужъ губы у нея землей обметало... не мѣшай!

ПЕПЕЛЪ.

Тебѣ, дѣдъ, изволь,—уважу! Ты, братъ, молодецъ! Врешь ты хорошо... сказки говоришь пріятно! Ври, ничего... мало, братъ, пріятнаго на свѣтѣ!

БУБНОВЪ.

Вправду--помираетъ баба-то?

ЛУКА.

Кажись, не шутитъ...

БУБНОВЪ.

Кашлять, значитъ, перестанетъ... Кашляла она очень безпокойно... Двухъ беру!

МЕДВѢДЕВЪ.

Ахъ, пострѣли тебя въ сердце!

ПЕПЕЛЪ.

Абрамъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Я тебѣ—не Абрамъ...

ПЕПЕЛЪ.

Абрашка! Наташа—хвораетъ?

МЕДВѢДЕВЪ.

А тебѣ какое дѣло?

ПЕПЕЛЪ.

Нѣтъ, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

МЕДВѢДЕВЪ.

И это дѣло не твое! Это—семейное дѣло... А ты—кто таковъ?

ПЕПЕЛЪ.

Кто бы я ни былъ, а... захочу, и не видать вамъ больше Наташки!

МЕДВѢДЕВЪ (*бросая игру*).

Ты—что говоришь? Ты—про кого это? Племянница моя чтобы... ахъ, воръ!

ПЕПЕЛЪ.

Воръ, а тобой не пойманъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Погоди! Я—поймаю... я—скоро...

ПЕПЕЛЪ.

А поймаешь,—на горе всему вашему гнѣзду. Ты думаешь, я молчать буду передъ слѣдователемъ? Жди отъ волка толка! Спросятъ: кто меня на воровство подбилъ и мѣсто указалъ? Мишка Костылевъ съ женой! Кто краденое приняялъ? Мишка Костылевъ съ женой!

МЕДВѢДЕВЪ.

Врешь! Не повѣрятъ тебѣ!

ПЕПЕЛЪ.

Повѣрятъ, потому—правда! И тебя еще запутаю... ха! Погублю всѣхъ васъ, черти, увидишь!

МЕДВѢДЕВЪ (*теряясь*).

Врешь! И... врешь! И... что я тебѣ худого сдѣлалъ? Песъ ты бѣшеный!...

ПЕПЕЛЪ.

А что ты мнѣ хорошаго сдѣлалъ?

ЛУКА.

Та-акъ!

МЕДВѢДЕВЪ (*Луку*).

Ты... чего каркаешь? Твое тутъ—какое дѣло? Тутъ—семейное дѣло!

БУБНОВЪ (*Луку*).

Отстань! Не для насъ съ тобой петли вяжутъ.

ЛУКА (*смиренно*).

Я вѣдь—ничего! Я только говорю, что если кто кому хорошаго не сдѣлалъ, тотъ и худо поступилъ...

МЕДВѢДЕВЪ (*не понявъ*).

То-то! Мы тутъ... всѣ другъ друга знаемъ... а ты—кто такой? (*Сердито фыркая, быстро уходитъ*).

ЛУКА.

Разсердился кавалеръ... охо-хо, дѣла у васъ, братцы, смотрю я... путаныя дѣла!

ПЕПЕЛЪ.

Василисѣ жаловаться побѣжалъ...

БУБНОВЪ.

Дуришь ты, Василій. Чего-то храбрости у тебя много завелось... гляди, храбрость у мѣста, когда въ лѣсъ по грибы идешь... а здѣсь она—ни къ чему... Они тебѣ живо голову свернутъ.

ПЕПЕЛЪ.

Н-ну, нѣтъ! Насъ, ярославскихъ, голыми руками не сразу возьмешь... Ежели война, будемъ воевать...

ЛУКА.

А въ самомъ дѣлѣ, отойти-бы тебѣ, парень, прочь съ этого мѣста...

ПЕПЕЛЪ.

Куда! Ну-ка, выговори...

ЛУКА.

Иди... въ Сибирь!

ПЕПЕЛЪ.

Эге! Нѣтъ ужъ я погожу, когда пошлютъ меня въ Сибирь эту на казенный счетъ...

ЛУКА.

А ты слушай, иди-ка! Тамъ ты себѣ можешь путь найти... Тамъ такихъ—надобно!

ПЕПЕЛЪ.

Мой путь—обозначенъ мнѣ! Родитель всю жизнь въ тюрьмахъ сидѣлъ и мнѣ тоже заказалъ... Я когда ма-

ленькій былъ, такъ ужъ въ ту пору меня звали воръ, воровъ сынъ...

ЛУКА.

А хорошая сторона—Сибирь! Золотая сторона! Кто въ силѣ, да въ разумѣ, тому тамъ—какъ огурцу въ парникѣ.

ПЕПЕЛЪ.

Старикъ! Зачѣмъ ты все врешь?

ЛУКА.

Ась?

ПЕПЕЛЪ.

Оглохъ! Зачѣмъ врешь, говорю?

ЛУКА.

Это въ чемъ же вру-то я?

ПЕПЕЛЪ.

Во всемъ... Тамъ у тебя хорошо, здѣсь хорошо... вѣдь—врешь! На што?

ЛУКА.

А ты мнѣ—повѣрь, да поди, самъ погляди... Спасибо скажешь... Чего ты тутъ трешься? И... чего тебѣ правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя...

ПЕПЕЛЪ.

А мнѣ все едино! Обухъ, такъ обухъ...

ЛУКА.

Да чудакъ! На что самому себя убивать?

БУБНОВЪ.

И чего вы оба мелете? Не пойму... Какой тебѣ, Васька, правды надо? И зачѣмъ? Знаешь ты правду про себя... да и всѣ ее знаютъ...

ПЕПЕЛЪ.

Погоди, не каркай! Пусть онъ мнѣ скажетъ... слушай, старикъ: Богъ есть?

(*Лука молчитъ, улыбаясь*).

БУБНОВЪ.

Люди всѣ живутъ... какъ щепки по рѣкѣ плывутъ... строютъ домъ... а щепки—прочь...

ПЕПЕЛЪ.

Ну? Есть? Говори...

ЛУКА (*негромко*).

Коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ... Во что вѣришь, то и есть...

(*Пепелъ молча, удивленно и упорно смотритъ на старика*).

БУБНОВЪ.

Пойду, чаю попью... идемте въ трактиръ? Эй!

ЛУКА (*Пеплу*).

Чего глядишь?

ПЕПЕЛЪ.

Такъ... погоди!.. Значитъ...

БУБНОВЪ.

Ну, я одинъ... (*Идетъ къ двери и встрѣчается съ Василисой*).

ПЕПЕЛЪ.

Стало быть... ты...

ВАСИЛИСА (*Бубнову*).

Настасья—дома?

БУБНОВЪ.

Нѣтъ... (*Уходитъ*).

ПЕПЕЛЪ.

А... пришла...

ВАСИЛИСА (*подходя къ Аннѣ*).

Жива еще?

ЛУКА.

Не тревожь...

ВАСИЛИСА.

А ты... чего тутъ торчишь?

ЛУКА.

Я могу уйти... коли надо...

ВАСИЛИСА

(*направляясь къ двери въ комнату Пепла*).

Василій! У меня къ тебѣ дѣло есть...

(*Лука подходитъ къ двери въ сѣни, отворяетъ ее и громко хлопаетъ ею. Затѣмъ — осторожно влѣзаетъ на нары и—на печь*).

ВАСИЛИСА (*изъ комнаты Пепла*).

Вася... поди сюда!

ПЕПЕЛЪ.

Не пойду... не хочу...

ВАСИЛИСА.

А... что-же? На что гнѣваешься?

ПЕПЕЛЪ.

Скушно мнѣ... надоѣла мнѣ вся эта канитель...

ВАСИЛИСА.

И я... надоѣла?

ПЕПЕЛЪ.

И ты...

(*Василиса крѣпко стягиваетъ платокъ на плечахъ, прижимая руки ко груди. Идетъ къ постели Анны, осторожно смотритъ за пологъ и возвращается къ Пеплу*).

ПЕПЕЛЪ.

Ну... говори...

ВАСИЛИСА.

Что-же говорить? Насильно милъ не будешь... и не въ моемъ это характерѣ милости просить... Спасибо тебѣ за правду...

ПЕПЕЛЪ.

Какую правду?

ВАСИЛИСА.

А что надоѣла я тебѣ... али это не правда?

(*Пепелъ молча смотритъ на нее*).

ВАСИЛИСА (*подвигаясь къ нему*).

Что глядишь? Не узнаешь?

ПЕПЕЛЪ (*вздыхая*).

Красивая ты, Васка... (*Женщина кладетъ ему руку на шею, но онъ встряхиваетъ руку ея движеніемъ плеча*)... а никогда не лежало у меня сердце къ тебѣ... И жилъ я съ тобой, и все... а никогда ты не нравилась мнѣ...

ВАСИЛИСА (*тихо*).

Та-акъ... Н-ну...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, не о чемъ намъ говорить! Не о чемъ... иди отъ меня...

ВАСИЛИСА.

Другая приглянулась?

ПЕПЕЛЪ.

Не твое дѣло... И приглянулась, въ свахи тебя не позову...

ВАСИЛИСА (*значительно*).

А напрасно... Можетъ, я-бы и посватала...

ПЕПЕЛЪ (*подозрительно*).

Кого это?

ВАСИЛИСА.

Ты знаешь... что притворяться? Василій... я — человѣкъ прямой... (*Тише*). Скрывать не буду... ты меня обидѣлъ... Ни за что, ни про что, какъ плетью, хлестнулъ... Говорилъ, любишь... и вдругъ...

ПЕПЕЛЪ.

Вовсе не вдругъ... я давно... души въ тебѣ нѣтъ, баба... Въ женщинѣ—душа должна быть... мы—звѣри... намъ надо... надо насъ—пріучать... а ты—къ чему меня пріучила?..

ВАСИЛИСА.

Что было, того нѣтъ... Я знаю, человѣкъ—самъ въ себѣ не воленъ... Не любишь больше... ладно! Такъ тому и быть...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, значитъ, и - шабашъ! Разошлись смирно, безъ скандала... и хорошо!

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, погоди! Все-таки... когда я съ тобой жила... я все дожидалась, что ты мнѣ поможешь изъ омута этого выбраться... освободишь меня отъ мужа, отъ дяди... отъ всей этой жизни... И можетъ я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила въ тебѣ... Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня...

ПЕПЕЛЪ.

Ты—не гвоздь, я—не клещи... Я самъ думалъ, что ты, какъ умная... вѣдь ты умная... ты—ловкая!

ВАСИЛИСА

(*близко наклоняясь къ нему*).

Вася, давай... поможемъ другъ другу...

ПЕПЕЛЪ.

Какъ это?

ВАСИЛИСА (*тихо, сильно*).

Сестра... тебѣ нравится, я знаю...

ПЕПЕЛЪ.

За то ты и бьешь ее звѣрски! Смотри, Васка! Ее—не тронь...

ВАСИЛИСА.

Погоди. Не горячись! Можно все сдѣлать тихо, по-хорошему... Хочешь—женись на ней? И я тебѣ еще денегъ дамъ... цѣлковыхъ триста! Больше соберу — больше дамъ...

ПЕПЕЛЪ (*отодвинувшись*).

Постой... какъ это? За что?

ВАСИЛИСА.

Освободи меня... отъ мужа! Сними съ меня петлю эту...

ПЕПЕЛЪ (*тихо свиститъ*).

Вонъ что-о! Ого-го! Это—ты ловко придумала... мужа. значитъ, въ гробъ, любовника—на каторгу, а сама...

ВАСИЛИСА.

Вася! Зачѣмъ—каторга? Ты—не самъ... черезъ това-

рищей! Да если и самъ, кто узнаетъ? Наталья!.. подумай. Деньги будутъ... уѣдешь куда-нибудь... меня на вѣкъ освободишь... и что сестры около меня не будетъ, это хорошо для нея. Видѣть мнѣ ее—трудно... злоблюсь я на нее за тебя... и сдержаться не могу... мучаю дѣвку, бью ее... такъ—бью... что сама плачу отъ жалости къ ней... А—бью. И—буду бить!

ПЕПЕЛЪ.

Звѣрь! Хвастается звѣрствомъ своимъ.

ВАСИЛИСА.

Не хвастаюсь, правду говорю. Подумай, Вася... Ты два раза изъ-за мужа моего въ тюрьмѣ сидѣлъ... изъ-за его жадности... Онъ въ меня, какъ клопъ, впился... четыре года сосетъ! А какой онъ мнѣ мужъ? Наташку тѣснитъ, измывается надъ ней, нищая, говоритъ! И для всѣхъ онъ—ядъ...

ПЕПЕЛЪ.

Хитро ты плетешь...

ВАСИЛИСА.

Въ рѣчахъ моихъ — все ясно... Только глупый не пойметъ, чего я хочу...

(*Костылевъ осторожно входитъ и крадется впередъ*).

ПЕПЕЛЪ (*Василисѣ*).

Ну... иди!

ВАСИЛИСА.

Подумай. (*Видитъ мужа*). Ты что? За мной?

(*Пепелъ вскакиваетъ и дико смотритъ на Костылева*).

КОСТЫЛЕВЪ.

Это я... я! А вы тутъ... одни? А-а... Вы—разговаривали? (*Вдругъ топаетъ ногами и громко визжитъ*). Васка... поганая. Нищая... шкура! (*Пугается своего крика, встрѣченнаго молчаніемъ и неподвижностью*). Прости, Господи... опять ты меня, Василиса, во грѣхъ ввела... Я тебя ищу вездѣ... (*Взвизгивая*). Спать пора! Масла въ лампады забыла налить... у, ты! Нищая... свинья... (*Дрожащими*

руками машетъ на нее. Василиса медленно идетъ къ двери въ сѣни, оглядываясь на Пепла).

ПЕПЕЛЪ (*Костылеву*).

Ты! Уйди... пошелъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*кричитъ*).

Я—хозяинъ! Самъ пошелъ, да! Воръ...

ПЕПЕЛЪ (*глухо*).

Уйди, Мишка...

КОСТЫЛЕВЪ.

Не смѣй! Я тутъ... я тебя...

(*Пепелъ хватаетъ его за шиворотъ и встряхиваетъ. На печи раздается громкая возня и воющее позывыванье. Пепелъ выпускаетъ Костылева, старикъ съ крикомъ бѣжитъ въ сѣни).*

ПЕПЕЛЪ (*вспрыгнувъ на нары*).

Кто это... кто на печи?

ЛУКА (*высовывая голову*).

Ась?

ПЕПЕЛЪ.

Ты?!..

ЛУКА (*спокойно*).

Я... я самый... о, Господи Исусе Христе!

ПЕПЕЛЪ.

(*затворяетъ дверь въ сѣни, ищетъ запора и не находитъ*).

А, черти... Старикъ, слѣзай!

ЛУКА.

Сейча-асъ... лѣзу...

ПЕПЕЛЪ (*грубо*).

Ты зачѣмъ на печь залѣзъ?

ЛУКА.

А куда надо было?

ПЕПЕЛЪ.

Вѣдь... ты въ сѣни ушелъ?

ЛУКА.

Въ сѣняхъ, браточекъ, мнѣ, старику, холодно...

ПЕПЕЛЪ.

Ты... слышалъ?

ЛУКА.

А—слышалъ! Какъ не слышать? Али я—глухой? Ахъ, парень, счастье тебѣ идетъ... Вотъ идетъ счастье!

ПЕПЕЛЪ (*подозрительно*).

Какое счастье? Въ чемъ?

ЛУКА.

А вотъ въ томъ, что я на печь залѣзъ.

ПЕПЕЛЪ.

А... зачѣмъ ты тамъ возиться началъ?

ЛУКА.

Затѣмъ, значитъ, что — жарко мнѣ стало... на твое сиротское счастье... И опять же, смекнулъ я, [какъ-бы, молъ, парень-то не ошибся... не придушилъ-бы старичка-то...

ПЕПЕЛЪ.

Да-а... я это могъ... ненавижу...

ЛУКА.

Что мудренаго? Ничего нѣтъ труднаго... Часто эдакъ-то ошибаются...

ПЕПЕЛЪ. (*улыбаясь*).

Ты—что? Самъ что-ли ошибся однажды?

ЛУКА.

Парень! Слушай-ка, что я тебѣ скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее—ни-ни! до себя не допускай... Мужа—она и сама со свѣта сживетъ, да еще половчѣе тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай... Гляди, какой я? Лысый... А отчего? Отъ этихъ вотъ самыхъ разныхъ бабъ... Я ихъ, бабъ-то, можетъ, больше зналъ, чѣмъ волосъ на головѣ было... А эта Василиса—она... хуже черемиса!

ПЕПЕЛЪ.

Не понимаю я... спасибо тебѣ сказать, или ты... тоже...

ЛУКА.

Ты—не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тутъ тебѣ нравится, бери ее подъ руку, да отсюда—шагомъ маршъ! Уходи!.. Прочь уходи...

ПЕПЕЛЪ (*угрюмо*).

Не поймешь людей! Которые добрые, которые злые... Ничего не понятно...

ЛУКА.

Чего тамъ понимать? Всяко живетъ человѣкъ... какъ сердце налажено, такъ и живетъ... сегодня—добрый, завтра—злой... А коли дѣвка эта за душу тебя задѣла въ сурьезъ... уйди съ ней отсюда и кончено... А то—одинъ иди... Ты—молодой, успѣешь бабой обзавестись...

ПЕПЕЛЪ (*беретъ его за плечо*).

Нѣтъ, ты скажи, зачѣмъ ты все это...

ЛУКА.

Погоди-ка, пусти... Погляжу я на Анну... чего-то она хрипѣла больно... (*Идетъ къ постели Анны, открываетъ пологъ, смотритъ, трогаетъ рукой. Пепелъ задумчиво и растерянно слѣдитъ за нимъ*). Исусе Христе, Многомилостивый! Духъ новопреставленной рабы Твоей Анны съ миромъ прими...

ПЕПЕЛЪ (*тихо*).

Умерла?.. (*Не подходя, вытягивается и смотритъ на кровать*).

ЛУКА (*тихо*).

Отмаялась!.. А гдѣ мужикъ-то ея?

ПЕПЕЛЪ.

Въ трактирѣ, навѣрно...

ЛУКА.

Надо́ сказать...

ПЕПЕЛЪ (*вздрагивая*).

Не люблю покойниковъ...

ЛУКА (*идетъ къ двери*).

За что ихъ любить?.. Любить—живыхъ надо... живыхъ...

ПЕПЕЛЪ.

И я съ тобой...

ЛУКА.

Боишься?

ПЕПЕЛЪ.

Не люблю... (*Торопливо выходятъ. Пустота и тишина. За дверью въ сѣни слышенъ глухой шумъ, неровный, непонятный. Потомъ—входитъ Актеръ*).

АКТЕРЪ

(*останавливается, не затворяя двери, на порогѣ и, придерживаясь руками за косяки, кричитъ*).

Старикъ, эй! Ты гдѣ? Я—вспомнилъ... слушай. (*Шатаясь, дѣлаетъ два шага впередъ и, принимая позу, читаетъ*):

Господа! Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.

(*Наташа является сзади Актера въ двери*).

АКТЕРЪ.

Старикъ!..

Если-бъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра-жъ цѣлый-бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь...

НАТАША (*смѣется*).

Чучело! Нализался...

АКТЕРЪ (*оборачиваясь къ ней*).

А-а, это ты? А—гдѣ старичекъ... милый старикашка? Здѣсь, повидимому, никого нѣтъ... Наташа, прощай! Прощай... да!

НАТАША (*входя*).

Не здоровался, а прощаешься...

АКТЕРЪ (*загораживая ей дорогу*).

Я—уѣзжаю, ухожу... Настанетъ весна, и меня—больше нѣтъ...

НАТАША.

Пусти-ка... куда это ты?

АКТЕРЪ.

Искать городъ... лечиться... Ты—тоже уходи... Офелія... иди въ монастырь... Понимаешь, есть лечебница для организмовъ... для пьяницъ... Превосходная лечебница... Мраморъ... мраморный полъ! Свѣтъ... чистота, пища... все—даромъ! И мраморный полъ, да! Я ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути къ возрожденью... какъ сказалъ... король... Лиръ, Наташа... по сценѣ мое имя Сверчковъ-Заволжскій... никто этого не знаетъ, никто! Нѣтъ у меня здѣсь имени... Понимаешь-ли ты, какъ это обидно—потерять имя? Даже собаки имѣютъ клички...

(*Наташа осторожно обходитъ Актера, останавливается у кровати Анны, смотритъ*).

АКТЕРЪ.

Безъ имени—нѣтъ человѣка...

НАТАША.

Гляди... голубчикъ... померла вѣдь...

АКТЕРЪ (*качая головой*).

Не можетъ быть...

НАТАША (*отступая*).

Ей-Богу... смотри...

БУБНОВЪ (*въ двери*).

Чего смотрѣть?

НАТАША.

Анна-то... померла!

БУБНОВЪ.

Кашлять перестала, значитъ. (*Идетъ къ постели Анны, смотритъ, идетъ на свое мѣсто*). Надо Клещу сказать... это—его дѣло...

АКТЕРЪ.

Я иду... скажу... потеряла имя!.. (*Уходитъ*).

НАТАША (*посреди комнаты*).

Вотъ и я... когда-нибудь такъ-же... въ подвалъ... забитая...

БУБНОВЪ

(*разстилая на своихъ нарахъ какое-то тряпье*).

Чего? Ты чего бормочешь?

НАТАША.

Такъ... про себя...

БУБНОВЪ.

Ваську ждешь? Гляди, сломитъ тебѣ голову Васька...

НАТАША.

А не все равно—кто сломитъ? Ужъ пускай лучше онъ...

БУБНОВЪ (*ложится*).

Ну, твое дѣло...

НАТАША.

Вѣдь вотъ... хорошо, что она умерла... а жалко... Господи!.. Зачѣмъ жилъ человѣкъ?

БУБНОВЪ.

Всѣ такъ: родятся, поживутъ, умираютъ. И я помру... и ты... Чего жалѣть?

(*Входятъ: Лука, Татаринъ, Кривой Зобъ и Клещъ; Клещъ идетъ сзади всѣхъ, медленно, съежившись*).

НАТАША.

Ш-ш! Анна...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Слышали... царство небесное, коли померла...

ТАТАРИНЪ (*Клещу*).

Надо вонъ тащить! Сѣни надо тащить! Здѣсь—мертвый нельзя, здѣсь—живой спать будетъ...

КЛЕЩЪ (*негромко*).

Вытащимъ...

(*Всѣ подходятъ къ постели. Клещъ смотритъ на жену черезъ плечи другихъ*).

КРИВОЙ ЗОБЪ (*Татарину*).

Ты думаешь, духъ пойдетъ? Отъ нея духа не будетъ!.. она вся еще живая высохла...

НАТАША.

Господи! Хоть-бы пожалѣли... хоть бы кто слово сказалъ какое-нибудь! Эхъ вы...

ЛУКА.

Ты, дѣвушка, не обижайся... ничего! Гдѣ имъ... куда намъ—мертвыхъ жалѣть? Э, милая! Живыхъ—не жалѣемъ... сами себя пожалѣть-то не можемъ... гдѣ тутъ!

БУБНОВЪ (*зѣвая*).

И опять-же, смерть слова не боится... болѣзнь—боится слова, а смерть—нѣтъ!

ТАТАРИНЪ (*отходя*).

Полицію надо...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Полицію—это обязательно! Клещъ! Полиціи заявилъ?

КЛЕЩЪ.

Нѣтъ... Хоронить надо... а у меня сорокъ копѣекъ всего...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Ну, на такой случай—займи... а то мы соберемъ... кто пятакъ, кто—сколько можетъ... А полиціи заяви... скорѣе! А то она подумаетъ, убилъ ты бабу... или что... (*Идетъ къ нарамъ и собирается лечь рядомъ съ Татариномъ*).

НАТАША

(*отходя къ нарамъ Бубнова*).

Вотъ... будетъ она мнѣ сниться теперь... мнѣ всегда покойники снятся... боюсь идти одна... въ сѣняхъ—темно...

ЛУКА (*слѣдуя за ней*).

Ты—живыхъ опасайся... вотъ что я скажу...

НАТАША.

Проводи меня, дѣдушка...

ЛУКА.

Идемъ... идемъ, провожу! (*Уходятъ. Пауза*).

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Охо-хо-о! Асанъ! Скоро весна, другъ... тепло намъ жить будетъ. Теперь ужъ въ деревняхъ мужики сохи, бороны чинятъ... пахать налаживаются... н-да! А мы?.. Асанъ?.. Дрыхнетъ ужъ, Магометъ окаянный...

БУБНОВЪ.

Татары спать любятъ...

КЛЕЩЪ

(*стоитъ посредине ночлежки и тупо смотритъ предъ собой*).

Чего же мнѣ теперь дѣлать?

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Ложись, да спи... только и всего...

КЛЕЩЪ (*тихо*).

А... она... какъ-же? (*Никто не отвѣчаетъ ему. Сатинъ и Актеръ входятъ*).

АКТЕРЪ (*кричитъ*).

Старикъ! Сюда, мой вѣрный Кентъ...

САТИНЪ.

Миклуха-Маклай идетъ... х-хо!

АКТЕРЪ.

Кончено и рѣшено! Старикъ, гдѣ городъ... гдѣ ты?

САТИНЪ.

Фата-моргана! Навралъ тебѣ старикъ... Ничего нѣтъ! Нѣтъ городовъ, нѣтъ людей... ничего нѣтъ!

АКТЕРЪ.

Врешь!

ТАТАРИНЪ (*вскакивая*).

Гдѣ хозяинъ? Хозяину иду! Нельзя спать, нельзя деньги брать... Мертвые... пьяные... (*Быстро уходитъ. Сатинъ свиститъ вслѣдъ ему*).

БУБНОВЪ (*сонным голосомъ*).

Ложись, ребята, не шуми... ночью—спать надо!

АКТЕРЪ.

Да... здѣсь—ага! Мертвецъ... „Наши сѣти притащили мертвеца“... стихотвореніе... Б-беранжера!

САТИНЪ (*кричитъ*).

Мертвецы—не слышатъ! Мертвецы не чувствуютъ... Кричи... реви... мертвецы не слышатъ!...

(*Въ двери является Лука*).

Занавѣсъ.

На дно.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

«Пустырь», засоренное разнымъ хламомъ и заросшее бурьяномъ дворовое мѣсто. Въ глубинѣ его—высокій кирпичный брандмауеръ. Онъ закрываетъ небо. Около него - кусты бузины. Направо—темная, бревенчатая стѣна какой-то надворной постройки, сарая или конюшни. А налѣво—сѣрая, покрытая остатками штукатурки стѣна того дома, въ которомъ помѣщается ночлежка Костылевыхъ. Она стоитъ наискось, такъ что ея задній уголъ выходитъ почти на средину пустыря. Между ею и красной стѣной—узкій проходъ. Въ сѣрой стѣнѣ два окна: одно—въ уровень съ землей, другое—аршина на два выше и ближе къ брандмауеру. У этой стѣны лежатъ розвальни кверху полозьями и обрубокъ бревна, длиною аршина въ четыре. Направо у стѣны—куча старыхъ досокъ, брусьевъ. Вечеръ, заходитъ солнце, освѣщая брандмауеръ красноватымъ свѣтомъ. Ранняя весна, недавно стаялъ снѣгъ. Черные сучья бузины еще безъ почекъ. На бревнѣ сидятъ рядомъ Наташа и Настя. На дровняхъ—Лука и Баронъ. Клещъ лежитъ на кучѣ дерева у правой стѣны. Въ окнѣ у земли—рожа Бубнова.

НАСТЯ

(*закрывъ глаза и качая головой въ тактъ словамъ, пѣвуче разсказываетъ*).

Вотъ приходитъ онъ ночью въ садъ, въ бесѣдку, какъ мы уговорились... а ужъ я его давно жду и дрожу отъ страха и горя. Онъ тоже дрожитъ весь и — бѣлый, какъ мѣлъ, а въ рукахъ у него леворвертъ...

НАТАША (*грызетъ съмечки*).

Ишь! Видно, правду говорятъ, что студенты—отчаянные...

НАСТЯ.

И говоритъ онъ мнѣ страшнымъ голосомъ:—драгоцѣнная моя любовь...

БУБНОВЪ.

Хо-хо! Драгоцѣнная?

БАРОНЪ.

Погоди! Не любо—не слушай, а врать не мѣшай... Дальше!

НАСТЯ.

Ненаглядная, говоритъ, моя любовь! Родители, говоритъ, согласія своего не даютъ, чтобы я вѣнчался съ тобой... и грозятъ меня навѣки проклясть за любовь къ тебѣ. Ну и долженъ, говоритъ, я отъ этого лишить себя жизни... А леворвертъ у него—агромадный и заряженъ десятью пулями... Прощай, говоритъ, любезная подруга моего сердца!—рѣшился я безповоротно... жить безъ тебя — никакъ не могу. И отвѣчала я ему: незабвенный другъ мой... Рауль...

БУБНОВЪ (*удивленный*).

Чего-о? Какъ? Краулъ?

БАРОНЪ (*хохочетъ*).

Настька! Да вѣдь... вѣдь прошлый разъ — Гастонъ былъ!

НАСТЯ (*вскакивая*).

Молчите... несчастные! Ахъ... бродячія собаки! Развѣ... развѣ вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня—была она... настоящая! (*Барону*). Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человѣкъ... говоришь — лежа кофей пилъ...

ЛУКА.

А вы—погоди-ите! Вы—не мѣшайте! Уважьте человѣку... не въ словѣ—дѣло, а—почему слово говорится?—вотъ въ чемъ дѣло! Разсказывай, дѣвушка, ничего!

БУБНОВЪ.

Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

БАРОНЪ.

Ну—дальше!

НАТАША.

Не слушай ихъ... что они? Они—изъ зависти это... про себя имъ сказать нечего...

НАСТЯ (*снова садится*).

Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не вѣрятъ... коли смѣются... (*Вдругъ, прерывая рѣчь, молчитъ нѣсколько секундъ и, вновь закрывъ глаза, продолжаетъ горячо и громко, помахивая рукой въ тактъ рѣчи и точно вслушиваясь въ отдаленную музыку*). И вотъ—отвѣчаю я ему: радость жизни моей! Мѣсяцъ ты мой ясный! И мнѣ безъ тебя тоже вовсе невозможно жить на свѣтѣ... потому какъ люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но,—говорю,—не лишай себя молодой твоей жизни... какъ нужна она дорогимъ твоимъ родителямъ, для которыхъ ты—вся ихъ радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... отъ тоски по тебѣ, жизнь

моя... я—одна...я—таковская! Пускай ужъ я... погибаю,— все равно! Я—никуда не гожусь... и нѣтъ мнѣ ничего... нѣтъ ничего... (*Закрываетъ лицо руками и беззвучно плачетъ*).

НАТАША

(*отвертывается въ сторону, негромко*).

Не плачь... не надо!

(*Лука, улыбаясь, гладитъ голову Насти*).

БУБНОВЪ (*хохочетъ*).

Ахъ... чортова кукла! а?

БАРОНЪ (*тоже смѣется*).

Дѣдка! Ты думаешь, это правда? Это все изъ книжки „Роковая любовь“... Все это—ерунда! Брось ее!...

НАТАША.

А тебѣ что? Ты! Молчи ужъ... коли Богъ убилъ.

НАСТЯ (*яростно*).

Пропащая душа! Пустой человѣкъ! Гдѣ у тебя—душа?

ЛУКА

(*беретъ Настю за руку*).

Уйдемъ, милая! ничего... не сердись! Я—знаю... Я—вѣрю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты вѣришь, была у тебя настоящая любовь... значитъ, была она! Была! А на него—не сердись, на сожителя-то... Онъ... можетъ и впрямь изъ зависти смѣется... у него, можетъ, вовсе не было настоящаго-то... ничего не было! Пойдемъ-ка!..

НАСТЯ

(*крѣпко прижимая руки къ груди*).

Дѣдушка! Ей-Богу... было это! Все было!.. Студентъ онъ... французъ былъ... Гастошей звали... съ черной бородкой... въ лаковыхъ сапогахъ ходилъ... разрази меня громъ на этомъ мѣстѣ! И такъ онъ меня любилъ... такъ любилъ!

ЛУКА.

Я—знаю! Ничего! Я вѣрю! Въ лаковыхъ сапогахъ го-

воришь? А-яй-ай! Ну—и ты его тоже—любила? (*Уходятъ за уголъ*).

БАРОНЪ.

Ну и глупа-же эта дѣвица... добрая, но глупа—нестерпимо!

БУБНОВЪ.

И чего это... человѣкъ врать такъ любитъ. Всегда—какъ передъ слѣдователемъ стоитъ... право!

НАТАША.

Видно враньё-то... пріятнѣе правды... Я тоже...

БАРОНЪ.

Что—тоже? Дальше?

НАТАША.

Выдумываю... Выдумываю и—жду...

БАРОНЪ.

Чего?

НАТАША (*смущенно улыбаясь*).

Такъ... Вотъ, думаю, завтра... пріѣдетъ кто-то... кто-нибудь... особенный... Или случится что-нибудь... тоже небывалое... Подолгу жду... всегда жду... А такъ... на самомъ дѣлѣ—чего можно ждать?

(*Пауза*).

БАРОНЪ (*съ усмѣшкой*).

Нечего ждать... Я—ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

НАТАША.

А то... воображу себѣ, что завтра я... скоропостижно помру... И станетъ отъ этого—жутко... Лѣтомъ хорошо воображать про смерть... грозы бываютъ лѣтомъ... всегда можетъ грозой убить...

БАРОНЪ.

Не хорошо тебѣ жить... эта сестра твоя... дьявольскій характеръ!

НАТАША.

А кому—хорошо жить? Всѣмъ плохо... я вижу...

КЛЕЩЪ

(до этой поры неподвижный и безучастный—вдругъ вскакиваетъ).

Всѣмъ? Врешь! Не всѣмъ! Кабы—всѣмъ... пускай! Тогда—не обидно... да!

БУБНОВЪ.

Что тебя—чортъ боднулъ? Ишь ты... взвылъ какъ!

(*Клещъ снова ложится на свое мѣсто и ворчитъ*).

БАРОНЪ.

А... надо мнѣ къ Настенькѣ мириться идти... не помиришься—на выпивку не дастъ.

БУБНОВЪ.

Мм... Любятъ врать люди... Ну, Настька... дѣло понятное! Она привыкла рожу себѣ подкрашивать... вотъ и душу хочетъ подкрасить... румянецъ на душу наводить... А... другіе—зачѣмъ? Вотъ, Лука, примѣрно... много онъ вретъ... и безъ всякой пользы для себя... Старикъ ужъ... Зачѣмъ бы ему?

БАРОНЪ (*усмѣхаясь, отходитъ*).

У всѣхъ людей—души сѣренькія... всѣ подрумяниться желаютъ...

ЛУКА (*выходитъ изъ-за угла*).

Ты, баринъ, зачѣмъ дѣвку тревожишь? Ты-бы не мѣшалъ ей... пускай плачетъ-забавляется... Она вѣдь для своего удовольствія слезы льетъ... чѣмъ тебѣ это вредно?

БАРОНЪ.

Глупо, старикъ! Надоѣла она... Сегодня — Рауль, завтра—Гастонъ... а всегда одно и то-же! Впрочемъ—я иду мириться съ ней... (*Уходитъ*).

ЛУКА.

Поди-ка, вотъ... приласкай! Человѣка приласкать—никогда не вредно...

НАТАША.

Добрый ты, дѣдушка... Отчего ты—такой добрый?

ЛУКА.

Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли такъ... да! (*За красной стѣной тихо звучитъ гармоника и пѣсня*). (Надо, дѣвушка, кому-нибудь и добрымъ быть... жалѣть людей надо! Христосъ-отъ всѣхъ жалѣлъ и намъ такъ велѣлъ... Я-те скажу—во-время человѣка пожалѣть... хорошо бываетъ! Вотъ, примѣрно, служилъ я сторожемъ на дачѣ... у инженера одного подъ Томскомъ-городомъ... Ну, ладно! Въ лѣсу дача стояла, мѣсто глухое... а зима была и—одинъ я, на дачѣ-то... Славно—хорошо! Только разъ—слышу—лѣзутъ!

НАТАША.

Воры?

ЛУКА.

Они. Лѣзутъ, значитъ, да!.. Взялъ я ружьишко, вышелъ... Гляжу—двое... открываютъ окно—и такъ заняlись дѣломъ, что меня и не видятъ. Я имъ кричу: ахъ вы!.. пошли прочь!.. А они, значитъ, на меня съ топоромъ... Я ихъ упреждаю—отстаньте, молъ! А то сейчасъ—стрѣлю!.. Да ружьишко-то, то на одного, то на другого и навожу. Они—на колѣнки пали: дескать,—пусти! Ну, а я ужъ того... осердился... за топоръ-то, знаешь! Говорю—я васъ, лѣшіе, прогонялъ, не шли... а теперь, говорю: ломай вѣтки одинъ который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, одинъ—ложись, а другой—пори его! Такъ они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А какъ выпоролись они... и говорятъ мнѣ—дѣдушка, говорятъ, дай хлѣбца Христа ради! Идемъ, говорятъ, не жрамши. Вотъ-те и воры, милая... (*смѣется*)... вотъ-те и съ топоромъ! Да... Хорошіе мужики оба... Я говорю имъ: вы-бы, лѣшіе, прямо-бы хлѣба просили. А они—надоѣло, говорятъ... просишь-просишь, а никто не даетъ... обидно!..

Такъ они у меня всю зиму и жили. Одинъ,—Степаномъ звать,—возьметъ, бывало, ружьишко и закатится въ лѣсъ... А другой,—Яковъ былъ,—все хворалъ, кашлялъ все... Втроемъ, значитъ, мы дачу-то и стерегли. Пришла весна—прощай, говорятъ, дѣдушка! И ушли... въ Россію побрели...

НАТАША.

Они бѣглые? Каторжане?

ЛУКА.

Дѣйствительно — такъ, — бѣглые... съ поселенья ушли... Хорошіе мужики!.. Не пожалѣй я ихъ—они-бы, можетъ, убили меня... али еще что... А потомъ—судъ да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма—добру не научитъ и Сибирь не научитъ... а человѣкъ—научитъ... да! Человѣкъ—можетъ добру научить... очень просто!

(*Пауза*).

БУБНОВЪ.

Мм-да!.. А я вотъ... не умѣю врать! Зачѣмъ? По-моему—вали всю правду, какъ она есть! Чего стѣсняться?

КЛЕЩЪ

(*вдругъ снова вскакиваетъ, какъ обожженный, и кричитъ*).

Какая правда? Гдѣ—правда? (*треплетъ руками лохмотья на себѣ*). Вотъ—правда! Работы нѣтъ... силы нѣтъ! Вотъ—правда! Пристанища... пристанища нѣту! Издыхать надо... вотъ она, правда! Дьяволъ! На... на что мнѣ она—правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай! Чѣмъ я виноватъ?.. За что мнѣ—правду? Жить—дьяволъ—жить нельзя... вотъ она, правда!..

БУБНОВЪ.

Вотъ такъ... забрало!..

ЛУКА.

Господи Исусе... слышь-ка, милый! Ты...

КЛЕЩЪ

(*дрожитъ отъ возбужденія*).

Говорите тутъ—пра-авда! Ты, старикъ, утѣшаешь

всѣхъ... Я тебѣ скажу... ненавижу я всѣхъ! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понялъ? Пойми! Будь она—проклята! (*Бѣжитъ за уголъ, оглядываясь*).

ЛУКА.

Ай-яй-ай! Какъ встревожился человѣкъ... И куда побѣжалъ?

НАТАША.

Все равно какъ рехнулся...

БУБНОВЪ.

Здóрово пущено! Какъ въ театръ разыгралъ... Бываетъ это, частенько... Не привыкъ еще къ жизни-то...

ПЕПЕЛЪ

(*медленно выходитъ изъ-за угла*).

Миръ честной компаніи! Что, Лука, старецъ лукавый, все исторіи разсказываешь?

ЛУКА.

Видѣлъ-бы ты... какъ тутъ человѣкъ кричалъ!

ПЕПЕЛЪ.

Это Клещъ, что-ли? Чего онъ? Бѣжитъ, какъ ошпаренный...

ЛУКА.

Побѣжишь, если этакъ... къ сердцу подступитъ...

ПЕПЕЛЪ (*садится*).

Не люблю его... больно онъ золъ, да гордъ. (*Передразнивая Клеща*). „Я—рабочій человѣкъ“. И—всѣ его ниже, будто... Работай, коли нравится... чѣмъ-же гордиться тутъ? Ежели людей по работѣ цѣнить... тогда лошадь лучше всякаго человѣка... возитъ и—молчитъ! Наташа! Твои дома?

НАТАША.

На кладбище ушли... потомъ ко всенощной хотѣли...

ПЕПЕЛЪ.

То-то, я гляжу, свободна ты... рѣдкость!

ЛУКА (*задумчиво, къ Бубнову*).

Вотъ... ты говоришь—правда... Она, правда-то, не

всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечишь... Былъ, примѣрно, такой случай: зналъ я одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ...

БУБНОВЪ.

Во что-о?

ЛУКА.

Въ праведную землю. Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ праведная земля... въ той, дескать, землѣ,—особые люди населяютъ... хорошіе люди! другъ дружку они уважаютъ, другъ дружкѣ—за всяко-просто—помогаютъ... и все у нихъ славно-хорошо! И вотъ человѣкъ все собирался идти... праведную эту землю искать. Былъ онъ—бѣдный, жилъ—плохо... и когда приходилось ему такъ ужъ трудно, что хоть ложись, да помирай—духа онъ не терялъ, а все, бывало, усмѣхался только да высказывалъ: ничего! потерплю! Еще нѣсколько пожду, а потомъ—брошу всю эту жизнь и—уйду въ праведную землю... Одна у него радость была—земля эта...

ПЕПЕЛЪ.

Ну? Пошелъ?

БУБНОВЪ.

Куда? Хо-хо!

ЛУКА.

И вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали ссыльнаго, ученаго... съ книгами, съ планами онъ, ученый-то, и со всякими штуками... Человѣкъ и говоритъ ученому: покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля и какъ туда дорога? Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планы разложилъ... глядѣлъ-глядѣлъ—нѣтъ нигдѣ праведной земли! Все вѣрно, всѣ земли показаны, а праведной—нѣтъ!..

ПЕПЕЛЪ (*негромко*).

Ну? Нѣту? (*Бубновъ хохочетъ*).

НАТАША.

Погоди ты... ну, дѣдушка?

ЛУКА.

Человѣкъ—не вѣритъ... Должна, говоритъ, быть... ищи лучше! А то, говоритъ, книги и планы твои—ни къ чему, если праведной земли нѣтъ... Ученый—въ обиду. Мои, говоритъ, планы самые вѣрные, а праведной земли вовсе нигдѣ нѣтъ. Ну, тутъ и человѣкъ разсердился—какъ такъ? Жилъ-жилъ, терпѣлъ-терпѣлъ и все вѣрилъ—есть! а по планамъ выходитъ—нѣту! Грабежъ!.. И говоритъ онъ ученому: ахъ ты... сволочь эдакой! Подлецъ ты, а не ученый... да въ ухо ему—разъ! Да еще!.. (*Помолчавъ*). А послѣ того пошелъ домой и—удавился!.. (*Всѣ молчатъ. Лука, улыбаясь, смотритъ на Пепла и Наташу*).

ПЕПЕЛЪ (*негромко*).

Ч-чортъ-те возьми... исторія—не веселая...

НАТАША.

Не стерпѣлъ обмана...

БУБНОВЪ (*угрюмо*).

Все—сказки...

ПЕПЕЛЪ.

Н-да... вотъ-те и праведная земля... не оказалось, значитъ...

НАТАША.

Жалко... человѣка-то...

БУБНОВЪ.

Все—выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Тудаже! Хо-хо-хо! (*Исчезаетъ изъ окна*).

ЛУКА

(*кивая головой на окно Бубнова*).

Смѣется! Эхе-хе... (*Пауза*). Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро отъ васъ...

ПЕПЕЛЪ.

Куда теперь?

ЛУКА.

Въ хохлы... Слыхалъ я—открыли тамъ новую вѣру...

поглядѣть надо... да!.. Все ищутъ люди, все хотятъ—какъ лучше... дай имъ, Господи, терпѣнья!

ПЕПЕЛЪ.

Какъ думаешь... найдутъ?

ЛУКА.

Люди-то? Они—найдутъ! Кто ищетъ—найдетъ... Кто крѣпко хочетъ—найдетъ!

НАТАША.

Кабы нашли что-нибудь... придумали-бы получше что...

ЛУКА.

Они—придумаютъ! Помогать только надо имъ, дѣвонька... уважать надо...

НАТАША.

Какъ я помогу? Я сама... безъ помощи...

ПЕПЕЛЪ (*рѣшительно*).

Опять я... снова я буду говорить съ тобой... Наташа... Вотъ—при немъ... онъ—все знаетъ... Иди... со мной!

НАТАША.

Куда? По тюрьмамъ?

ПЕПЕЛЪ.

Я сказалъ—брошу воровство! Ей-Богу—брошу! Коли сказалъ—сдѣлаю! Я—грамотный... буду работать... Вотъ онъ говоритъ—въ Сибирь-то по своей волѣ надо идти... ѣдемъ туда, ну?.. Ты думаешь моя жизнь не претитъ мнѣ? Эхъ, Наташа! Я знаю... вижу!.. Я утѣшаю себя тѣмъ, что другіе побольше моего воруютъ, да въ чести живутъ... только это мнѣ не помогаетъ! Это... не то! Я не каюсь... въ совѣсть я не вѣрю... Но—я одно чувствую: надо жить... ипаче! Лучше надо жить! Надо такъ жить... чтобы самому себя можно мнѣ было уважать...

ЛУКА.

Вѣрно, милый! Дай тебѣ Господи... помоги тебѣ Христосъ! Вѣрно: человѣкъ долженъ уважать себя...

ПЕПЕЛЪ.

Я — съ измалѣтства — воръ... всѣ, всегда говорили мнѣ: воръ Васька, воровъ сынъ Васька! Ага? Такъ? Ну—на те! Вотъ—я воръ!.. Ты пойми: я, можетъ быть, со зла воръ-то... оттого я воръ, что другимъ именемъ никто, никогда не догадался назвать меня... Назови ты... Наташа, ну?

НАТАША (*грустно*).

Не вѣрю я какъ-то... никакимъ словамъ... И безпокойно мнѣ сегодня... сердце щемитъ... будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василій, разговоръ этотъ сегодня завелъ...

ПЕПЕЛЪ.

Когда-же? Я не первый разъ говорю...

НАТАША.

И что-же я съ тобой пойду? Вѣдь... любить тебя... не очень я люблю... Иной разъ—нравишься ты мнѣ... а когда—глядѣть на тебя тошно... Видно—не люблю я тебя... когда любятъ—плохого въ любимомъ не видятъ... а я—вижу...

ПЕПЕЛЪ.

Полюбишь—не бойся! Я тебя пріучу къ себѣ... ты только согласись! Больше года я смотрѣлъ на тебя... вижу, ты дѣвица строгая... хорошая... надежный человѣкъ... очень полюбилъ тебя!..

(*Василиса, нарядная, является въ окнѣ и, стоя у косяка, слушаетъ*).

НАТАША.

Такъ. Меня—полюбилъ, а сестру мою...

ПЕПЕЛЪ (*смущенно*).

Ну, что она? Мало-ли... эдакихъ-то...

ЛУКА.

Ты... ничего, дѣвушка! Хлѣба нѣту,—лебеду ѣдятъ... если хлѣбушка-то нѣту...

ПЕПЕЛЪ (*угрюмо*).

Ты... пожалѣй меня! Несладко живу... волчья жизнь—мало радуетъ... Какъ въ трясинѣ топу... за что не схватишься... все—гнилое... все—не держитъ... Сестра твоя... я думалъ она... не то... Ежели бы она... не жадная до денегъ была—я бы ея ради... на все пошелъ! Лишь-бы она—вся моя была... Ну, ей другого надо... ей—денегъ надо... и воли надо... а воля ей,—чтобы развратничать. Она—помочь мнѣ не можетъ... А ты—какъ молодая елочка и—колешься, а сдержишь...

ЛУКА.

И я скажу—иди за него, дѣвонька, иди! Онъ—парень ничего—хорошій! Ты только почаще напоминай ему, что онъ хорошій парень, чтобы онъ, значитъ, не забывалъ про это! Онъ тебѣ—повѣритъ... Ты только поговаривай ему: Вася, молъ, ты—хорошій человѣкъ... не забывай! Ты подумай, милая, куда тебѣ идти окромя-то? Сестра у тебя—звѣрь злой, про мужа про ея—и сказать нечего: хуже всякихъ словъ старикъ... и вся эта здѣшняя жизнь... куда тебѣ идти! А парень—крѣпкій...

НАТАША.

Идти некуда... я знаю... думала... Только вотъ... не вѣрю я никому... А идти мнѣ—некуда...

ПЕПЕЛЪ.

Одна дорога... ну, на эту дорогу я не допущу... А лучше убью...

НАТАША (*улыбаясь*).

Вотъ... еще не жена я тебѣ, а ужъ хочешь убить.

ПЕПЕЛЪ (*обнимаетъ ее*).

Брось, Наташа! Все равно!..

НАТАША (*прижимаясь къ нему*).

Ну... одно я тебѣ скажу, Василій... вотъ какъ передъ Богомъ говорю! — какъ только ты меня первый разъ ударишь... или иначе обидишь... я—себя не пожалѣю... или сама удавлюсь, или...

ПЕПЕЛЪ.

Пускай у меня рука отсохнетъ, коли я тебя трону!..

ЛУКА.

Ничего, не сумнѣвайся, милая! Ты ему нужнѣе, чѣмъ онъ—тебѣ...

ВАСИЛИСА (*изъ окна*).

Вотъ и сосватались! Совѣтъ да любовь!

НАТАША.

Пришли!.. охъ, Господи! Видѣли... эхъ, Василій!

ПЕПЕЛЪ.

Чего ты испугалась? Теперь никто не смѣетъ тронуть тебя!

ВАСИЛИСА.

Не бойся, Наталья! Онъ тебя бить не станетъ... Онъ ни бить, ни любить не можетъ... я знаю!

ЛУКА (*негромко*).

Ахъ, баба... гадюка ядовитая...

ВАСИЛИСА.

Онъ больше на словахъ удалъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*выходитъ*).

Наташка! Ты что тутъ дѣлаешь, дармоѣдка? Сплетни плетешь? На родныхъ жалуешься? А самоваръ не готовъ? На столѣ не собрано?

НАТАША (*уходя*).

Да вѣдь вы въ церковь идти хотѣли...

КОСТЫЛЕВЪ.

Не твое дѣло, чего мы хотѣли! Ты должна свое дѣло дѣлать... что тебѣ приказано!

ПЕПЕЛЪ.

Цыцъ, ты! Она тебѣ больше не слуга... Наталья, не ходи... не дѣлай ничего!..

НАТАША.

Ты—не командуй... рано еще! (*Уходитъ*).

ПЕПЕЛЪ (*Костылеву*).

Будетъ вамъ! Поиздѣвались надъ человѣкомъ... достаточно! Теперь она—моя!

КОСТЫЛЕВЪ.

Тво-оя? Когда купилъ? Сколько далъ?

ВАСИЛИСА (*хохочетъ*).

ЛУКА.

Вася! Ты—уйди...

ПЕПЕЛЪ.

Глядите вы... веселые! Не заплакать-бы вамъ!

ВАСИЛИСА.

Ой, страшно! Ой, боюсь!

ЛУКА.

Василій — уйди! Видишь — подстрекаетъ она тебя... подзадориваетъ—понимаешь?

ПЕПЕЛЪ.

Да... ага! Вретъ... врешь! Не быть тому, чего тебѣ хочется!

ВАСИЛИСА.

И того не будетъ, чего я не захочу, Вася!

ПЕПЕЛЪ (*грозитъ ей кулакомъ*).

Поглядимъ!.. (*Уходитъ*).

ВАСИЛИСА (*исчезая изъ окна*).

Устрою я тебѣ свадебку!

КОСТЫЛЕВЪ (*подходитъ къ Лукѣ*).

Что, старичекъ?

ЛУКА.

Ничего, старичекъ!..

КОСТЫЛЕВЪ.

Такъ... Уходишь, говорятъ?

ЛУКА.

Пора...

КОСТЫЛЕВЪ.

Куда?

ЛУКА.

Куда глаза поведутъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Бродяжить, значитъ... Неудобство, видно, имѣешь на одномъ-то мѣстѣ жить?

ЛУКА.

Подъ лежачъ камень—сказано—и вода не течетъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

То—камень. А человѣкъ долженъ на одномъ мѣстѣ жить... Нельзя, чтобы люди вродѣ таракановъ жили... Куда кто хочетъ, туда и ползетъ... Человѣкъ долженъ опредѣлять себя къ мѣсту... не путаться зря по землѣ...

ЛУКА.

А если которому—вездѣ мѣсто?

КОСТЫЛЕВЪ.

Стало быть онъ—бродяга... безполезный человѣкъ... Нужно, чтобы отъ человѣка польза была... чтобы онъ работалъ...

ЛУКА.

Ишь ты!

КОСТЫЛЕВЪ.

Да. А какъ-же?.. Что такое... странникъ? Странный человѣкъ... непохожій на другихъ... Ежели онъ—настояще страненъ, что-нибудь знаетъ... что-нибудь узналъ эдакое... ненужное никому... можетъ онъ и правду узналъ тамъ... ну, не всякая правда нужна... да! Онъ—про себя ее храни... и молчи. Ежели онъ настояще-то... страненъ... онъ—молчитъ! А то такъ говоритъ, что никому не понятно... И онъ—ничего не желаетъ, ни во что не мѣшается, людей зря не мутитъ... Какъ люди живутъ—не его дѣло... Онъ долженъ преслѣдовать праведную жизнь... долженъ жить въ лѣсахъ... въ трущобахъ... невидимо! И никому не мѣшать, никого не осуждать... а за всѣхъ—молиться... за всѣ мірскіе грѣхи... за мои, за твои... за всѣ! Онъ для того и суеты мірской бѣ-

житъ... чтобы молиться. Вотъ какъ... (*Пауза*). А ты... какой ты странникъ?.. Пачпорта не имѣешь... Хорошій человѣкъ долженъ имѣть пачпортъ... Всѣ хорошіе люди пачпорта имѣютъ... да!..

ЛУКА.

Есть—люди, а есть—иные—и человѣки...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ты... не мудри! Загадокъ не задавай... Я тебя не глупѣе... Что такое—люди и человѣки?

ЛУКА.

Гдѣ тутъ загадка? Я говорю—есть земля неудобная для посѣва... и есть урожайная земля... что ни посѣешь на ней—родитъ... Такъ-то вотъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ну? Это къ чему-же?

ЛУКА.

Вотъ ты, примѣрно... Ежели тебѣ самъ Господь Богъ скажетъ: Михайло! Будь человѣкомъ!.. Все равно—никакого толку не будетъ... какъ ты есть—такъ и останешься...

КОСТЫЛЕВЪ.

А... а—ты знаешь?—у жены моей дядя—полицейскій? И если я...

ВАСИЛИСА (*входитъ*).

Михайла Ивановичъ, иди чай пить.

КОСТЫЛЕВЪ (*Луки*).

Ты... вотъ что: пошелъ-ка вонъ! долой съ квартиры!..

ВАСИЛИСА.

Да, убирайся-ка, старикъ!.. Больно у тебя язычекъ длиненъ... Да и кто знаетъ... можетъ ты бѣглый какой..

КОСТЫЛЕВЪ.

Сегодня-же, чтобы духа твоего не было! А то я... смотри!

ЛУКА.

Дядю позовешь? Позови дядю... Бѣглаго, молъ, изловилъ... Награду дядя получить можетъ... копѣйки три...

БУБНОВЪ (*въ окнѣ*).

Чѣмъ тутъ торгуютъ? За что—три копѣйки?

ЛУКА.

Меня вотъ грозятъ продать...

ВАСИЛИСА (*мужу*).

Идемъ...

БУБНОВЪ.

За три копѣйки? Ну, гляди, старикъ... Они и за копѣйку продадутъ.

КОСТЫЛЕВЪ (*Бубнову*).

Ты... вытаращился, ровно домовой изъ-подъ печки! (*Идетъ съ женой*).

ВАСИЛИСА.

Сколько на свѣтѣ темныхъ людей... и жуликовъ разныхъ!..

ЛУКА.

Пріятнаго вамъ апетиту!..

ВАСИЛИСА (*оборачиваясь*).

Попридержи языкъ... грибъ поганый!

(*Уходитъ съ мужемъ за уголъ*).

ЛУКА.

Сегодня въ ночь—уйду...

БУБНОВЪ.

Это—лучше. Во-время уйти всегда лучше...

ЛУКА.

Вѣрно говоришь...

БУБНОВЪ.

Я—знаю. Я, можетъ, отъ каторги спасся тѣмъ, что во-время ушелъ.

ЛУКА.

Ну?

БУБНОВЪ.

Правда. Было такъ: жена у меня съ мастеромъ связалась... Мастеръ, положимъ, хорошій... очень онъ ловко собакъ въ енотовъ перекрашивалъ... кошекъ тоже—въ кенгурій мѣхъ... выхухоль... и всяко. Ловкачъ. Такъ вотъ—связалась съ нимъ жена... и такъ они крѣпко другъ за друга взялись, что—того и гляди либо отравятъ меня, либо еще какъ со свѣта сживутъ. Я было—жену бить... а мастеръ—меня... Очень злобно дрался! Разъ—половину бороды выдралъ у меня и ребро сломалъ. Ну и я тоже обозлился... однажды жену по башкѣ желѣзнымъ аршиномъ тяпнулъ... и вообще—большая война началась! Однако, вижу,—ничего эдакъ не выйдетъ... одолѣваютъ они меня! И задумалъ я тутъ—укокошить жену... крѣпко задумалъ! Но во-время спохватился—ушелъ...

ЛУКА.

Эдакъ-то лучше! Пускай ихъ тамъ изъ собакъ енотовъ дѣлаютъ!..

БУБНОВЪ.

Только... мастерская-то на жену была... и остался я—какъ видишь! Хоть, по правдѣ говоря, пропилъ-бы я мастерскую... Запой у меня, видишь-ли...

ЛУКА.

Запой? А-а!

БУБНОВЪ.

Злющій запой! Какъ начну я заливать—весь пропьюсь, одна кожа останется... И еще—лѣнивъ я. Страсть какъ работать не люблю!..

(*Сатинъ и Актеръ входятъ, споря*).

САТИНЪ.

Чепуха! Никуда ты не пойдешь... все это чертовщина! Старикъ! Чего ты надулъ въ уши этому огарку?

АКТЕРЪ.

Врешь! Дѣдъ! Скажи ему, что онъ—вретъ! Я—иду!

Я сегодня—работалъ, мелъ улицу... а водки—не пилъ! Каково? Вотъ они—два пятиалтынныхъ, а я—трезвъ!

САТИНЪ.

Нелѣпо и все тутъ! Дай, я пропью... а то—проиграю..

АКТЕРЪ.

Пошелъ прочь! Это—на дорогу!

ЛУКА (*Сатину*).

А ты—почто его съ толку сбиваешь?

САТИНЪ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,—что сбудется въ жизни со мною? Продулся, братъ, я—вдребезги. Еще не все пропало, дѣдъ,—есть на свѣтѣ шуллера поумнѣе меня!

ЛУКА.

Веселый ты, Костянтинъ... пріятный!

БУБНОВЪ.

Актеръ! Поди-ка сюда!

(*Актеръ идетъ къ окну и садится предъ нимъ на корточки. Въ полголоса разговариваютъ*).

САТИНЪ.

Я, братъ, молодой—занятенъ былъ! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень... плясалъ великолѣпно, игралъ на сценѣ, любилъ смѣшить людей... славно!

ЛУКА.

Какъ-же это ты свихнулся со стези своей, а?

САТИНЪ.

Какой ты любопытный, старикашка? Все-бы тебѣ знать... а—зачѣмъ?

ЛУКА.

Понять хочется дѣла-то человѣческія... а на тебя гляжу—не понимаю! Эдакій ты бравый, Костянтинъ... не глупый... и вдругъ...

САТИНЪ.

Тюрьма, дѣдъ! Я четыре года семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ отсидѣлъ... а послѣ тюрьмы—нѣтъ ходу!

ЛУКА.

Ого-го! За что сидѣлъ-то?

САТИНЪ.

За подлеца... убилъ подлеца въ запальчивости и раздраженіи... Въ тюрьмѣ я и въ карты играть научился...

ЛУКА.

А убилъ—изъ-за бабы?

САТИНЪ.

Изъ-за родной сестры... Однако—ты отвяжись! Я не люблю, когда меня разспрашиваютъ... И... все это было давно... сестра—умерла... уже девять лѣтъ... прошло... Славная, братъ, была человѣчинка сестра у меня!..

ЛУКА.

Легко ты жизнь переносишь! А вотъ давеча тутъ... слесарь—такъ взвылъ... а-а-яй!

САТИНЪ.

Клещъ?

ЛУКА.

Онъ. Работы, кричитъ, нѣту... ничего нѣту!

САТИНЪ.

Привыкнетъ... Чѣмъ-бы мнѣ заняться?

ЛУКА (*тихо*).

Гляди! Идетъ...

(*Клещъ идетъ—медленно, низко опустивъ голову*).

САТИНЪ.

Эй, вдовецъ! Чего нюхалку повѣсилъ? Что хочешь выдумать?

КЛЕЩЪ.

Думаю... чего дѣлать буду? Инструмента—нѣтъ... все—похороны съѣли!

САТИНЪ.

Я тебѣ дамъ совѣтъ: ничего не дѣлай! Просто — обременяй землю!..

КЛЕЩЪ.

Ладно... говорп... Я—стыдъ имѣю предъ людьми...

САТИНЪ.

Брось! Люди не стыдятся того, что тебѣ хуже собаки живется... Подумай—ты не станешь работать, я—не стану... еще сотни... тысячи, всѣ!—понимаешь? всѣ бросаютъ работать! Никто ничего не хочетъ дѣлать—что тогда будетъ?

КЛЕЩЪ.

Съ голоду подохнутъ всѣ...

ЛУКА (*Сатину*).

Тебѣ-бы съ такими рѣчами къ бѣгунамъ идти... Есть такіе люди, бѣгуны называются...

САТИНЪ.

Я знаю... они—не дураки, дѣдка!

(*Изъ окна Костылевыхъ доносится крикъ Наташи:* „За что? Постой... за что-о?“).

ЛУКА (*безпокойно*).

Наташа? Она кричитъ? а? Ахъ, ты...

(*Въ квартирѣ Костылевыхъ—шумъ, возня, звонъ разбитой посуды и визгливый крикъ Костылева:* „А-а... еретица... шкуреха...“).

ВАСИЛИСА.

Стой... погоди... Я ее... вотъ... вотъ...

НАТАША.

Бьютъ! Убиваютъ...

САТИНЪ (*кричитъ въ окно*).

Эй, вы тамъ!

ЛУКА (*суетясь*).

Василья-бы... позвать-бы Васю-то... ахъ, Господи! Братцы... ребята...

АКТЕРЪ (*убѣгая*).

Вотъ я... сейчасъ его...

БУБНОВЪ.

Ну и часто они ее бить стали...

САТИНЪ.

Идемъ, старикъ... свидѣтелями будемъ!

ЛУКА

(идетъ вслѣдъ за Сатинымъ).

Какой я свидѣтель! Куда ужъ... Василья-то бы скорѣе...

НАТАША.

Сестра... сестрица... Ва-а-а...

БУБНОВЪ.

Ротъ заткнули... пойду взгляну...

(Шумъ въ квартирѣ Костылевыхъ стихаетъ, удаляясь, должно быть, въ сѣни изъ комнаты. Слышенъ крикъ старика: „Стой“! *Громко хлопаетъ дверь, и этотъ звукъ, какъ топоромъ, обрубаетъ весь шумъ. На сценѣ—тихо. Вечерній сумракъ).*

КЛЕЩЪ

(безучастно сидитъ на дровняхъ, крѣпко потираетъ руки. Потомъ начинаетъ что-то бормотать—сначала невнятно, далѣе)—Какъ-же?... Надо жить... (*Громко*). Пристанище надо... ну? Нѣтъ пристанища... ничего нѣтъ! Одинъ человѣкъ... одинъ, весь тутъ... Помощи нѣтъ...

(Медленно, согнувшись, уходитъ. Нѣсколько секундъ зловѣщей тишины. Потомъ—гдѣ-то въ проходѣ рождается смутный шумъ, хаосъ звуковъ. Онъ растетъ, приближается. Слышны отдѣльные голоса).

ВАСИЛИСА.

Я ей—сестра! Пусти...

КОСТЫЛЕВЪ.

Какое ты имѣешь право?

ВАСИЛИСА.

Каторжникъ...

САТИНЪ.

Ваську зови!.. скорѣй... Зобъ—бей его!

(Полицейскій свистокъ).

ТАТАРИНЪ

(выбѣгаетъ. Правая рука у него на перевязи).

Какой-такой законъ есть—днемъ убивать?

КРИВОЙ ЗОБЪ (*за нимъ Медвѣдевъ*).

Эхъ, и далъ я ему разочекъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Ты—какъ можешь драться?

ТАТАРИНЪ.

А ты? Твоя какая обязанность?

МЕДВѢДЕВЪ

(*гонится за крючникомъ*).

Стой! Отдай свистокъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*выбѣгаетъ*).

Абрамъ! Хватай... бери его! Убилъ...

(*Изъ-за угла выходятъ Квашня и Настя—онѣ ведутъ подъ руки Наташу, растрепанную. Сатинъ пятится задомъ, отталкивая Василису, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нея прыгаетъ, какъ бѣсноватый, Алешка, свиститъ ей въ уши, кричитъ, воетъ. Потомъ еще нѣсколько оборванныхъ фигуръ—мужчинъ и женщинъ*).

САТИНЪ (*Василисѣ*).

Куда? Сова проклятая...

ВАСИЛИСА.

Прочь, каторжникъ! Жизни рѣшусь, а—растерзаю...

КВАШНЯ (*отводя Наташу*).

А ты, Карповна, полно... постыдись! Что звѣрствуешь?

МЕДВѢДЕВЪ (*хватаетъ Сатина*).

Ага... попалъ!

САТИНЪ.

Зобъ! Лупи ихъ!.. Васька... Васька!

(*Всѣ сталкиваются въ кучу около прохода, у красной стѣны. Наташу уводятъ направо и тамъ усаживаютъ на кучѣ дерева*).

ПЕПЕЛЪ

(*выскочивъ изъ проулка, онъ молча сильными движеніями расталкиваетъ всѣхъ*).

Гдѣ—Наталья? Ты...

КОСТЫЛЕВЪ (*скрываясь за уломъ*).

Абрамъ! Хватай Ваську... братцы—помогите Ваську взять! Вора... грабителя...

ПЕПЕЛЪ.

А ты... блудня старая! (*Сильно размахнувшись, бьетъ старика. Костылевъ падаетъ такъ, что изъ-за угла видна только верхняя половина его тѣла. Пепелъ бросается къ Наташѣ*).

ВАСИЛИСА.

Бейте Ваську! Голубчики... бейте вора!

МЕДВѢДЕВЪ (*кричитъ Сатину*).

Не можешь... тутъ—дѣло семейное! Они—родные... а ты кто?

ПЕПЕЛЪ.

Какъ... чѣмъ она тебя? Ножомъ?

КВАШНЯ.

Гляди-ко, звѣри какіе! Кипяткомъ ноги дѣвкѣ сварили...

НАСТЯ.

Самоваръ опрокинули...

ТАТАРИНЪ.

Можетъ—нечаянно... надо—вѣрно знать... нельзя зря говорить...

НАТАША (*почти въ обморокѣ*).

Василій... возьми меня... схорони меня...

ВАСИЛИСА.

Батюшки! Глядите-ка! смотрите-ка! померъ! Убили...

(*Всѣ толпятся у прохода, около Костылева. Изъ толпы выходитъ Бубновъ, идетъ къ Василію*).

БУБНОВЪ (*негромко*).

Васька! Старикъ-то... того... готовъ!

ПЕПЕЛЪ

(*смотритъ на него, какъ-бы не понимая*).

Иди... зови... въ больницу надо... ну, я разсчитаюсь съ ними!

БУБНОВЪ.

Я говорю—старика-то кто-то уложилъ...

(*Шумъ на сценѣ гаснетъ, какъ огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдѣльные возгласы въ полголоса:* „Неужто?“ „Вотъ-те разъ!“ „Ну-у?“ „Уйдемъ-ка, братъ!“ „Ахъ, чортъ!“ „Теперь—держись!“ „Айда прочь, покуда полиціи нѣтъ!“ *Толпа становится меньше. Уходятъ. Бубновъ, Татаринъ, Настя и Квашня бросаются къ трупу Костылева*).

ВАСИЛИСА

(*поднимаясь съ земли, кричитъ торжествующимъ голосомъ*).

Убили! Мужа моего... вотъ кто убилъ! Васька убилъ. Я—видѣла! Голубчики—я видѣла! Что—Вася? Полиція?

ПЕПЕЛЪ

(*отходитъ отъ Наташи*).

Пусти... прочь! (*Смотритъ на старика. Василисѣ*). Ну? рада? (*Трогаетъ трупъ ногой*). Околѣлъ... старый песъ! по твоему вышло... А... не прихлопнуть-ли и тебя? (*Бросается на нее. Сатинъ и Кривой Зобъ быстро хватаютъ его. Василиса—скрывается въ проулкѣ*).

САТИНЪ.

Опомнись!

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Тпруу! Куда скачешь?

ВАСИЛИСА (*появляясь*).

Что, Вася, милъ другъ? Отъ судьбы — не уйдешь... Полиція! Абрамъ... свисти!

МЕДВѢДЕВЪ.

Свистокъ сорвали, дьяволы...

АЛЕШКА.

Вотъ онъ! (*Свиститъ. Медвѣдевъ бѣжитъ за нимъ*).

САТИНЪ

(*отводя Пепла къ Наташѣ*).

Васька—не трусь! Убійство въ дракѣ... пустяки! Это—недорого стоитъ...

ВАСИЛИСА.

Держите Ваську! Онъ убилъ... я видѣла!

САТИНЪ.

Я тоже раза три ударилъ старика... Много-ли ему надо! Зови меня въ свидѣтели, Васька...

ПЕПЕЛЪ.

Мнѣ... оправдываться не надо... Мнѣ—Василису надо подвести... я же ее подведу! Она этого хотѣла... Она меня подговаривала мужа убить... подговаривала!...

НАТАША (*вдругъ, громко*).

А-а... я поняла!.. Такъ, Василій?! Добрые люди! Они—за одно! Сестра моя и—онъ... они за одно! Они все это подстроили! Такъ, Василій?.. Ты... для того со мной давеча говорилъ... чтобы она все слышала? Люди добрые! Она—его любовница... вы знаете... это всѣ знаютъ... они—за одно! Она... это она его подговорила мужа убить... мужъ имъ мѣшалъ... и я—мѣшала... Вотъ—изувѣчили меня...

ПЕПЕЛЪ.

Наталья! Что ты... что ты?!

САТИНЪ.

Вотъ такъ... чортъ!

ВАСИЛИСА.

Врешь! Вретъ она... я... онъ, Васька, убилъ!

НАТАША.

Они—за одно! Будь вы прокляты! Вы оба...

САТИНЪ.

Н-ну, игра!.. Держись, Василій! Утопятъ они тебя.

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Понять невозможно!.. Ахъ, ты... дѣла!

ПЕПЕЛЪ.

Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто вѣришь, что я... съ ней...

САТИНЪ.

Ей-Богу, Наташа, ты... сообрази!

ВАСИЛИСА (*въ проулкѣ*).

Убилп мужа моего... ваше благородіе... Васька Пепелъ, воръ... онъ убилъ... господинъ приставъ! Я—видѣла... всѣ видѣли...

НАТАША

(*мечется почти въ безпамятствѣ*).

Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиція—слушай... вотъ эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вотъ онъ, проклятый!—они убили! Берите ихъ... судите... Возьмите и меня... въ тюрьму меня! Христа ради... въ тюрьму меня!..

Занавѣсъ.

На днѣ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Обстановка перваго акта. Но комнаты Пепла—нѣтъ, переборки сломаны. И на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Клещъ, нѣтъ наковальни. Въ углу, гдѣ была комната Пепла, лежитъ Татаринъ, возится и стонетъ нарѣдка. За столомъ сидитъ Клещъ; онъ чинитъ гармонію, порою пробуя лады. На другомъ концѣ стола—Сатинъ, Баронъ и Настя. Передъ ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть чернаго хлѣба. На печи возится и кашляетъ Актеръ. Ночь. Сцена освѣщена лампой, стоящей посреди стола. На дворѣ вѣтеръ.

КЛЕЩЪ.

Д-да... онъ во время суматохи этой и пропалъ...

БАРОНЪ.

Исчезъ отъ полиціи... яко дымъ отъ лица огня...

САТИНЪ.

Тако исчезаютъ грѣшники отъ лица праведныхъ!

НАСТЯ.

Хорошій былъ старичекъ!.. А вы... не люди... вы—ржавчина!

БАРОНЪ (*пьетъ*).

За ваше здоровье, леди!

САТИНЪ.

Любопытный стариканъ... да! Вотъ Настенка—влюбилась въ него...

НАСТЯ.

И влюбилась... и полюбила! Вѣрно! Онъ—все видѣлъ... все понималъ...

САТИНЪ (*смѣясь*).

И вообще... для многихъ былъ... какъ мякишъ для беззубыхъ...

БАРОНЪ (*смѣясь*).

Какъ пластырь для нарывовъ...

КЛЕЩЪ.

Онъ... жалостливый былъ... у васъ вотъ... жалости нѣтъ...

САТИНЪ.

Какая польза тебѣ, если я тебя пожалѣю?..

КЛЕЩЪ.

Ты—можешь... не то, что пожалѣть можешь... ты умѣешь не обижать...

ТАТАРИНЪ

(*садится на нарахъ и качаетъ свою больную руку, какъ ребенка*).

Старикъ хорошъ былъ... законъ душѣ имѣлъ! Кто законъ душа имѣетъ,—хорошъ! Кто законъ терялъ—пропалъ!..

БАРОНЪ.

Какой законъ, князь?

ТАТАРИНЪ.

Такой... Разный... Знаешь, какой...

БАРОНЪ.

Дальше!

ТАТАРИНЪ.

Не обижай человѣка,—вотъ законъ!

САТИНЪ.

Это называется „Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“...

БАРОНЪ.

И еще—„Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“...

ТАТАРИНЪ.

Коранъ называетъ... вашъ Коранъ должна быть законъ... Душа—долженъ быть Коранъ... да!

КЛЕЩЪ (*пробуя гармонію*).

Шипитъ, дьяволъ! А князь вѣрно говоритъ... надо жить—по закону... по Евангелію...

САТИНЪ.

Живи...

БАРОНЪ.

Попробуй...

ТАТАРИНЪ.

Магометъ далъ Коранъ, сказалъ: вотъ—законъ! Дѣ-

лай, какъ написано тутъ! Потомъ придетъ время,—Коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время дастъ свой законъ...

САТИНЪ.

Ну да... пришло время и дало „Уложеніе о Наказаніяхъ“... Крѣпкій законъ... нескоро износишь!

НАСТЯ

(*ударяетъ стаканомъ по столу*).

И чего... зачѣмъ я живу здѣсь... съ вами? Уйду... пойду куда-нибудь... на край свѣта!

БАРОНЪ.

Безъ башмаковъ, леди?

НАСТЯ.

Голая! На четверенькахъ поползу!

БАРОНЪ.

Это будетъ картинно, леди... если на четверенькахъ...

НАСТЯ.

Да, и поползу! Только-бы мнѣ не видѣть твоей рожи... ахъ, опротивѣло мнѣ все! Вся жизнь... всѣ люди!..

САТИНЪ.

Пойдешь, — такъ захвати съ собой Актера... Онъ туда-же собирается... ему извѣстно стало, что всего въ полуверстѣ отъ края свѣта стоитъ лечебница для органоновъ...

АКТЕРЪ (*высовываясь съ печи*).

Орга-ни-змо-въ, дуракъ!

САТИНЪ.

Для органоновъ, отравленныхъ алкоголемъ...

АКТЕРЪ.

Да! Онъ—уйдетъ! Онъ уйдетъ... увидите!

БАРОНЪ.

Кто—онъ, сэръ?

АКТЕРЪ.

Я!

БАРОНЪ.

Мегсі, служитель богини... какъ ее? Богиня драмъ, трагедіи... какъ ее звали?

АКТЕРЪ.

Муза, болванъ! Не богиня, а—муза!

САТИНЪ.

Лахеза... Гера... Афродита... Атропа... чортъ ихъ разберетъ! Это все старикъ... навинтилъ Актера... понимаешь, Баронъ?

БАРОНЪ.

Старикъ—глупъ...

АКТЕРЪ.

Невѣжды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди безъ сердца! Вы увидите—онъ уйдетъ! „Обжирайтесь, мрачные умы"... стихотвореніе Беранжера... да! Онъ—найдетъ себѣ мѣсто... гдѣ нѣтъ... нѣтъ...

БАРОНЪ.

Ничего нѣтъ, сэръ?

АКТЕРЪ.

Да! Ничего! „Яма эта... будетъ мнѣ могилой... умираю, немощный и хилый!" Зачѣмъ вы живете? Зачѣмъ?

БАРОНЪ.

Ты! Кинъ или геній и безпутство! Не ори!

АКТЕРЪ.

Врешь! Буду орать!

НАСТЯ

(*поднимая голову со стола, взмахиваетъ руками*).

Кричи! Пусть слушаютъ!

БАРОНЪ.

Какой смыслъ, леди?

САТИНЪ.

Оставь ихъ, Баронъ! Къ чорту!.. Пускай кричатъ... разбиваютъ себѣ головы... пускай! Смыслъ тутъ есть!.. Не мѣшай человѣку, какъ говорилъ старикъ... Да, это онъ, старая дрожжа, проквасилъ намъ сожителей...

КЛЕЩЪ.

Поманилъ ихъ куда-то... а самъ—дорогу не сказалъ...

БАРОНЪ.

Старикъ—шарлатанъ...

НАСТЯ.

Врешь! Ты самъ—шарлатанъ!

БАРОНЪ.

Цыцъ, леди!

КЛЕЩЪ.

Правды онъ... не любилъ, старикъ-то... Очень противъ правды возставалъ... такъ и надо! Вѣрно,—какая тутъ правда? И безъ нея—дышать нечѣмъ... Вонъ князь... руку-то раздавилъ на работѣ... отпилить напрочь руку-то придется, слышь... вотъ-те и правда!

САТИНЪ

(*ударяя кулакомъ по столу*).

Молчать! Вы—всѣ—скоты! Дубье... молчать о старикѣ. (*Спокойнѣе*). Ты, Баронъ,—всѣхъ хуже!.. Ты—ничего не понимаешь... и—врешь! Старикъ—не шарлатанъ. Что такое—правда? Человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ... вы—нѣтъ! Вы—тупы, какъ кирпичи... Я—понимаю старика... да! Онъ вралъ... но—это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми! Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... я—знаю! я—читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающихъ съ голода... Я—знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками,—тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе—прикрываются ею... А кто—самъ себѣ хозяинъ... кто не зависимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь—религія рабовъ и хозяевъ... Правда—Богъ свободнаго человѣка!

умница!.. Онъ... подѣйствова
на старую и грязную монету..
Наливай...

(*Настя наливаетъ стаканъ*

САТИ

Старикъ живетъ изъ себя
своими глазами. Однажды я сп
живутъ люди?... (*Стараясь гов*
ражая его манерамъ). „А—для
милачокъ! Вотъ, скажемъ, я
хламъ—народъ... И вотъ отъ н
такой столяръ, какого подобн
всѣхъ превысилъ и нѣтъ ему
Всему онъ столярному дѣлу
сразу дѣло на двадцать лѣтъ впе
и всѣ другіе... слесаря, тамъ... са
люди... и всѣ крестьяне... и д
шаго живутъ! Всякъ думаетъ,
анъ выходитъ, что для лучш
можетъ, и больше „для лучша

(*Настя упорно смотритъ въ*
ретъ роботать надъ гармоніе

неизвѣстно вѣдь намъ, кто онъ такой, зачѣмъ родился и чего сдѣлать можетъ... можетъ, онъ родился-то на счастье намъ... для большой намъ пользы?.. Особливоже, дѣтокъ надо уважать... ребятишекъ! Ребятишкамъ—просторъ надобенъ! Дѣткамъ-то жить не мѣшайте... Дѣтокъ уважьте!“ (*Пауза*).

БАРОНЪ (*задумчиво*).

Мм-да... для лучшаго? Это... напоминаетъ наше семейство... Старая фамилія... временъ Екатерины... дворяне... вояки!.. выходцы изъ Франціи... Служили, поднимались все выше... При Николаѣ I дѣдъ мой, Густавъ Дебиль... занималъ высокій постъ... богатство... сотни крѣпостныхъ... лошади... повара...

НАСТЯ.

Врешь! Не было этого!

БАРОНЪ (*вскакивая*).

Что-о? Н-ну... дальше?!

НАСТЯ.

Не было этого!

БАРОНЪ (*кричитъ*).

Домъ въ Москвѣ! Домъ въ Петербургѣ! Кареты... кареты съ гербами!

(*Клещъ беретъ гармонію, встаетъ и отходитъ въ сторону, откуда наблюдаетъ за сценой*).

НАСТЯ.

Не было!

БАРОНЪ.

Цыцъ! Я говорю... десятки лакеевъ!..

НАСТЯ (*съ наслажденіемъ*).

Н-не было!

БАРОНЪ.

Убью!

НАСТЯ

(*приготовляясь бѣжать*).

Не было каретъ!

САТИНЪ.

Брось, Настенка! Не зли его...

БАРОНЪ.

Подожди... ты, дрянь! Дѣдъ мой..

НАСТЯ.

Не было дѣда! Ничего не было!

(*Сатинъ хохочетъ*).

БАРОНЪ

(*усталый отъ гнѣва садится на скамью*).

Сатинъ, скажи ей... шлюхѣ... ты—тоже смѣешься? Ты... тоже—не вѣришь? (*Кричитъ съ отчаяньемъ, ударяя кулаками по столу*). Было, чортъ васъ возьми!

НАСТЯ (*торжествуя*).

А-а, взвылъ? Понялъ, каково человѣку, когда ему не вѣрятъ?

КЛЕЩЪ (*возвращаясь къ столу*).

Я думалъ, драка будетъ...

ТАТАРИНЪ.

А-ахъ, глупы люди! Очень плохо!

БАРОНЪ.

Я... не могу позволить издѣваться надо мной! У меня—доказательства есть... документы, дьяволъ!

САТИНЪ.

Брось ихъ! И забудь о каретахъ дѣдушки... въ каретѣ прошлаго никуда не уѣдешь...

БАРОНЪ.

Какъ она смѣетъ, однако!

НАСТЯ.

Ска-ажите! Какъ смѣю!..

САТИНЪ.

Видишь, смѣетъ! Чѣмъ она хуже тебя? Хотя у нея въ прошломъ, ужъ навѣрное, не было не только кареты и—дѣдушки, а даже отца съ матерью...

БАРОНЪ (*успокаиваясь*).

Чортъ тебя возьми... ты... умѣешь разсуждать спокойно... А у меня... кажется, нѣтъ характера...

САТИНЪ.

Заведи. Вещь—полезная... (*Пауза*). Настя! Ты ходишь въ больницу?

НАСТЯ.

Зачѣмъ?

САТИНЪ.

Къ Наташѣ.

НАСТЯ.

Хватился! Она давно вышла... вышла и—пропала! Нигдѣ ея нѣтъ...

САТИНЪ.

Значитъ—вся вышла...

КЛЕЩЪ.

Интересно, кто кого крѣпче всадитъ? Васька—Василису, или она его?

НАСТЯ.

Василиса—вывернется! Она—хитрая. А Ваську—въ каторгу пошлютъ...

САТИНЪ.

За убійство въ дракѣ—только тюрьма...

НАСТЯ.

Жаль. Въ каторгу—лучше-бы... Всѣхъ-бы васъ... въ каторгу... смести-бы васъ, какъ соръ... куда-нибудь въ яму!

САТИНЪ (*удивленно*).

Что ты? Сбѣсилась?

БАРОНЪ.

Вотъ я ей въ ухо дамъ... за дерзости!

НАСТЯ.

Попробуй! Тронь!

БАРОНЪ.

Я—попробую!

САТИНЪ.

Брось! Не тронь... не обижай человѣка! У меня изъ головы вонъ не идетъ... этотъ старикъ! (*Хохочетъ*). Не обижай человѣка!.. А если меня однажды обидѣли и—на всю жизнь сразу! Какъ быть? Простить? Ничего. Никому...

БАРОНЪ (*Настѣ*).

Ты должна понимать, что я—не чета тебѣ! Ты... мразь!

НАСТЯ.

Ахъ, ты, несчастный! Вѣдь ты... ты мной живешь, какъ червь яблокомъ!

(*Дружный взрывъ хохота мужчинъ*).

КЛЕЩЪ.

Ахъ... дура! Яблочко!

БАРОНЪ.

Нельзя... сердиться... вотъ идіотка!

НАСТЯ.

Смѣетесь? Врете! Вамъ—не смѣшно!

АКТЕРЪ (*мрачно*).

Катай ихъ!

НАСТЯ.

Кабы я... могла! Я-бы васъ... (*беретъ со стола чашку и бросаетъ на полъ*) вотъ какъ!

ТАТАРИНЪ.

Зачѣмъ посуда бить? Э-э... болванка!..

БАРОНЪ (*вставая*).

Нѣтъ, я ее сейчасъ... паучу маперамъ!

НАСТЯ (*убѣгая*).

Чортъ васъ возьми!

САТИНЪ (*вслѣдъ ей*).

Эй! Полно! Кого ты пугаешь? Въ чемъ дѣло, наконецъ?

НАСТЯ.

Волки! Чтобъ вамъ издохнуть! Волки!

АКТЕРЪ (*мрачно*).

Аминь!

ТАТАРИНЪ.

У-у! Злой баба—русскій баба! Дерзкій... вольна! Татарка—нѣтъ! Татарка—законъ знаетъ!

КЛЕЩЪ.

Трепку ей надо дать...

БАРОНЪ.

М-мерзавка!

КЛЕЩЪ (*пробуя гармонію*).

Готова! А хозяина ея — все нѣтъ... Горитъ парнишка...

САТИНЪ.

Теперь—выпей!

КЛЕЩЪ.

Спасибо! Да и на боковую пора...

САТИНЪ.

Привыкаешь къ намъ?

КЛЕЩЪ

(*выпивъ, отходитъ въ уголъ къ нарамъ*).

Ничего... Вездѣ—люди... Сначала—не видишь этого... потомъ—поглядишь, окажется, всѣ люди... ничего!

(*Татаринъ разстилаетъ что-то на нарахъ, становится на колѣни и—молится*).

БАРОНЪ

(*указывая Сатину на Татарина*).

Гляди!

САТИНЪ.

Оставь! Онъ—хорошій парень... не мѣшай! (*Хохочетъ*). Я сегодня—добрый... чортъ знаетъ почему!..

БАРОНЪ.

Ты всегда добрый, когда выпьешь... И умный...

САТИНЪ.

Когда я пьянъ... мнѣ все нравится... Н-да... Онъ—молится? Прекрасно! Человѣкъ можетъ вѣрить и не вѣ-

рить... это его дѣло! Человѣкъ—свободенъ... онъ за все платитъ самъ: за вѣру, за невѣріе, за любовь, за умъ. Человѣкъ за все платитъ самъ и потому онъ—свободенъ!.. Человѣкъ—вотъ правда! Что такое человѣкъ?.. Это не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! *(Очерчиваетъ пальцемъ въ воздухѣ фигуру человѣка)*. Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ—всѣ начала и концы.... Все—въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все-же остальное—дѣло его рукъ и его мозга! Чело-вѣкъ! Это — великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ло-вѣкъ! Надо уважать человѣка! Не жалѣть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьемъ за человѣка, Баронъ! (*Встаетъ*). Хорошо это—чувствовать себя человѣкомъ! Я—арестантъ, убійца, шулеръ—ну, да! Когда я иду по улицѣ,—люди смотрятъ на меня какъ на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорятъ мнѣ — мерзавецъ! Шарлатанъ! Работай! Работать? Для чего? Чтобы быть сытымъ? (*Хохочетъ*). Я всегда презиралъ людей, которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобы быть сытыми. Не въ этомъ дѣло, Баронъ! Не въ этомъ дѣло! Человѣкъ—выше! Человѣкъ—выше сытости!

БАРОНЪ (*качая головой*).

Ты—разсуждаешь... Это хорошо... это, должно быть, грѣетъ сердце... У меня—нѣтъ этого... я—не умѣю! (*Оглядывается и—тихо, осторожно*). Я, братъ, боюсь... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому—что-же дальше?

САТИНЪ (*ходитъ*).

Пустяки! Кого бояться человѣку?

БАРОНЪ.

Знаешь... съ той поры, какъ я помню себя... у меня въ башкѣ стоитъ какой-то туманъ. Никогда и ничего не понималъ я. Мнѣ... какъ-то неловко... мнѣ кажется, что я всю жизнь только переодѣвался... а зачѣмъ? Не

понимаю! Учился,—носилъ мундиръ дворянскаго института... а чему учился? Не помню... Женился,—одѣлъ фракъ, потомъ халатъ... а жену взялъ скверную и—зачѣмъ? Не понимаю... Прожилъ все, что было,—носилъ какой-то сѣрый пиджакъ и рыжія брюки... а какъ разорился? Не замѣтилъ... Служилъ въ казенной палатѣ... мундиръ, фуражка съ кокардой... растратилъ казенныя деньги,—надѣли на меня арестантскій халатъ... потомъ—одѣлъ вотъ это... И все... какъ во снѣ... а? Это... смѣшно...

САТИНЪ.

Не очень... Скорѣе—глупо...

БАРОНЪ.

Да... и я думаю, что глупо... А... вѣдь зачѣмъ-нибудь я родился... а?

САТИНЪ (*смѣясь*).

Вѣроятно... Человѣкъ рождается для лучшаго! (*Кивая головой*). Такъ... хорошо!

БАРОНЪ.

Эта... Настька!.. Убѣжала... куда? Пойду, посмотрю... гдѣ она? Все-таки... она... (*Уходитъ. Пауза*).

АКТЕРЪ.

Татаринъ! (*Пауза*). Князь!

(*Татаринъ поворачиваетъ голову*).

АКТЕРЪ.

За меня... помолись...

ТАТАРИНЪ.

Чего?

АКТЕРЪ (*тише*).

Помолись... за меня!..

ТАТАРИНЪ (*помолчавъ*).

Самъ молись...

АКТЕРЪ

(*быстро слѣзаетъ съ печи, подходитъ къ столу, дрожащей рукой наливаетъ водки, пьетъ и—почти бѣжитъ—въ сѣни*).

Ушелъ!

САТИНЪ.

Эй ты, сикамбръ! Куда? (*Свиститъ. Входятъ—Медвѣдевъ въ женской ватной кофтѣ и Бубновъ; оба—выпивши, но не очень. Въ одной рукѣ Бубнова—связка кренделей, въ другой — нѣсколько штукъ воблы, подъ мышкой — бутылка водки, въ карманѣ пиджака—другая*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Верблюдъ—онъ вродѣ... осла! Только безъ ушей...

БУБНОВЪ.

Брось! Ты самъ—вродѣ осла.

МЕДВѢДЕВЪ.

Ушей вовсе нѣтъ у верблюда... онъ—ноздрей слышитъ...

БУБНОВЪ (*Сатину*).

Другъ! Я тебя искалъ по всѣмъ трактирамъ-кабакамъ! Возьми бутылку, у меня всѣ руки заняты!

САТИНЪ.

А ты—положи крендели на столъ, одна рука освободится...

БУБНОВЪ.

Вѣрно! Ахъ ты... Бутарь, гляди! Вотъ онъ, а? Умница!

МЕДВѢДЕВЪ.

Жуликн—всѣ умные... я знаю! Имъ безъ ума—невозможно. Хорошій человѣкъ, онъ—и глупый хорошъ, а плохой—обязательно долженъ имѣть умъ. Но, насчетъ верблюда, ты невѣрно... онъ—животная ѣздовая... роговъ у него нѣтъ... и зубовъ нѣтъ...

БУБНОВЪ.

Гдѣ—народъ? Отчего здѣсь людей нѣтъ? Эй, вылѣзай... я—угощаю! Кто въ углу?

САТИНЪ.

Скоро ты пропьешься? Чучело!

БУБНОВЪ.

Я—скоро! Въ этотъ разъ капиталъ я накопилъ—коротенькій... Зобъ! Гдѣ Зобъ?

КЛЕЩЪ (*подходя къ столу*).

Нѣтъ его...

БУБНОВЪ.

У-у-ррр! Барбосъ! Бррю, брлю, брлю! Индюкъ! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, носъ не вѣшай... Я всѣхъ угощаю! Я, братъ, угощать люблю! Кабы я былъ богатый... я-бы... безплатный трактиръ устроилъ! Ей-Богу! Съ музыкой и чтобы хоръ пѣвцовъ... Приходи, пей, ѣшь, слушай пѣсни... отводи душу! Бѣднякъ-человѣкъ... айда ко мнѣ въ безплатный трактиръ! Сатинъ! Я-бы... тебя-бы... бери половину всѣхъ моихъ капиталовъ! Вотъ какъ!

САТИНЪ.

Ты мнѣ сейчасъ отдай все...

БУБНОВЪ.

Весь капиталъ? Сейчасъ? На! Вотъ—рубль... вотъ еще... двугривенный... пятаки... семишники... все!

САТИНЪ.

Ну и ладно! У меня—цѣлѣе будетъ... Сыграю я на нихъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Я—свидѣтель... отданы деньги на сохраненіе... числомъ сколько?

БУБНОВЪ.

Ты? Ты—верблюдъ... Намъ свидѣтелей не надо...

АЛЕШКА (*входитъ босый*).

Братцы! Я ноги промочилъ!

БУБНОВЪ.

Иди, промочи горло... Только и всего! Милый ты... поешь ты и играешь... очень это хорошо! А—пьешь—напрасно! Это, братъ, вредно... пить—вредно!..

АЛЕШКА.

По тебѣ вижу! Ты—только пьяный и похожъ на человѣка... Клещъ! Гармошку—починилъ? (*Поетъ, приплясывая*).

Эхъ, кабы мое рыло
Не красиво было,
Такъ меня-бы кума моя
Вовсе не любила!

Озябъ я, братцы! Х-холодно!

МЕДВѢДЕВЪ.

Мм... а если спросить: кто такая кума?

БУБНОВЪ.

Отстань! Ты, братъ, теперь—тю-тю! Ты ужъ не бутошникъ... кончено! И не бутошникъ, и не дядя...

АЛЕШКА.

А просто—тёткинъ мужъ!

БУБНОВЪ.

Одна твоя племянница—въ тюрьмѣ, другая—помираетъ...

МЕДВѢДЕВЪ (*гордо*).

Врешь! Она—не помираетъ: она у меня безъ вѣсти пропала!

(*Сатинъ хохочетъ*).

БУБНОВЪ.

Все равно, братъ! человѣкъ безъ племянницъ—не дядя!

АЛЕШКА.

Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщикъ.

У кумы—есть деньги,
У меня—ни гроша!
Зато я веселый мальчикъ,
Зато я—хорошій!

Холодно!

(*Входитъ Зобъ; потомъ — до конца акта — еще нѣсколько фигуръ, мужчинъ и женщинъ. Они раздѣваются, укладываются на нарахъ, ворчатъ*).

ЗОБЪ.

Бубновъ! Ты чего сбѣжалъ?

БУБНОВЪ.

Иди сюда! Садись... запоемъ мы, братъ! Любимую мою... а?

ТАТАРИНЪ.

Ночь, спать надо! Пѣсня пѣть днемъ надо!

САТИНЪ.

Ну, пичего, князь! Ты—иди сюда!

ТАТАРИНЪ.

Какъ—ничего? Шумъ будетъ... когда пѣсни поютъ, шумъ бываетъ...

БУБНОВЪ (*идя къ нему*).

Князь! Что—рука? Отрѣзали тебѣ руку?

ТАТАРИНЪ.

Зачѣмъ? Погодимъ... можетъ—не надо рѣзать... Рука—не желѣзный, рѣзать—не долго...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Яманъ твое дѣло, Асанка! Безъ руки ты — никуда не годишься! Нашъ братъ по рукамъ да по спинѣ цѣнится... Нѣтъ руки — и человѣка нѣтъ! Табакъ твое дѣло!.. Иди водку пить... больше никакихъ!

КВАШНЯ (*входитъ*).

Ахъ, жители вы мои милые! На дворѣ-то, на дворѣ-то! Холодъ, слякоть... Бутошникъ мой здѣсь? Бутарь!

МЕДВѢДЕВЪ.

Я!

КВАШНЯ.

Опять мою кофту таскаешь? И какъ будто ты... немножко того, а? Ты что же это?

МЕДВѢДЕВЪ.

По случаю именинъ... Бубновъ... и—холодно... слякоть!

КВАШНЯ.

Ты гляди у меня... слякоть! Не балуй... Иди-ка спать...

МЕДВѢДЕВЪ (*уходитъ въ кухню*).

Спать я—могу... я хочу... пора!

САТИНЪ.

Ты чего... больно строга съ нимъ?

КВАШНЯ.

Нельзя, дружокъ, иначе. Подобнаго мужчину надо въ строгости держать. Я его въ сожители взяла: думала, польза мнѣ отъ него будетъ... какъ онъ — человѣкъ военный, а вы — люди буйные... мое-же дѣло — бабье... А онъ—пить! Это мнѣ ни къ чему!

САТИНЪ.

Плохо ты выбрала помощника...

КВАШНЯ.

Нѣтъ—лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вонъ какой! А и станешь жить со мной, не больше недѣли сроку... проиграешь меня въ карты со всей моей требухой!

САТИНЪ (*хохочетъ*).

Это вѣрно, хозяйка! Проиграю...

КВАШНЯ.

То-то! Алешка!

АЛЕШКА.

Вотъ онъ—я!

КВАШНЯ.

Ты—что про меня болтаешь?

АЛЕШКА.

Я? Все! Все, по совѣсти. Вотъ, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости—десять пудовъ, а мозгу—золотника нѣту!

КВАШНЯ.

Ну, это ты врешь! Мозгъ у меня даже очень есть... Нѣтъ, ты зачѣмъ говоришь, что я бутошника моего бью?

АЛЕШКА.

Я думалъ, ты его била, когда за волосы таскала...

КВАШНЯ (*смѣясь*).

Дуракъ! А ты—будто не видишь. Зачѣмъ соръ изъ

избы выносить?.. И опять-же, обидно ему... Опъ отъ твоего разговору пить началъ...

АЛЕШКА.

Стало быть правду говорятъ, что и курица пьетъ!

(*Сатинъ, Клещъ—хохочутъ*).

КВАШНЯ.

У, зубоскалъ! И что ты за человѣкъ, Алешка?

АЛЕШКА.

Самый первый сортъ человѣкъ! На всѣ руки! Куда глазъ мой глянетъ, туда меня и тянетъ!

БУБНОВЪ *(около паръ Татарина)*.

Идемъ! Все равно—спать не дадимъ! Пѣть будемъ... всю ночь! Зобъ!

ЗОБЪ.

Пѣть? Можно...

АЛЕШКА.

А я—подыграю!

САТИНЪ.

Послушаемъ!

ТАТАРИНЪ (*улыбаясь*).

Ну, шайтанъ Бубна... подноси вина! Пить будимъ, гулять будимъ, смерть пришолъ—помирать будимъ!

БУБНОВЪ.

Наливай ему, Сатинъ! Зобъ, садись! Эхъ, братцы! Много-ли человѣку надо? Вотъ я—выпилъ и—радъ! Зобъ!.. Затягивай... любимую! Запою... заплачу!..

ЗОБЪ (*запѣваетъ*).

Со-олнце всходитъ и захо-оди-итъ...

БУБНОВЪ (*подхватывая*).

А-а въ тюрьмѣ моей темно-о!

(*Дверь быстро отворяется*).

БАРОНЪ

(*стоя на порогѣ, кричитъ*).

Эй... вы! Иди... идите сюда! На пустырѣ... тамъ... Актеръ... удавился!

(Молчаніе. Всѣ смотрятъ на Барона. Изъ-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрывъ глаза, идетъ къ столу).

САТИНЪ (*негромко*).

Эхъ... испортилъ пѣсню... дур-ракъ!

(*Занавѣсъ*).

ОСТ 7 1916

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. Эсхилъ. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эсхила.
Цѣна **30** к.

2. Софоклъ. ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

3. Софоклъ. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

4. Софоклъ. АНТИГОНА.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

5. Эврипидъ. МЕДЕЯ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

6. Эврипидъ. ИППОЛИТЪ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

7. Платонъ. ПИРЪ.

Философская поэма. Иллюстраціи: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха. Цѣна **60** к.

8. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА.

Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Съ норвежскаго. Переводъ А. и П. Ганзенъ.
Цѣна **40** к.

9. Э. Золя. УГЛЕКОПЫ.

Романъ въ 8 частяхъ. Переводъ А. Л. Коморской. Изданіе *второе*.
Съ портретомъ Золя. Цѣна **1** руб.

...даніе. Портретъ Лонгфелл
на отдѣльныхъ табл. Тотъ же пере
роскошномъ изданіи, но бумага и

Въ товариществѣ „З

1. РОСКОШНО ИЛЛЮСТР

ЭСХИЛЪ, СОФОКЛЪ,
ЭВРИПИДЪ.

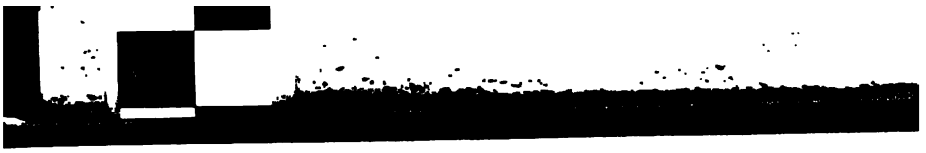
Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стих
ками съ произведеній греческаго искусст
съ рисунковъ на вазахъ и пр. Около 4
40—50 рис. в

2. Леопарди. Р

Содержаніе: — Разговоръ Геркулеса
Смертью.—Разговоръ блуждающаго огня съ гном
Разговоръ земли съ луною.—Споръ Прометея.—
Разговоръ Т. Тассо съ его добрымъ геніемъ.—Ра
говоръ Ф. Рюиша съ его муміями.—Разговоръ Хр
Коперника съ солнцемъ.—Разговоръ Плотина с

3. Леопарди.

4. Байронъ. М



КАТАЛОГЪ

КНИЖНАГО СКЛАДА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

„Знаніе.“

От 1 октября 1903 г.

Просятъ обращаться исключительно по адресу:

Конторы товарищества „ЗНАНІЕ“.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.

Лица, выписывающія по этому адресу книги, помѣщенныя **въ** каталогѣ, **за пересылку не платятъ**; исключаются книги, по которымъ въ данный моментъ принимается подписка.

Подписка считается дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если деньги внесены до выхода книги.

Наложенія платежа на подписныя изданія **не** допускается; книги, поступившія въ продажу, высылаются наложеннымъ платежомъ только въ томъ случаѣ, если при заказѣ доставленъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе четверти стоимости книгъ.

Каталогъ изданій по первому требованію высылается **безплатно.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Тихвинская ул., д. № 33.
1903.

Списокъ отъ 1 октября 1903 г.	Цѣна
М. Горькій. Разсказы. Томъ I.	1 р. — к.
М. Горькій. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ IV.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ V.	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VI	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. *Только въ переплетахъ*	1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины.	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Скиталецъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы	— » 60 »
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разсказы.	1 » — »
Ив. Бунинъ. Томъ II. Стихотворенія	1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
А. Купринъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы	1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты	1 » — »
А. Яблоновскій. Разсказы	1 » — »
С. Елеонскій. Разсказы	1 » — »
Эсхилъ. Скованный Прометей *Изд. второе.*	— » 30 »
Софоклъ. Эдипъ-царь. *Изд. второе.*	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. *Изд. второе*	— » 40 »
Софоклъ. Антигона. *Изд. второе*	— » 40 »
Эврипидъ. Медея. *Изд. второе*	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ. *Изд. второе.*	— » 40 »
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Трагедіи. Роскошно-иллюстр. изд. *Печатается.*	— » — »
Платонъ. Пиръ. *Съ иллюстраціями*	— » 60 »
Бьёрнсонъ. Перчатка	— » 40 »
Байронъ. Манфредъ.	— » 40 »
Байронъ. Каинъ. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Разговоры. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Мысли. *Печатается.*	— » — »
Красинскій. Иридіонъ. *Печатается*	— » — »
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе	— » 80 »
Э. Золя. Углекопы. Изд. *второе*	1 » — »
Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ.	— » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. *2-е*	1 » 50 »
Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. *2-е. Печатается*	— » — »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста	2 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *третье*	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. *второе*	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. *второе*	1 » 50 »
Гандаль. Звукъ. Изд. *второе.*	1 » 50 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *второе*	— » 80 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. *Печатается*	— » — »
Боммели. Исторія земли. *Печатается*	— » — »

Изданія [illegible] „ЗНАНІЕ" (Спб., Невскій, 92).

Спасокъ отъ 1 октября 1903 г.

	Цѣна
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 р. 20 к.
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. *Печатается.*	— » — »
Джэмсъ. Психологія. Изд. *пятое. Печатается.*	1 » 50 »
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи	1 » 50 »
Вундтъ. Введеніе въ философію. *Печатается*	» — »
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV: Кантъ	4 » — »
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. *третье*	3 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція	2 » 50 »
Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи	1 » — »
Зомбартъ. Идеалы соціальной политики *Печатается*	— » 40 »
Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ	— » 40 »
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Гюйо. Исторія и крит. совр. англ. ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность	1 » 50 »
Гюйо. Стихи философа	1 » — »
Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія	2 » — »
Моррисъ. Искусство. Съ иллюстраціями. *Печатается*	— » — »
Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію: *Поступило въ продажу 16 книжекъ. Подробности см. на стр. 22-й и 23-й*	» — »
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи	3 » — »
Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго	— » 40 »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе	6 » — »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ	1 » — »
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изд. *второе*	— » 80 »
Каутскій. Аграрный вопросъ	1 » 50 »
Гертцъ. Аграрные вопросы	» 80 »
Вандервельде. Притягательная сила городовъ	— » 40 »
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ	— » 80 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рескина	1 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ. Часть I	2 » 50 »
Мутеръ. То же сочиненіе. Часть II	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ	17 » — »

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

	Цѣна: безъ пер.	Цѣна: съ пер.
Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли	4 » 50 »	5 » 50 »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища		
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ		
Настольная книга по народному образованію, 3 т.	5 » — »	6 » — »

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ.

Въ шести томахъ. *Содержаніе:*

I томъ. Макаръ Чудра.—О чижѣ.—Емельянъ Пиляй.—Дѣдъ Архипъ и Ленька.—Челкашъ.—Старуха Изергиль.—Однажды осенью.—Ошибка.—Мой спутникъ. — Дѣло съ застежками. — Пѣсня о соколѣ.—На плотахъ.—Болесь.—Тоска.

II томъ. Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ.—Выводъ. — Супруги Орловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олесова. — Товарищи.

III томъ. Въ степи.—Мальва.—Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради. Каинъ и Артемъ.—Дружки —Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.

IV томъ. Ѳома Гордѣевъ. —Двадцать шесть и одна

V томъ. Трое. Пѣсня о буревѣстникѣ.

VI томъ. Пьесы: —Мѣщане.—На днѣ.

Цѣна каждаго тома 1 рубль, въ роскошн. перепл. 1 р. 40 к.

Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

М. Горькій. МѢЩАНЕ.

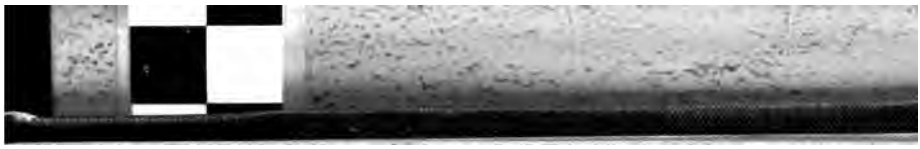
Драматическій эскизъ въ 4 актахъ.

Цѣна въ роск. переплетѣ 1 р.

М. Горькій. НА ДНѢ.

Картины 4 акта

Цѣна 60 к., въ роск. переплетѣ 1 р.



Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 82).

Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ и ПѢСНИ. Томъ I.

Содержаніе:—Колокольчикъ.—Сквозь строй.—«Спитъ море предо мной».—Композиторъ.—«Закипѣла въ сердцѣ кровь...» — Пѣвчіе.—Спѣвка. — «Колокольчики-бубенчики звенятъ...»—«Я хочу веселья...»—«Утромъ зорька молодая...» — Любовь декоратора.—Сонъ.—Ночи.—«Вы сказались, безсонныя ночи...»—Ранняя обѣдня.—Нищіе.—Ручей.—Газетный листъ.—«Пѣтъ, я не съ вами...» — «Моя жизнь—это бурная ночь въ волнахъ...» — Октава.—«Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей...» — Узникъ.—«Я упалъ съ облаковъ...»—«Каждый вечеръ...»—«Ты скажи-ка, оборванецъ молодой...»—«Ну, товарищи...»—За тюремной стѣной.—Алмазы.—Кузнецъ.

Цѣна 1 р.

Л. Андреевъ. РЗАСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Большой шлемъ.—Набатъ.—Ангелочекъ.—Молчаніе.—Смѣхъ.—Валя.—Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ.—На рѣкѣ.—Бездна.—Въ подвалѣ.—Ложь.—Петька на дачѣ.—У окна.—Жили-были.—Стѣна.—Въ темную даль.

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I. II и III.

Цѣна каждаго тома 1 р.—*Содержаніе:*

I томъ. Ранніе всходы.—Бродячій мальчикъ.—Gaudeamus igitur.—Въ лѣсу.—Калигула.—На стоянкѣ.—Студенты пріѣхали.—Съ ночевой.—Совѣтъ.—Прогрессъ.

II томъ. Инвалиды.—Блудный сынъ.—Чужестранцы.—Въ отставку.

III томъ. Тайное счастье.—Въ лощинѣ между горъ.—Какъ это случилось.—Фаустъ.—Именинница.—Лунная ночь.—Лошадка.—Предатель.—Обостренныя отношенія.—Одуванчикъ.

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ.

Содержаніе: На дворѣ во флигелѣ.—За славой. Цѣна 60 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.

Содержаніе: Пастырь добрый. Отецъ Памфилъ.—По теченію. Самоходка.—Обида.—Гдѣ ветлы стояли. Больной.—Конокрадъ.—Миша. Агасферъ.—Сквозь преграды.—Послѣдній часъ.—На родину.—Кахетинка.—Капитанъ Кукъ.—Бѣдный приходъ.—Сборщикъ. Худая молва.—Идеалистъ. Злой духъ.—Жалоба

Цѣна 1 р.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Перевалъ.—Руда. Новая дорога. Осенью.—Туманъ.—Байбаки. Новый годъ.—Антоновскія яблоки.—Велга.—Скитъ.—Тарантелла.—Костеръ. На край свѣта. Кастрюкъ.—Въ Августѣ.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью. На Донцѣ. Фантазеръ. Сосны.—Тишина.—Надежда.

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II. Цѣна 1 р.

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Пѣснь о трехъ юношахъ.—Домой! — Нужда.—Елка Митрича.—Съ Богомъ! — Противъ обычая.—Сухая бѣда. — Счастливецъ. — Сумерки.—Хлѣбъ-соль.—Дѣти.—Дуэль.

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Въ камышахъ. — Месть.—На льдинѣ. — Подъ уклонъ.—Тундра.—Буря.—Дежурство.—Прогулка. Степные люди. —Ночью.—Сцѣпщикъ.—Преступленіе.—Рождественскій канунъ.—На заводѣ.—Подъ землей.

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Молохъ.—Ночная смѣна.—Болото.—Походъ.—Одиночество.—Ночлегъ. Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ циркѣ.—На покоѣ.

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Распадъ. — Невинные.— Портной. — Убійца.—Кабатчикъ Гейманъ.—Ита Гайне.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ. —Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ.—Цѣна 1 р.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изд. Вышелъ *томъ первый.*

Его содержаніе:— Вся лирика, 186 стихотвореній. —Царица Мабъ.— Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ». Демонъ міра.—Аласторъ.—Съ геліогравюрой Діожардэна, изображающей Шелли.—Съ поясним. примѣч К. Д. Бальмонта. Цѣна 2 р.

Второй томъ „Шелли" печатается.

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ-же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна 80 коп.

Э. Золя. УГЛЕКОПЫ.

Романъ въ 8 частяхъ. Переводъ А. Л. Коморской.
Изданіе *второе.* Съ портретомъ Золя. Цѣна 1 руб

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Кроніуса. Цѣна 1 р. 50 к.

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи, составленнаго проф. Спб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Кроніусомъ.

П. Милюковъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Второе изданіе.

Верховники и шляхетство.—С. Т. Аксаковъ.—Станкевичъ.—Бѣлинскій.—Герценъ.—Грановскій.—Эпигоны славянофильства.—Вл. Соловьевъ.

Съ портретами. Цѣна 1 р. 50 к.

№ 2 Клейнъ. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ №

Общедоступныя бесѣды по космологіи.

9 портретовъ. **185** рисунковъ въ текстѣ. **Одиннадцать** цвѣтныхъ табли

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусов*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просв. книга
одобрена *для фунд. и учен., старш. возраста, библіотекъ средн. уч. зав. М мужск. и женск., и для библ. учит. инст. и сем., а также* ***для выдачи наградu*** *учащимся въ означенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
одобрена *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ Мин. Земл. и Гос. Им*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга
одобрена *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Цѣна 1 р. 50 к.; за роскошный переплетъ доплачивается 65 к.

№ 3. Юнгъ. СОЛНЦЕ. № 3

Съ англійскаго. **Дополненія**, написанныя **самимъ авторомъ**.
16 портрет **Три** цвѣтныхъ таблицы. Больше **150 иллюстрацій**.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ* ***заведеній Мини стерства,*** *въ библіотеки учительскихъ институтовъ* ***и семинарій,*** *в учительскія библіотеки городскихъ училищъ и* ***для раздачи въ на граду*** *ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а* ***также допущен въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.***

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
рекомендована *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ Мин. З. и Гос. Им*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отдѣла Мин. Финансовъ книга
рекомендована *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетск. корпусов.*

Цѣна 1 р. 50 к.; за роскошный переплетъ доплачивается 65 к.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

Продолжается подписка на книгу:

КЛЕЙНЪ.

№ 13 — ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА. — № 13

Общедоступныя бесѣды по физической географіи.

Съ нѣмецкаго.—Переводъ В. А. Верещагина и А. П. Нечаева.

Съ предисловіемъ заслуж. ордин. профессора СПБ Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

Книга посвящена настоящему земли. Въ **35** главахъ авторъ **сумѣлъ затронуть и изложить** въ современномъ освѣщеніи **всѣ главные вопросы**, относящіеся къ жизни земли

Краткій очеркъ содержанія. Рядъ разсказовъ изъ исторіи землевѣдѣнія. Новѣйшія **научныя** экспедиціи. Форма и размѣры земли. Вѣсъ и плотность. **Внутренняя теплота.** Возрастъ и происхожденіе материковъ. Моря. Полярные **льды. Морскія** теченія. Приливы и отливы. Острова. Источники. Пещеры. **Рѣки. Озера. Происхожденіе** озеръ. Болота. Лавины. Ледники. Ледниковый періодъ. **Землетрясенія.** Горные обвалы. Вулканическія явленія. Маары. Атмосфера. **Давленіе.** Вѣтры. Ураганы. Облака. Осадки. Грозовыя явленія. Полярныя сіянія Земной магнетизмъ. Погода.

Въ русскомъ изд. сдѣланы дополненія, написанныя А. П. Нечаевымъ

Прибавлены цѣлыя главы. Таковы:

1. Дѣятельность моря.—2. Волга, какъ типичная рѣка русской равнины.—3. Овраги.—4. Дѣятельность вѣтра, дюны, пустыни.—5. Происхожденіе и распредѣленіе почвъ.

Кромѣ того, въ большинствѣ главъ сдѣланы обширныя дополненія по физической географіи Россіи. Напримѣръ:

Коралловые известняки Крыма. — Медоборскія горы. — Артезіанскіе колодцы **Россіи.**—Минеральные источники Россіи.- Пещеры Крыма.--Пещеры - ледники; **Кунгурская** пещера.—Рѣки Россіи: ихъ пороги, водопады, перемѣненія, мели, **острова**, террассы, дельты, половодья.—Озера Россіи, ихъ происхожденіе, **ихъ** заростаніе.—Болота Россіи.—Ледники Россіи. — Землетрясенія въ Россіи.— Оползни.--Вулканы Россіи и пр.

Въ книгу введены карты въ нѣсколько красокъ:

1. Почвенная карта Европ. Россіи. 2 Сейсмическая карта Россіи.— 3. Вулканы. — 4. Морскія теченія. — 5. Льды въ настоящемъ и прошломъ.— 6. Распредѣленіе осадковъ.—7. Распредѣленіе грозъ и пр.

Цвѣтные рисунки изготовлены за границей.

Въ книгѣ будетъ больше 400 иллюстрацій. Особенное вниманіе будетъ обращено на иллюстраціи, относящіяся къ физической географіи Россіи.

Подписная цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Товариществомъ „ЗНАНІЕ“ открыта подписка на серію книгъ по геологіи и палеонтологіи:

№ 15 БОММЕЛИ. ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ. № 15.

Общедоступная геологія.—Съ нѣмецкаго. Переводъ М. А. Энгельгардта. Дополненія по геологіи Россіи.

Роскошныя иллюстраціи: не менѣе 300 рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Рисунки въ нѣсколько красокъ. Ландшафты съ изображеніемъ растеній и животныхъ прошлыхъ геологическихъ эпохъ

Геологическая карта Европейской Россіи въ 14 красокъ.

Сейсмическая карта Россіи въ 4 краски.

Карта, показывающая распредѣленіе вулкановъ.

Карта, показывающая распредѣленіе ледовъ въ настоящую и прошлыя геолог. эпохи и др.

№ 16 Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. № 16.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи. — Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 28 картинъ, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Эти картины заслужили лестный отзывъ Флоуэра, члена Корол. Общ. и директора Естественно-историческаго Музея въ Лондонѣ: «Я могу», пишетъ онъ: «съ полною увѣренностью подтвердить, что г. Гетчинсонъ и работавшій для него вполнѣ образованный художникъ г. Смитъ исполнили свою работу тщательно и добросовѣстно и дали намъ въ большинствѣ случаевъ полное понятіе о внѣшности животныхъ, которыхъ они старались изобразить, согласно лучшимъ свидѣтельствамъ, доступнымъ для насъ въ настоящее время»...

Книга № 16 поступила въ продажу. См. стран. 13

№ 17. Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. № 17.

Съ англійскаго.—Переводъ Дм. Андр. Коропчевскаго.

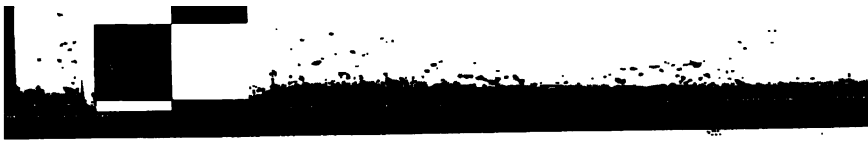
Масса рисунковъ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 24 картины, рисованныя тѣмъ-же Смитомъ.

Въ трехъ книгахъ, № 15, № 16 и № 17, больше 60 печатныхъ листовъ; около 600 иллюстрацій.

Подписная цѣна за эти три книги 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при полученіи первой книги 2 р., при полученіи слѣдующаго выпуска серіи остальное.

По закрытіи подписки цѣна будетъ значительно повышена.



Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

№ 16. **Гетчинсонъ.** № 16.

ВЫМЕРШІЯ ЧУДОВИЩА.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи.—Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ **28 картинъ**, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній **книга** *рекомендована для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. **книга** *одобрена для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ, а также для раздачи въ награду ученикамъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Землед. и Госуд. Им. **книга** *рекомендована для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

ЦѢНА 1 р. 20 к. За роск. переплетъ доплач. 65 к.

Книга входитъ въ составъ серіи по геологіи и палеонтологіи. **ПОДПИСКА на серію** по уменьшенной цѣнѣ еще продолжается; о подпискѣ см. 12 стран. этого каталога.

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

Тиндаль. Звукъ.

Съ англійскаго.—Переводъ *И. А. Антоновича.*—**Второе** русское **изданіе.**—**Двѣсти четыре** иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна **1 р. 50 к.**

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. настоящее изданіе перевода **Антоновича** *одобрено для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.*

Никольскій,

Факторъ зоологіи, пр.-доцентъ С.-Петерб. Университета, мл. зоологъ С.-Петербургской Академіи Наукъ.

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ рис. въ текстѣ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ: растенія; животныя; сцены изъ жизни животныхъ; виды мѣстностей; типы жителей.

Разсказъ о четырехъ научныхъ путешествіяхъ: I. ВЪ ТУРКЕСТАНѢ. II. НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ. III. ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ. IV. НА САХАЛИНѢ.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній **книга** *рекомендована для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. **книга**

одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. **книга**

одобрена для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ **книга**

одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ коммерческихъ училищъ.

Цѣна 2 р. - За роскошный переплетъ доплач. 65 к.

Григорьевъ. КРАТКІЙ КУРСЪ ХИМІИ.

62 рисунка въ текстѣ. Портреты. Цѣна **80** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга допущена для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ химія преподается въ объемѣ, соотвѣтствующемъ этой книгѣ, и для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

Товариществомъ «ЗНАНІЕ» издается

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛО

ТРЕТЬЕ иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе:

№ 1 *Сеньобосъ* **№ 1**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

Эволюція партій и политическихъ формъ.

Съ приложеніемъ очерка „Европа нашихъ дней“ (1897—1902 гг.) русской библіографіи и подробнаго указателя.

Два тома; 840 стр.

ПОРТРЕТЫ: Бисмарка, Гладстона, Биконсфильда, Тьера, Гамбетты, Гарибальди, Кошута, К. Маркса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Оуэна, Луи Блана и многихъ другихъ,—всего до **50** портретовъ.

«Эта книга представляетъ собою замѣчательное по ясности и сжатости изложенія обозрѣніе европейской исторіи за періодъ времени отъ 1814 до 1896 года, причемъ авторъ главное вниманіе обращаетъ на исторію учрежденій и образованіе, составъ, тактику и программы партій, какъ выдающихся факторовъ, рѣшающихъ судьбу учрежденій. Но Сеньобосъ удѣляетъ также мѣсто и фактамъ, касающимся организаціи мѣстныхъ управленій, арміи, церкви, образованія политическихъ ученій, экономическаго строя въ тѣхъ случаяхъ, когда эти факты оказываютъ вліяніе на политическую жизнь».. (Отзывъ «Русскихъ Вѣдомостей» о первомъ изданіи).

«Главное достоинство книги — точныя формулировки политическихъ программъ, конкретныя характеристики конституцій, иногда краткія опредѣленія политическихъ доктринъ. Сеньобосъ старается схватить политическія и конституціонныя аналогіи, ясно опредѣлить всѣ характерные моменты политическаго положенія...

Переводъ сдѣланъ хорошо и дополненъ библіографическими указаніями книгъ и статей, появившихся на русскомъ языкѣ». (Отзывъ «Міра Божьяго» о второмъ изданіи).

Цѣна за оба тома 3 руб.

Каталогъ книгъ изд-ва склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 2. В. ЗОМБАРТЪ. № 2.

Профессоръ Бреславльскаго Университета.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Цѣна 40 коп.

«Превосходное разсмотрѣніе задачъ соціальной политики читатель найдетъ въ недавно выпущенной въ русскомъ переводѣ книгѣ проф. В. Зомбарта «Идеалы соціальной политики»... Зомбартъ превосходно доказалъ автономность соціально-экономическаго идеала» (Изъ статьи П. Берлина въ «Жизни». апрѣль 1900 г.).

(*Первое изданіе распродано, второе - печатается*).

№ 3. Ѳ. Курти. № 3.

членъ швейцарскаго національнаго совѣта, членъ сенъ-галленскаго правительственнаго совѣта.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
и
ДЕМОКРАТІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА. Цѣна 1 р.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: I. Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инициативы въ союзѣ. Г. Ѳ. Львовича. — II. Результаты швейцарскаго референдума. Ѳ. Курти.

«Изъ множества переводныхъ книгъ, которыми завалили нашъ книжный рынокъ, книга Курти выдѣляется интереснымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ. Ея авторъ не компиляторъ, трактующій свою тему по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а безукоризненный политическій дѣятель, которому, какъ члену швейцарскаго національнаго совѣта, хорошо извѣстно то, о чемъ онъ хочетъ бесѣдовать съ читателями».

(Изъ отзыва «Вѣстника Всемірной Исторіи»).

«Для лицъ, интересующихся государственнымъ бытомъ Западной Европы, книга Курти безусловно необходима».

(Изъ отзыва «Журнала для всѣхъ»).

№ 5. К. Каутскій. № 5.

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Цѣна 40 коп.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 4. **ГИББИНСЪ И САТУРИНЪ.** № 4.

Исторія современной Англіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Англія въ началѣ столѣтія. Европейскій конфликтъ и Наполеонъ I.—Наполеонъ и Веллингтонъ. **Промышленная революція и политическія реформы.** Вліяніе промышленности. Торговля и политика.—Англійская индустрія въ прежнія времена.—Великія изобрѣтенія въ области механики. Примѣненіе силы пара и послѣдствія его.—Промышленная революція въ связи съ ростомъ богатства. — Политическія послѣдствія промышленной революціи.—Агитація въ пользу парламентской реформы.—**Положеніе народа.** Благосостояніе нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ. Бѣдность народныхъ массъ.—Зло первыхъ фабрикъ. Агитація въ пользу фабричной реформы. Недовольство и смуты. Рабочіе союзы.—Пауперизмъ.—Заработная плата.—Печальныя условія труда.— **Внутренняя политика и ирландскія дѣла.** Эмансипація католиковъ. Язвы Ирландіи. — **Аграрныя затрудненія** и О'Коннель.—Ирландское земледѣліе и картофельный голодъ.—Желѣзныя дороги. —Почты и телеграфы. **Народная королева.** Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ.—Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.— **Развитіе** свободной торговли.—**Чартизмъ.**—**Англичане за моремъ.**—Вестъ-Индія. **Индія.**—Южная Африка. —Канада и т. д.—**Англичане и иностранныя державы.** Карьера лорда Пальмерстона.—Восточный вопросъ. Пальмерстонъ и Наполеонъ III.—Крымская война.—Иностранная политика Биконсфильда и т. д. **Парламентская реформа и ирландскія смуты.**—Фенін.—Парнель и борьба за гомрулъ и т. д.—**Промышленность и общественная жизнь.** Колоніальный элементъ въ англійской политикѣ.—Народонаселеніе и большіе города. Упадокъ земледѣлія.—Стачки рабочихъ и т. д.

Книга кончается обширнымъ приложеніемъ:

Д. Сатуринъ.

ПОСЛѢДНІЕ МОМЕНТЫ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Южно-африканская война. Причины изолированности Англіи.—Исторія Трансвааля до открытія золотыхъ розсыпей. Постройка золотого города.—Родезія.—Набѣгъ Джемсона. Конституція Трансвааля. Оранжевая республика. Ея конституція.—Почему Оранжевая республика соединила свою судьбу съ судьбой Трансвааля?—Почему колоніи пришли на помощь Англіи?—Джингоизмъ англійской націи.—Деморализація англійской прессы.— Первый періодъ войны. — Второй періодъ.—Мертвая схватка.—Черная недѣля.—Третій періодъ.—Освобожденіе Кимберлея.—Взятіе въ плѣнъ Кронье.—Занятіе Преторіи и т. д.—Итоги южно-африканской войны. **Федерація австралійскихъ колоній.—Голодъ въ Индіи.**

ОТЗЫВЪ „Журнала для всѣхъ" (мартъ 1901 г.) Англичанину Гиббинсу въ этомъ книгѣ принадлежитъ большая и болѣе значительная первая часть: „Англійскій народъ въ XIX в.". Это сжатый и весьма толково составленный очеркъ всѣхъ выдающихся событій въ государственной жизни Англіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней, вплоть до 1898 года. Авторъ, какъ англичанинъ, подсчитываетъ ростъ матеріальнаго богатства и политическаго значенія своей родины за 100 лѣтъ и приходитъ въ общемъ къ самымъ утѣшительнымъ выводамъ.

Русскій **Д. Сатуринъ**, въ краткомъ очеркѣ „Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа" останавливается, главнымъ образомъ, на обратной сторонѣ медали, разбираетъ причины и ходъ южно-африканской войны, рисуетъ темныя стороны голода въ Индіи.

Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. Цѣна 1 р. 20 к.

М. Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.

Первая часть: изложеніе ученій. Бентамъ, Овенъ, Макинтошъ, Джемсъ. Милль, Стюартъ Милль, Гротъ, Бенъ, Бэли, Льюисъ, Сиджвикъ, Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Клиффордъ, Барратъ, Лесли Стефенъ.

Вторая часть: критика. Введеніе. **Книга первая: о методѣ морали. Методъ индуктивный и методъ интуитивный. Книга вторая: нравственная цѣль.** Количество удовольствій, какъ нравственный критерій. Ариѳметическая мораль. Бентама. Полуинтеллектуальная мораль Стюарта Милля. Счастіе человѣчества, какъ нравственный критерій. Мораль симпатіи Ст. Милля. Необходимые законы жизни, какъ нравств. критерій. Натуралистическая и альтруистическая мораль Спенсера. **Книга третья: о нравственномъ долгѣ.** Естественная тождественность интересовъ и принципъ долга по Бентаму. Политическая экономія, соціальная полиція и симпатія. Искусственная ассоціація интересовъ въ мысли, какъ основаніе долга по Ст. Миллю. Искусственное отождествленіе интересовъ путемъ общественной организаціи. Утилитарное воспитаніе и религія. Нравственный организмъ и нравственный инстинктъ. Принципы долга по ученію Ч. Дарвина и Спенсера. **Книга четвертая: о нравственной санкціи.** Нравственная отвѣтственность. Соціальная отвѣтственность. Заключеніе и общіе выводы.

Цѣна 2 рубля. 458 стр. 8°.

М. Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ О ВРЕМЕНИ. Введеніе Альфреда Фулье. Предисловіе автора. Періодъ первоначальнаго смѣшенія. Пассивная форма времени; ея генезисъ исходитъ изъ понятій разницы, сходства, множественности, степени и порядка. Активная основа понятія времени; его генезисъ. Участіе воли, намѣренія двигательной дѣятельности. Настоящее, прошедшее и будущее.— Время и память. воспоминаніе и фонографъ. Пространство, какъ способъ представленія времени.—Нормальныя и патологическія иллюзіи времени.—Заключеніе.

Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. Книга первая. Плотскія удовольствія.- Книга вторая. Духовныя удовольствія.—Книга третья Частныя и общественныя добродѣтели.—Книга четвертая. Новѣйшіе послѣдователи Эпикура.

Цѣна 2 рубля. 372 стр. 8°.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ. Предисловіе.—Книга первая: Принципы искусства и поэзіи.—Книга вторая: Будущее искусство и поэзія.—Книга третья: Будущность и законы стиха.

ОЧЕРКЪ МОРАЛИ. Предисловіе. Введеніе. Критика различныхъ попытокъ метафизическаго оправданія долга.- Книга первая: Нравственный двигатель съ научной точки зрѣнія. Первые эквиваленты долга.— Книга вторая: Послѣдніе возможные эквиваленты долга для поддержанія нравственности.— Книга третья: Идея санкціи.

Цѣна 2 рубля. 376 стр. 8°.

М. Гюйо. Наслѣдственность и воспитаніе.

СОДЕРЖАНІЕ: Внушеніе и воспитаніе, какъ средства, измѣняющія нравственный инстинктъ. Генезисъ нравственнаго инстинкта; роль наслѣдственности идей и воспитанія. Физическое воспитаніе и наслѣдственность. Переутомленіе. Цѣль и методъ интеллектуальнаго воспитанія. Школа. Высшее и среднее образованіе. Воспитаніе дѣвушекъ и наслѣдственность. Воспитаніе и періодическая смѣна культуръ интеллекта. Что составляетъ истинную цѣль эволюціи и воспитанія: наслѣдственный автоматизмъ или полная сознательность. Дополнения 340 стран. 8°.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

М. Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія.

Предисловіе А. Фульє.—Портретъ автора.

Часть первая: Принципы, какъ соціологическая сущность искусства.—1. Общественная солидарность—принципъ наиболѣе полной эстетической эмоціи. —2. Геній, какъ сила общественности и какъ созданіе новой среды.—3. О симпатіи и объ общественности въ критикѣ. — 4. Выраженіе индивидуальной и соціальной жизни въ искусствѣ. — 5. Реализмъ. Тривіализмъ и средство избѣгнуть его.—**Часть вторая: Примѣненіе принциповъ. Соціологическая эволюція современнаго искусства.**—1. Психологическій и соціологическій романъ.—2—4. Введеніе философскихъ и соціальныхъ идей въ современную поэзію.—5. Стиль, какъ способъ выраженія и орудіе симпатіи. Эволюція современной прозы 6. Литература декадентовъ и несуравновѣшенныхъ; ея анти-соціальный характеръ. Нравственная и соціальная задача искусства.

Цѣна **2** рубля.

М. Гюйо. Стихи философа.

Книга I: **Мысль.** — Книга II: **Любовь.** — Книга III: **Искусство.** Книга IV: **Природа и человѣчество.**

Цѣна **1** р.

М. ЛЕКЛЕРКЪ.

ВОСПИТАНІЕ И ОБЩЕСТВО ВЪ АНГЛІИ.

Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

КНИГА ПЕРВАЯ. Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи. Воспитаніе въ семьѣ. Англійская и французская семьи. Воспитаніе въ школѣ, воспитаніе физическое, нравственное, умственное. Публичныя школы. Параллель съ Франціей. Родъ государства. Организація начальнаго образованія. Департаментъ наукъ и искусствъ. Техническое образованіе. Среднее образованіе въ Валлисѣ. Университеты. Характеристика старыхъ англійскихъ университетовъ. Внутренняя жизнь Оксфорда и Кембриджа Расширеніе дѣятельности университетовъ. Вліяніе университетовъ на среднія школы и на страну. Мѣстные университетскіе экзамены. Распространеніе университетскаго образованія. Провинціальные университетскіе колледжи. Экзаменующія корпораціи. Печать, газеты и журналы. Библіотеки. Общій обзоръ современнаго положенія. **КНИГА ВТОРАЯ. Профессіи и общество въ Англіи.** Экономическое положеніе Англіи прежде и въ настоящее время. Развитіе общества въ политическомъ отношеніи. Общественные классы. Ихъ взаимныя отношенія. Политическое воспитаніе. Культура страны. Индивидуальная и общественная нравственность. Религія. 516 стр. 8°. **Цѣна 3 рубля**

Паульсенъ. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА БУДУЩАГО. Цѣна 40 коп.

Георгъ Майръ.

СТАТИСТИКА и ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Профессора **ГЕОРГА МАЙРА.**

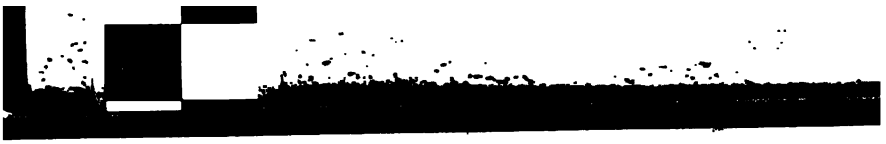
Въ двухъ томахъ.

Это капитальное произведеніе знаменитаго статистика, недавно появившееся въ нѣмецкомъ оригиналѣ, распадается на два тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА. Человѣкъ, какъ массовое явленіе. Соціальные группы и союзы. Соціальная масса, какъ объектъ научнаго наблюденія Наука о соціальныхъ массахъ. Отношеніе науки о соціальныхъ массахъ къ другимъ отраслямъ знанія. Статистическая наука и ея общія основанія. Статистическій методъ и статистическая техника. Статистическія учрежденія. Къ исторіи статистики.

ВТОРОЙ ТОМЪ посвященъ статистикѣ населенія.

Цѣна за оба тома (878 стр. 8°) **6 рублей.**



Принимается подписка на изданіе т-ва „ЗНАНІЕ“,
составленное Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

Настольная книга по народному образованію.

Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣ-школьному образованію народа.

Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учрежденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ трехъ томахъ, **свыше 2500 страницъ** очень убористой печати.

Изданіе составлено по первоисточникамъ; программа его обнимаетъ всѣ вопросы школьнаго и внѣ-школьнаго образованія народа.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Отдѣлъ I. Завѣдываніе народнымъ образованіемъ.—Отдѣлъ II. Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Отдѣлъ III. Узаконенія и распоряженія, касающіяся государственной службы. Отдѣлъ IV. Учебныя заведенія и испытанія, дающія права на учительскія званія.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Отдѣлъ V. Узаконенія и распоряженія о низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Отдѣлъ VI. О школьной гигіенѣ и санитаріи.—Отдѣлъ VII. Узаконенія и распоряженія, касающіяся статистики народнаго образованія.—Отдѣлъ VIII. О внѣ-школьномъ образованіи народа.—Отдѣлъ IX. О до-школьномъ образованіи.

Цѣна за три тома по подпискѣ: 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Два тома (1538 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. вышедшіе 2 тома «Настольной книги» *допущены въ библ. учит. институтовъ и семинарій, въ учит. библ. низшихъ учеб. зав. и въ безплатныя нар. читальни и библіотеки.*

Народное Образованіе въ Россіи.

Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Историческій очеркъ.—Современная организація начальнаго народнаго образованія въ Россіи.—Статистика и изданія по народному образованію.—Финансовыя средства народнаго образованія.—Главныя статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія.—Грамотность населенія.—Таблицы.—Литература. Съ приложеніемъ статьи В. Ю. Скалона:

«Народное образованіе въ Финляндіи».

Цѣна 1 руб. 50 коп. 252 стр. 8°.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя **Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.**

1) **Учительскія семинаріи и школы.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для учащихъ и учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ всѣхъ вѣдомствъ, а также для готовящихся къ поступленію въ нихъ. **Цѣна 2 р.**

2) **Испытанія на званія уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей, на магометанскія должности, на вольноопредѣляющагося II разряда и на первый классный чинъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. *Второе, значительно дополненное, изданіе.* **Цѣна 1 р.**

3) **Испытанія на званіе начальнаго учителя** (начальныхъ училищъ; инородческихъ училищъ; церковно-приходскихъ школъ). Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. **Цѣна 25 к.**

4) **Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 50 к.**

5) **Городскія, уѣздныя и маріинскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о городскихъ училищахъ по Положенію 1872 г., объ уѣздныхъ училищахъ по Уставу 1828 г. Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. **Цѣна 1 р.**

6) **Народныя училища по Положенію 25 мая 1874 года.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 75 к.**

7) **Приходскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, постановленій и распоряженій о приходскихъ училищахъ по Уставу 1828 г. и городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ по Положенію 1839 г. **Цѣна 25 к.**

8) **Министерскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. **Цѣна 25 к.**

9) **Частныя училища и домашнее обученіе.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ II и III разрядовъ, домашнемъ обученіи, училищахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и горнозаводскихъ училищахъ. **Цѣна 50 к.**

10) **Инородческія и иновѣрческія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній объ училищахъ: colонистскихъ, протестантскихъ, католическихъ, армянскихъ, для раскольниковъ и сектантовъ, инородческихъ, магометанскихъ, караимскихъ и еврейскихъ. **Цѣна 50 к.**

11) **Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 40 к.**

См. слѣд. стр.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

(*Продолженіе*).

12) **Народныя училища сѣверо-западнаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 50 к.

13) **Народныя училища юго-западнаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 40 к.

14) **Народныя училища Прибалтійскаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 75 к.

15) **Народныя училища Царства Польскаго.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 60 коп.

16) **Народныя училища Кавказа, Сибири, Степнаго края, Туркестана, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерній, Донской области и Казачьихъ войскъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 75 коп.

Готовится къ печати рядъ новыхъ справочныхъ изданій по различнымъ вопросамъ школьнаго и внѣ-школьнаго образованія

Э. ЛЕВАССЕРЪ.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ

Переводъ подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Въ составленіи книги принимали участіе: проф. Георгъ Майръ, Блеинъ, Бодіо и многіе другіе выдающіеся статистики и государственные дѣятели. Она является плодомъ болѣе чѣмъ десятилѣтней работы автора, выполненной при помощи Международнаго Статистическаго Института. Цѣль книги—объединить и свести въ одну картину данныя о развитіи и современномъ положеніи народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ міра.

Первая часть книги заключаетъ въ себѣ описаніе положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ странахъ. Вторая часть посвящена общему сравнительному очерку положенія народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ.

Цѣна 3 рубля. 452 стр. 8°.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Финляндія.

Подъ редакціей Д. Протопопова.

При участіи И. Андреева (псевд.), В. Валлина, Г. В., А. Гранфельта, О. Грундстрёма, Г. К—на, Я. Клерикуса (псевд.), К Лейно, Neuter (псевд.), Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикканена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Форселля, г-жи М. Фрибергъ и Э. Эркко.

Содержаніе: Географическій очеркъ. — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ".—Законодательство, управленіе и судъ.—Церковное устройство и религіозныя движенія—Финансы.- Промышленность и торговля.—Сельское хозяйство.—Сельское населеніе.—Рабочіе. — Среднее образованіе. - Національное движеніе и партіи. — Общественная жизнь.—Періодическая печать.— Низшее образованіе. —Университетъ и студенческая жизнь. - Наука.— Литература. Искусство.— Борьба съ пьянствомъ.— Призрѣніе бѣдныхъ

61 иллюстрація: (виды Финляндіи, группы жителей, портреты выдающихся дѣятелей и писателей, картины финскихъ художниковъ и т. п.). Карта Финляндіи.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вандервельдэ.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ГОРОДОВЪ

Переводъ *Л. Винци.* Редакція Р. П. Цѣна 40 коп.

Дрейфусъ. ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(1894 — 1899).

Съ французск.—Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Смирнова.

Цѣна 1 р. 20 к.

А. И. Тертвago.

НЕ ПО ТОРНОМУ ПУТИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

К. ГУГО.

Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.

(Städte-Verwaltung und Municipal-Sozialismus in England).

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

Д. Протопопова.

Содержаніе: Глава I. Введеніе.—II. Исторія англійскихъ муниципалитетовъ.—III. Исторія самоуправленія Лондона.—IV. Совѣтъ лондонскаго графства.—V. Задачи городовъ въ области общественной гигіены.—VI. Пожарное и страховое дѣло.—VII. Рынки.—VIII. Снабженіе газомъ.—IX. Электрическое освѣщеніе.—X. Снабженіе гидравлической силой.—XI. Городскіе трамваи.—XII. Телефоны.—XIII. Народныя библіотеки.—XIV. Музеи, галлереи и художественныя школы.—XV. Техническія школы.—XVI. Отношеніе къ рабочему вопросу.—XVII. Реформа городского обложенія.—XVIII. Заключеніе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

«Новыя теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ чрезвычайно интересной и поучительной книжкѣ Гуго, заключаются въ постепенномъ расширеніи сферы городского самоуправленія и въ борьбѣ муниципалитетовъ съ частными предпріятіями» (Міръ Божій, іюнь 1898 г.

«. . . Мы дали только приблизительное понятіе о содержаніи этой любопытной и поучительной книги. Мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее всякому, кто интересуется вопросами городского самоуправленія». (Жизнь).

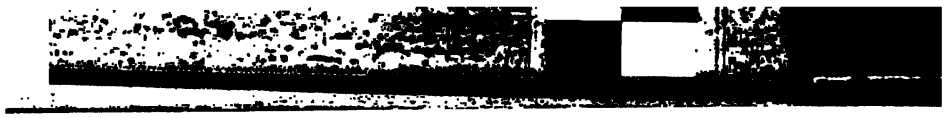
ВЫШЛА КНИГА:

Э. Бернштейнъ.

Историческій Матеріализмъ.

Второе изданіе.

Цѣна 80 коп.



Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“:

Вольтеръ.

По Коллини, Ваньеру, Штраусу и друг.

Переводъ съ нѣмецкаго *И. Андреева*. Редакція Д. Протопопова.

Съ портретомъ Вольтера. Цѣна 1 рубль.

БІОГРАФІЯ ВОЛЬТЕРА И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

«... Блестящая, полная, несмотря на свою краткость, штраусовская біографія Вольтера занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ о «царѣ мысли XVIII вѣка» и вмѣстѣ съ книгою Морлея и подробнымъ жизнеописаніемъ Денуартера представляетъ лучшее, что когда-либо было написано о немъ. Всѣ болѣе важные факты долгой жизни Вольтера освѣщены съ мастерствомъ настоящаго художника, литературныя произведенія его оцѣнены съ тонкимъ критическимъ тактомъ. Переводъ очень хорошій». (**Русскія Вѣдомости**, 1898 г. № 228).

«**Книга Штрауса**, такъ блестяще и тонко написанная, составляетъ для нашей исторической литературы цѣнный вкладъ. Имя Штрауса русскимъ читателямъ извѣстно по его другому труду, тоже прекрасному, «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ». Въ нашей замѣткѣ мы не дѣлаемъ разбора его сочиненія о Вольтерѣ, потому что самъ по себѣ трудъ этотъ давно уже занимаетъ первоклассное мѣсто въ ряду многочисленныхъ біографій и сочиненій о Вольтерѣ. Его отличительныя особенности—объективность и полнота, несмотря на краткость, и талантливое освѣщеніе дѣятельности Вольтера. Издана и переведена книга прекрасно».

(**Жизнь**, январь 1899 г., книга 2-я).

Куно Фишеръ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Поступилъ въ продажу томъ четвертый. Содержаніе:

Иммануилъ Кантъ. Возникновеніе и основаніе критической философіи.

Съ четвертаго, юбилейнаго нѣмецкаго изданія.—Перев. *Н. Н. Полилова*, *П. О. Лосскаго* и *Д. Е. Жуковскаго*.—Съ портретомъ Канта.

Цѣна 4 рубля.

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ»:

ДЖ. А. ГОБСОНЪ.

ЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ РЁСКИНА.

Переводъ съ англійскаго *Н. Тончевской* и *В. Либина.*

Редакція Д. Протопопова.

ЕРЖАНІЕ: Первые годы жизни и ихъ вліяніе.—Переходъ отъ искусства вопросамъ общественныхъ реформъ.—Критика ходячей политической эко-ія.—Теорія соціальной экономіи Рёскина.—Заблужденія въ наукѣ и практикѣ йшей промышленности.—Промышленная конкурренція.—Истинный обще-енный строй.—Соціализмъ и аристократизмъ.—Машина и промышленный од.—Воспитаніе.—Положеніе женщины въ обществѣ и ея воспитаніе.—мышленные опыты.—Гильдія св. Георга.—Краткая характеристика дѣятель-ности и вліянія Рёскина.

Съ геліогравюрнымъ портретомъ Рёскина.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЭРКМАНЪ-ШАТРІАНЪ.

ГАСПАРЪ ФИКСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ *Е. Джунковской.*

Редакція Д. Протопопова.

Цѣна 65 коп.

«Въ живой формѣ разсказа въ этомъ произведеніи правдиво обрисовы тся эпоха революціи 1848 г. и начало 2-ой имперіи во Франціи... Въ об-мъ правдивый, ярко разцвѣченный искреннимъ чувствомъ разсказъ чи-тся съ большимъ интересомъ»... (Отзывъ «Сѣв. Кавказа»).

ИНСАРОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Исторія третьей республики. Цѣна 2 р. 50 к.

Новое изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“:

К. КАУТСКІЙ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переводъ *И. Андреева* и *В. Либина*

Редакція **Д. Протопопова**.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ф. О. Гертцъ.

АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ.

Съ предисловіемъ **Э. Бернштейна**.

Переводъ *А. Ильинскаго*. Редакція *Д. Протопопова*

Цѣна 80 коп.

Л. Вигуру.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

ВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Съ предисловіемъ **Поля де-Рузье.**

Переводъ *А. Серебряковой*.

Редакція **Д. Протопопова.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ»:

Э. ВУРМЪ.

ЖИЗНЬ НѢМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Мандельштама.*

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ: Питаніе нѣмецкихъ рабочихъ, помѣщеніе, домашнее хозяйство, доходы, болѣзненность и смертность.

Цѣна 80 коп.

«...Въ каждой главѣ авторъ сопоставляетъ требованія нормальной гигіены съ данными точныхъ статистическихъ изслѣдованій о современномъ положеніи рабочихъ въ Германіи... Книга Вурма даетъ массу интересныхъ фактовъ и наводитъ на серьезное размышленіе... Переводъ сдѣланъ удовлетворительно и хорошимъ языкомъ». (Сынъ Отечества, 28 апр. 1899).

«Книга Вурма, депутата германскаго рейхстага, представляетъ огромный интересъ и навѣрно разойдется въ широкихъ кругахъ публики. Такъ какъ циклъ экономическаго развитія разныхъ странъ во многомъ совпадаетъ, то съ помощью книги Вурма мы, говоря словами проф. Чупрова, «какъ бы въ туманной перспективѣ» можемъ взглянуть въ будущія судьбы экономически отставшихъ странъ». (Извѣстія Книж. Магазин. Т-ва М. О. Вольфъ, № 9—10, 1899)

Роза Люксембургъ,

Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Ф. Гурвича.*

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ:

I **Исторія и современное положеніе польской промышленности.** 1) Мануфактурный періодъ 1820 — 1850; 2) Переходъ къ крупной промышленности; 3) Періодъ крупной промышленности въ Польшѣ; 4) Главные районы польской промышленности; 5) Сбытъ произведеній польской промышленности.

II. **Экономическая политика Россіи въ Польшѣ.** 1) Исторія борьбы между Лодзью и Москвой; 2) Условія промышленнаго производства въ Польшѣ и въ Россіи; 3) Экономическія отношенія между Польшей и Россіей; 4) Политическіе интересы Россіи въ Польшѣ; 5) Экономическіе интересы Россіи на Востокѣ.

Цѣна 50 коп.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій. 92).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ:

Р. МУТЕРЪ.

Исторія живописи въ XIX вѣкѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго *З. Венгеровой.*

I, II, III тт. и ИСТОРІЯ «РУССКОЙ ЖИВОПИСИ» *А. Бенуа*, которая составляетъ отдѣльный IV ТОМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Введеніе.—Завѣты XVIII вѣка.—Начатки современнаго искусства въ Англіи.—Положеніе искусства въ остальной Европѣ.—Реакція классицизма въ Германіи. Классическая реакція во Франціи.—Традиція и свобода. - Возвратъ къ прошлому.—Назареяне.- Мюнхенское искусство при королѣ Людовикѣ I.--Дюссельдорфская школа.--Завѣты нѣмецкой романтики.--Предвѣстники романтизма во Франціи.- Поколѣніе 1830 г.—Juste-milieu.--Эпигоны классицизма и романтизма. -Историческая живопись въ Бельгіи.—Колористы въ Германіи. Паденіе псевдо-идеализма.

Томъ II. Введеніе.- Побѣда современнаго искусства.— Рисовальщики.— Англійская живопись до 1850 г. Батальная живопись.—Этнографическій жанръ.—Юморъ.—Анекдотическая живопись.- Соціалистическая тенденція въ живописи. - Сельская жизнь въ искусствѣ. - Пейзажная живопись въ Германіи.—Начатки paysage intime.—Пейзажъ 1830 г.—Милэ (J. F. Millet).—Реализмъ во Франціи.—Реализмъ въ Англіи.—Реализмъ въ Германіи.--Современное пониманіе колорита.—Японцы. Импрессіонисты.

Томъ III. Введеніе. - Реалисты.--Франція. —Испанія.—Италія.—Англія.—Бельгія.—Голландія.--Данія.- Швеція. - Норвегія.- Россія.--Америка.—Германія.—Неоидеализмъ.--Духъ новаго идеализма.—Англія.—Уистлеръ и Шотландцы.- Франція. Германія.--Литература.- Указатель рисунковъ.--Библіографическій указатель художниковъ.

Томъ IV. Введеніе.--Первые шаги. -Портретисты XVIII в. — Кипренскій. Тропининъ. Орловскій.- Венеціановъ и его школа. Ѳ. Толстой.—Первые пейзажисты. Первый академическій періодъ.—К. Брюлловъ въ Италіи. К. Брюлловъ въ Россіи.- Бруни. Эпигоны академизма. --Вліяніе академіи на реалистическую школу. - Академическій жанръ. --Карикатуристы.— А. Ивановъ: Явленіе Мессіи.—А. Ивановъ: Эскизы.—Крамской.—В. Васнецовъ.—Пестеровъ.--Ѳедотовъ. Переломъ 50-хъ годовъ.—Эстетика 50-хъ годовъ. - Отказъ 13 ти конкурентовъ — Реалисты 50-хъ годовъ. — Петръ Соколовъ. — Сверчковъ. - В. Перовъ. Художники 60-хъ годовъ. — Прянишниковъ. -Крамской.--Рѣпинъ - - Савицкій. — Ярошенко.—Верещагинъ.— В. Маковскій Освобожденіе отъ тенденціи. Пейзажисты Воробьевской школы. Лебедевъ О. Васильевъ.—Айвазовскій. - Клодтъ. — Шишкинъ.—Куинджи Саврасовъ. Поленовъ. Дубовской. — Реалисты. Суриковъ.—Новыя вѣянія.--Міръ искусства.- С. Дягилевъ. С. Мамонтовъ. Левитанъ.—Сѣровъ.—Константинъ Коровинъ. — Нестеровъ. - Аполлинарій Васнецовъ.— Якунчикова. — Остроумова.— Ціонглинскій. Интернаціоналисты.— Бразъ.— Малявинъ. Возрожденія декоративнаго искусства. - В. Васнецовъ.—Е. Поленова.— К. Коровинъ.—Головинъ.—Малютинъ. - Національнымъ въ искусствѣ.—Врубель. Бакстъ.- Лансере.—К. Сомовъ. - Литература.

Цѣна за всѣ четыре тома 17 руб.

Допускается разсрочка:

При полученіи I-го тома . . . . . 5 руб
» » II » . . . . . 5 »
» » III » . . . . . 4 »
» » IV » . . . . . 3 »

Роскошные переплеты каждаго тома по 1 руб., крышки по 75 к.

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Р. МУТЕРА:

ИСТОРІЯ ЖИВОПИСИ

ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ДО XIX СТОЛѢТІЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *К. Бальмонта.*
Иллюстрированное изд. въ ТРЕХЪ томахъ:
томъ 280 стр. 8°, съ 52 рис. на отд. табл., на мѣл. бум.

Цѣна I тома **2** руб. **50** коп

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Мозаичный стиль.—Мистицизмъ въ станковой живописи.—Эпическій стиль Джотто.—Фресковая живопись конца треченто.—Борьба стараго духа времени съ новымъ.—Византійство и мистика.—Конецъ монументальнаго стиля.—Первые реалисты.—Буря и натискъ во Флоренціи.—Піеро-делла Франческа.—Зарницы.—Мантенья.—Послѣдователи Мантеньи.—Гуго-ванъ-деръ-Гусъ.—Эпоха Лоренцо Великолѣпнаго.—Савонарола.—Піеро ди-Козимо.—Боттичелли.—Филиппино Липпи.—Религіозно-мірское настроеніе.—Кривелли.—Перуджино.—Беллини.—Мемлингъ.—Леонардо.—Сближеніе съ Италіей.—Нидерландцы.—Кельнцы.—Дюреръ.—Франконія и Баварія—Эльзасъ и Швабія.—Гольбейнъ.

Только что вышелъ **II томъ.**

Томъ II. Вліяніе Леонардо.—Послѣдователи Леонардо.—Джіорджіонс. Корреджіо.—Понятіе о красотѣ чинквечento.—Тиціанъ.—Современники Тиціана.—Микель-Анжело. Побѣда формальнаго.—Рафаэль. Конецъ Возрожденія въ Италіи.—Roma caput mundi.—Лоренцо Лотто.—Тинторетто.—Испанцы.—Духъ контръ-реформаціи.—Церковная живопись. Бытовая живопись.—Пейзажная живопись. Рибейра и Сурбаранъ. Веласкесъ. Мурильо.—Рубенсъ.—Современники Рубенса.—Ванъ-Дейкъ. Первые портретисты.—Франсъ Хальсъ.—Современники Хальса.—Рембрандтъ.

Томъ II. 242 стр. 8°, съ 40 рис. на отдѣльныхъ таблицахъ

Цѣна **2** руб. **50** коп.

III томъ печатается.

СОДЕРЖАНІЕ III тома (краткое): I. Конецъ Голландской живописи. II. Аристократическое искусство во Франціи. III. Побѣда буржуазіи.

Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ“.

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ. Томы I—V. . . . . по 1 р. — к.

М. Горькій. ПЬЕСЫ. Томъ VI. . . . . 1 » — »

Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. . . . . 1 » — »

Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ. Томъ I . . 1 » — »

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I—III . . . по 1 » —

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ. . . . . . — » 60

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II . . . . . 1 » —

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . 1 » — »

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . 1 » »

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. . . . . 1 » — »

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . 1 » — »

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ. . . . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ . . . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ. . . . . . 1 » — »

А. Яблоновскій. РАЗСКАЗЫ. . . . . . 1 » — »

Содержаніе: Очерки гимназической жизни. Пухимъ. Дебютъ. Деревенскія картинки. — На изысканіяхъ. Конокрадъ. Удружилъ. Ребятишки. Завѣтная мечта.

С. Елеонскій РАЗСКАЗЫ. . . . . . 1 » — »

Содержаніе: — Неизреченный свѣтъ. На поповомъ дворѣ. Папаша-крестный. Грубіянъ. Зарокъ. Огорченіе. Юбилей. — Ссора.

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Новое трехтомное изд. Вышелъ томъ I, съ геліогравюрой Дюжардэна . . . . . 2 » — »

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Роскошно иллюстр. изданіе: около 400 рис. въ текстѣ; портретъ Лонгфелло; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ . . 2 » — »

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Дешевое изд. . — » 80 »

Байронъ. МАНФРЕДЪ . . . . . — » 40 »

Новый переводъ въ стихахъ Ив. А. Бунина.

Платонъ. ПИРЪ. Иллюстрированное изд.: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха . . . — » 60 »

Дозв. цензурою. Спб., 27 Августа 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступило въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе перваго тома:

1. Лирика. 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ „Царицѣ Мабъ“.
4. Демонъ міра. Поэма.
5. Аластеръ. Поэма.

Геліогравюра Дюкардена, изображающая Шелли.
Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

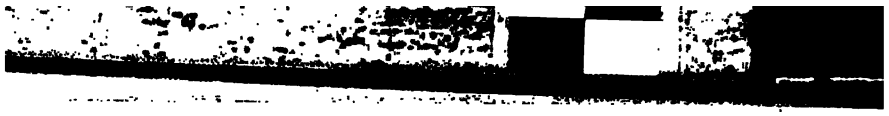
Цѣна **2** руб.

Печатается **ТОМЪ ВТОРОЙ.**

Содержаніе второго тома:

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора изд-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.



Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ".

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ. Томы I—V. . . . . по 1 р. — к.
М. Горькій. ПЬЕСЫ. Томъ VI. . . . . — » 60 »
Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. . . . . 1 » — »
Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ. Томъ I . . . . . 1 » — »
Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I—III . . . . . по 1 » — »
Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ. . . . . . — » 60 »
И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »
И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II . . . . . 1 » — »
Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »
А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »
А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »
С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ. . . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ. . . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ. . . . . . 1 » — »
А. Яблоновскій. РАЗСКАЗЫ. . . . . . 1 » — »
С. Елеонскій РАЗСКАЗЫ. . . . . . 1 » — »
Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Полное трехтомное изд. Вышелъ томъ I, съ геліогравюрой Дюжардэна . . . . . 2 » — »
Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Роскошно-иллюстр. изданіе: около 400 рис. въ текстѣ; портретъ Лонгфелло; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ . . 2 » — »
Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Дешевое изд. . . — » 80 »
Платонъ. ПИРЪ. Иллюстрированное изд.: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха . . . — » 60 »
Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА. Драма. *Второе изд.* . . . . . — » 40 »
Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ. . . . . . 1 » 50 »
***Ш. Сеньобосъ.* ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ** современной Европы. 2 тома. Третье изданіе . . . . . 3 » — »

Дозв. цензурою. Спб., 27 Августа 1903 г. Типографія М. М. Колобушкина. Пряжка д. 1—3.